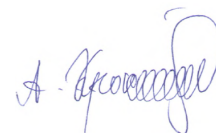

**Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации**
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

КРАСНОВ АРТУР АЛЕКСАНДРОВИЧ

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ
ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
кандидат юридических наук,
доцент **Васильев А.М.**

Краснодар – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
1 Теоретико-правовые основы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел.....	17
1.1 Основные этапы формирования в России уголовно-правовых положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния.....	17
1.2 Обстоятельства, исключающие преступность деяния: правовая природа и реализация в деятельности органов внутренних дел.....	47
1.3 Зарубежный опыт регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния.....	69
2 Законодательные и правоприменительные проблемы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел и пути их решения.....	95
2.1 Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов при осуществлении деятельности органов внутренних дел.	95
2.2 Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в деятельности органов внутренних дел.....	127
2.3 Правомерность применения крайней необходимости и последствия ее превышения в деятельности органов внутренних дел.....	144
2.4 Исполнение приказа или распоряжения в деятельности органов внутренних дел.....	176
Заключение.....	189
Список использованных источников.....	196
Приложение А Опросный лист.....	234

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, отражает баланс частных и публичных интересов в уголовном праве. С одной стороны, его нормы позволяют индивиду в определенной неблагоприятной обстановке применить наиболее доступный в темпоральном отношении способ защиты прав – самозащиту, а с другой – способствуют реализации правоохранительной функции государства.

Как известно, уже на этапе становления государственности была осуществлена правовая регламентация необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, что подтверждает объективную социально-правовую значимость рассматриваемого института.

Определенная специфика реализации норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, проявляется в деятельности правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, сотрудники которых могут выступать как субъектом уголовно-правовой квалификации, так и субъектом преступления в случае нарушения ими пределов допустимости причиненного вреда. В процессе применения норм главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на практике выявляются их противоречивость и пробельность, а также излишнее использование оценочных категорий. Обозначенные трудности обусловлены сложной системой межотраслевого урегулирования условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости и исполнении приказа или распоряжения. Особенно ярко это проявляется в процессе сопоставления положений УК РФ и федеральных законов «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ и «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Зачастую сотрудники органов внутренних дел не могут сформировать четкое понимание правомерности причинения вреда в условиях перечисленных

обстоятельств. Подобная ситуация существенно ограничивает их в действиях, снижая потенциал в борьбе с преступностью.

С момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации значительное число монографических исследований было посвящено изучению как в целом института обстоятельств, исключающих преступность деяния, так и отдельных его элементов. В то же время комплексный анализ положений ст. 37, 38, 39 и 42 УК РФ, особенно востребованных в деятельности сотрудников органов внутренних дел, не проводился.

Изложенное свидетельствует об актуальности и своевременности исследования специфики реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, применительно к деятельности органов внутренних дел.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Рассмотрение заявленной темы предполагает анализ института обстоятельств, исключающих преступность деяния, как в уголовно-правовом, так и межотраслевом измерениях. Исследованием заявленной проблематики с различных ракурсов занимались: В.Ф. Антонов, Т.Ш. Атабаева, В.В. Бабурин, М.В. Балалаева, Е.А. Баранова, П.А. Береснев, В.А. Блинников, В.Н. Борков, А.М. Васильев, Е.Г. Веселов, Н.Г. Вольдимарова, Н.В. Голубых, А.П. Дмитренко, Е.В. Донец, Т.К. Донцова, Д.А. Дорогин, Ю.Е. Духовник, А.В. Заря, В.Л. Зуев, А.Б. Иванов, Н.Г. Кадников, А.Г. Кибальник, Н.Ш. Козаев, О.В. Кондрашова, В.П. Коняхин, И.В. Коробицин, И.А. Королева, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Меркурьев, О.В. Мизина, С.Ф. Милюков, В.И. Михайлов, С.В. Пархоменко, А.В. Петровский, Д.В. Перцев, В.Е. Пономарь, К.И. Попов, А.С. Рабаданов, М.Н. Ронина, Е.А. Русскевич, А.Л. Савенок, А.В. Савинов, А.В. Савинский, Э.Л. Сидоренко, А.И. Ситникова, И.Р. Сичинава, А.М. Смирнов, М.А. Смирнова, И.Г. Соломоненко, Ю.В. Старостина, С.М. Старых, А.В. Сумачев, И.В. Талаев, Н.Н. Турецкий, Е.Д. Шелковникова, Г.С. Шкабин, С.Н. Шрамко, А.С. Шумков, С.А. Якунина, М.А. Якуньков и др.

Глубокий анализ правовой природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, осуществлен в диссертационных

исследованиях А.В. Никуленко «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации» (Санкт-Петербург, 2019 г.), Чинь Суань Чыонг «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам» (Москва, 2019 г.). Специфика уголовно-правовой оценки отдельного из них – необходимой обороны – отражена М.А. Смирновым в диссертации «Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии» (Санкт-Петербург, 2022 г.)

Указанные работы, безусловно, обладают высокой теоретической и практической значимостью. При этом следует признать, что на сегодняшний день отсутствуют исследования, посвященные всему комплексу норм, образующих институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в контексте их применения сотрудниками органов внутренних дел.

Объект диссертационного исследования – общественные отношения, возникающие в процессе реализации института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел.

Предмет исследования – система теоретических знаний об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, опыт их законодательной регламентации в России и зарубежных странах, а также особенности применения положений ст. 37–39 и 42 УК РФ в деятельности органов внутренних дел.

Цель исследования состоит в разработке теоретической модели реализации института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел, направленной на дальнейшую оптимизацию действующего уголовного законодательства и практики его применения.

Необходимость достижения обозначенной цели обусловила постановку и решение следующих основных **задач**:

– выделить основные этапы становления и развития отечественных уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в том числе в контексте их реализации в деятельности сотрудников органов внутренних дел;

– проанализировать правовую природу обстоятельств, исключающих преступность деяния;

– установить особенности реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел, связанные с исполнением их сотрудниками обязанностей по пресечению преступлений и охране правопорядка:

– обобщить положительный опыт регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в законодательстве зарубежных государств;

– установить специфику осуществления необходимой обороны в деятельности органов внутренних дел;

– определить границы возможных действий сотрудников органов внутренних дел при задержании лица, совершившего преступление;

– выявить проблемы установления правомерности мер, применяемых сотрудниками органов внутренних дел в условиях крайней необходимости, и последствия превышения ее пределов, сформулировать предложения по их разрешению;

– исследовать особенности исполнения приказа или распоряжения в рамках деятельности органов внутренних дел;

– в контексте темы диссертации разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства и ведомственных нормативных правовых актов, способствующие оптимизации правоприменительной практики.

Нормативная основа исследования представлена Конституцией Российской Федерации, Уголовным кодексом Российской Федерации, Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, федеральными

законами «О полиции», «О противодействии терроризму», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», «О Федеральной службе безопасности», «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», содержащими положения, которые представляют интерес в контексте темы диссертации.

Сравнительно-правовой аспект исследования потребовал обращения также к уголовному законодательству зарубежных стран (всего более 30, в том числе Австралии, Австрии, Азербайджана, Алжира, Беларуси, Болгарии, Германии, Грузии, Испании, Италии, Казахстана, Кыргызстана, Латвии, Литвы, Марокко, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, Перу, Польши, Сан-Марино, Сингапура, США, Таджикистана, Узбекистана, Франции, Эстонии и др.).

Теоретическая основа исследования включает фундаментальные положения отечественной уголовно-правовой науки дореволюционного, советского и современного российского периодов.

В ходе исследования в наибольшей мере использовались непосредственно связанные с темой диссертации работы таких авторов, как Ю.В. Баулин, А.В. Бриллиантов, А.А. Герцензон, С.А. Домахин, Д.А. Дорогин, В.Ф. Кириченко, В.П. Коняхин, В.Н. Козак, С.Ф. Милуков, А.В. Никуленко, А.В. Петровский, Э.Ф. Побегайло, А.И. Ситникова, И.И. Слуцкий, И.С. Тишкевич, В.И. Ткаченко, И.М. Тяжкова, Т.Г. Шувгалидзе, Х.А. Эркенов, М.И. Якубович и др.

Эмпирическую основу исследования составили постановления Пленума Верховного Суда РФ и действовавшие ранее постановления Пленума Верховного Суда СССР; связанные с реализацией обстоятельств, исключающих преступность деяния, материалы судебной практики Верховного Суда РФ и федеральных судов ряда регионов Российской Федерации, в том числе Краснодарского края, Красноярского края, Московской области, Омской области, г. Санкт-Петербурга, Республики

Татарстан, Хабаровского края, Республики Хакассия и т.д. (всего изучено 286 судебных актов); а также результаты исследований отечественных ученых и проведенного соискателем опроса 84 сотрудников органов внутренних дел; иные данные.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания, позволивший рассмотреть институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, в динамике. Отдельные компоненты данного института изучались посредством таких общенаучных методов как сравнение, анализ, синтез, обобщение. Применение формально-юридического (частнонаучного) метода позволило разработать авторскую дефиницию обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также их классификацию. Историко-правовой и сравнительно-правовой методы способствовали постижению генезиса и алгоритмов развития соответствующих норм в различных правовых системах, а конкретно-социологический (изучение судебной практики, анкетирование) метод предопределил формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства и практики его применения.

Научная новизна диссертации определяется выбором темы, а также содержанием основных положений и выводов исследования.

Сформулированы две авторские периодизации законодательных подходов к регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния: первая отражает общую линию развития рассматриваемого института и фиксации его отдельных компонентов; вторая акцентирует внимание на специфике описания правомерности действий сотрудников органов внутренних дел при наличии данных обстоятельств. Установлено, что важным результатом правотворческого и научного поиска в контексте определения правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, стал переход от ненаказуемости к концепту непреступности причиненного вреда. Даны доктринальные дефиниции обстоятельств, исключающих преступность деяния, и крайней необходимости. Раскрыты особенности реализации

необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимости, исполнения приказа или распоряжения в деятельности органов внутренних дел и уточнены условия правомерности причинения вреда при наличии указанных обстоятельств. Предложен алгоритм оптимизации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, с учетом системных свойств уголовного права, предполагающий, в том числе, аккумуляцию всех нормативных предписаний, формирующих перечень таких общих обстоятельств и определяющих условия правомерности причиненного вреда в главе 8 УК РФ и изъятие таковых из ведомственных нормативных актов.

Научную новизну диссертационного исследования отражают основные **положения, выносимые на защиту:**

1. Определены периоды функционирования института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в отечественном уголовном праве, в том числе применительно к деятельности органов внутренних дел.

Динамику становления и развития общих положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, характеризуют:

1) включение задержания преступника и необходимой обороны в сферу правовой регламентации (X–XV вв.); 2) закрепление в законодательстве права на самооборону и задержание лица, совершившего преступление (XVI в.); 3) расширение границ необходимой обороны и закрепление правовых оснований для задержания преступника (XVII в.); 4) формирование правового института обстоятельств «при коих содеянное не вменяется в вину» (XIX – начало XX в.); 5) сужение уголовно-правовой регламентации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, до установлений о крайней необходимости и необходимой обороне, а также отождествление ее с задержанием преступника (начало XX – середина XX в.); 6) формализация в уголовном законе положений о необходимой обороне и крайней необходимости, закрепление условий их правомерности (вторая половина XX в.); 7) формирование института обстоятельств, исключающих

преступность деяния, посредством выделения в структуре Общей части УК РФ главы 8.

Установлено, что *генезис обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, применительно к их реализации в деятельности органов внутренних дел* включает следующие этапы:

1) обособление в законе общественной и государственной функции по задержанию и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступление, что нашло отражение в Псковской судной грамоте 1467 г.; 2) закрепление правовых оснований задержания преступника в Соборном Уложении 1649 г.; 3) выделение специальных норм о правомерности действий сотрудников полиции и стражей по задержанию преступника в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.; 4) фиксация положений об обстоятельствах, исключаяющих преступность деяния, без каких-либо существенных изменений относительно правоприменительной деятельности органов внутренних дел в УК РФ 1996 г.

2. Научно обосновано и сформулировано определение обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, под которыми предлагается понимать объективно существующие обстоятельства, формирующие отсутствие признаков противоправности в действиях субъекта причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, и влекущие ненаказуемость такого причинения вреда при соблюдении условий его правомерности.

3. Уточнена классификация обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, на общие и специальные.

Первые закреплены в главе 8 УК РФ и делятся на:

– определяющие достижение социально полезной цели (ст. ст. 37–39, 41 УК РФ);

– обуславливаемые ограничением волеизъявления субъекта (ст. 40 и ст. 42 УК РФ).

Специальные обстоятельства, исключая преступность деяния, закрепляются в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Среди них обстоятельства, определяемые тяжелыми жизненными условиями лица (примечание к ст. 151); направленные на профилактику опасных инфекционных заболеваний (примечание к ст. 230) и в целом на охрану здоровья граждан (примечание 3 к ст. 238¹); непосредственно вытекающие из установленных Конституцией Российской Федерации гарантий (примечания к ст. 205⁶, ст. 308, ст. 316, ст. 322). Примечание к ст. 228² УК РФ представляет собой частный случай малозначительности деяния, а потому не является элементом рассматриваемой группы. Данный перечень может корректироваться законодателем исходя из развития общественных отношений и потребностей правоприменительной практики.

4. Установлены особенности реализации обстоятельств, исключая преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел, связанные с исполнением их сотрудниками обязанностей по пресечению преступлений и охране правопорядка: деятельность сотрудников органов внутренних дел не подпадает под уголовно-правовые предписания о физическом или психическом принуждении и об обоснованном риске; при этом обоснованный риск в силу специфики правоприменения в деятельности органов внутренних дел полностью исключен, поскольку действия сотрудника органа внутренних дел, выходящие за рамки нормативных установлений, влекут наступление юридической ответственности.

5. Выявлены специфические черты регламентации обстоятельств, исключая преступность деяния, в уголовном законодательстве зарубежных государств, которые заключаются в: 1) учете данных обстоятельств в качестве смягчающих наказание или свидетельствующих о совершении преступления по неосторожности (УК Аргентины), либо обуславливающих непривлечение лица к уголовной ответственности (УК КНР, Польши); 2) детальной проработке условий правомерности

причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве стран англо-американской правовой семьи (Великобритании, Канады, США); 3) выделении в уголовном законодательстве Германии двух видов регламентации крайней необходимости: правомерной и оправданной; 4) расширении границ правомерности необходимой обороны при совершении как преступления, так и правонарушения (УК Испании и Франции).

В качестве позитивного опыта следует рассматривать фиксацию таких неизвестных УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК Республики Беларусь, ст. 52 УК Кыргызской Республики); причинение вреда при осуществлении оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий (ст. 35 УК Республики Казахстан).

6. Необходимую оборону в деятельности органов внутренних дел следует рассматривать как субъективное право сотрудника органа внутренних дел на самооборону и как публичную обязанность пресекать противоправное посягательство в отношении третьих лиц. Для обоих случаев недопустимо установление в ведомственном законодательстве положений, ограничивающих действие ст. 37 УК РФ.

7. Доказано, что задержание сотрудником органа внутренних дел может применяться к лицу, совершившему любое преступное деяние, при условии, что лицо явно проявляет намерение скрыться и не подчиниться законным требованиям сотрудника.

В силу того, что вопросы квалификации преступлений и выбора меры уголовно-правового характера относятся к прерогативе суда, при задержании сотрудник органа внутренних дел с учетом известных ему данных может: 1) с соблюдением условий правомерности причинить вред при наличии достаточно объективных (внешних) признаков деяния, воспринимаемых как преступление; 2) пресечь совершение общественно опасного деяния лица, не

являющегося субъектом преступления, для его доставления в органы внутренних дел. Позиция о том, что задержание возможно исключительно в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности, несостоятельна.

8. Под крайней необходимостью следует понимать уголовно-правовой подинститут, представляющий собой систему правовых установлений относительно правомочия на причинение вреда охраняемым интересам личности, общества и государства в ситуации возникновения реальной опасности причинения вреда более значимым охраняемым законом интересам личности, общества и государства, при невозможности его предотвращения иным способом.

В отношении сотрудника органа внутренних дел крайнюю необходимость следует рассматривать через призму обязанности, вытекающей из профессионального статуса. В случаях, когда необходимый акт не был осуществлен должностным лицом, последнее может быть привлечено к уголовной ответственности за халатность.

9. Причинение вреда при исполнении приказа или распоряжения характеризуется условиями правомерности, относящимися к: 1) приказу (распоряжению): обязательность для субъекта причинения вреда; отсутствие заведомой незаконности приказа или распоряжения; 2) деянию: наличие отношений подчиненности по службе (для исполнителя приказа или распоряжения лицо, отдавшее приказ, является вышестоящим должностным лицом непосредственного подчинения); соответствие причиненного вреда целеполаганию, заложенному в законном обязательном приказе или распоряжении.

10. Причинение вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий необходимо рассматривать в качестве самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, и оформить в структуре рассматриваемого института уголовного права. Причинение вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий является общим

обстоятельством, исключающим преступность деяния, обуславливающим достижение социально полезной цели. Его специфика выражается в применяемых средствах и методах выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений. При этом обстановка причинения вреда не соответствуют действующим нормам об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, которые недопустимо применять по аналогии. Положения о правомерности причинения вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий должны отвечать отраслевой чистоте норм и подлежат переводу из акта иной отраслевой принадлежности – ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» – в УК РФ как базовый источник уголовного права.

11. В результате проведенного исследования предложен комплекс мер по совершенствованию российского законодательства.

Определены основные направления оптимизации законодательного описания ст. ст. 37–39 и 42 УК РФ, нашедшие отражение в тексте работы.

Также предлагается дополнить ст. 108 и ст. 114 УК РФ новой частью, устанавливающей ответственность за деяния, совершенные при превышении пределов крайней необходимости.

Аргументирован вывод о необходимости приведения положений ведомственных нормативных правовых актов в соответствие с предписаниями УК РФ. В частности, указание в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» на обязательность минимизации причиняемого ущерба в качестве дополнительного условия правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в случае наличия обстоятельств, исключающих преступность деяния, излишне и подлежит исключению.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты вносят вклад в уголовно-правовую науку в части сформулированной дефиниции обстоятельств, исключающих преступность деяния, выработки авторского подхода к определению их правовой природы и классификации. Исследование носит межотраслевой характер и представляет интерес с позиции рассмотрения института Общей части уголовного права во

взаимосвязи с правовой базой деятельности органов внутренних дел. Полученные выводы могут быть использованы при проведении научных исследований по обозначенной в диссертации проблематике.

Практическая значимость диссертационного исследования выражается в том, что сформулированные предложения по совершенствованию действующих правовых норм и алгоритм их применения могут быть использованы в правотворческом процессе, в правоприменительной деятельности органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, судов, в учебном процессе, в научно-исследовательской работе в ходе дальнейшего анализа института обстоятельств, исключающих преступность деяния, при повышении квалификации сотрудников органов внутренних дел и иных правоприменительных органов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена использованием совокупности общенаучных и частно-научных методов познания, востребованных в уголовно-правовых науках и соответствующих обозначенному объекту, предмету, цели и задачам. Исследование базируется на обширном круге нормативных и доктринальных источников, а также репрезентативных эмпирических данных. Сформулированные теоретические выводы согласуются с иными опубликованными работами по теме диссертации.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения, выводы, предложения по совершенствованию уголовного законодательства в соответствующей его части, а также по оптимизации процесса его применения, содержащиеся в работе, изложены в 13 научных статьях автора (4 из них опубликованы в изданиях, включенных в перечень ВАК). Они обсуждались на кафедре уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, а также на шести конференциях различного уровня: VIII Международной научно-практической конференции «Интеграция науки, образования, общества, производства и экономики» (Уфа, 2022 г.);

II Ярославском юридическом форуме (Ярославль, 2022 г.); Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях» (Волгоград, 2023 г.), II Международной научно-практической конференции «Наука. Технологии. Инновации» (Петрозаводск, 2023 г.); Международной научно-практической конференции «Цифровизация в глобальном научном пространстве» (Самара, 2023 г.); Международном научном форуме «Наука и Инновации – Современные Концепции» (Москва, 2023 г.); Международной научно-практической конференции «Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В.П. Коняхина» (Краснодар, 2024 г.).

Материалы исследования используются в учебном процессе юридического факультета им. А.А. Хмырова Кубанского государственного университета, юридического факультета Армавирского лингвистического социального института, а также в практической деятельности сотрудников Главного управления МВД России по Краснодарскому краю.

Структура диссертационного исследования определена его целью и задачами и включает введение, две главы, объединяющие семь параграфов, заключение, список использованных источников и приложение.

1 Теоретико-правовые основы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел

1.1 Основные этапы формирования в России уголовно-правовых положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния

Обстоятельства, исключающие преступность деяния, перманентно становятся предметом анализа теоретиков уголовного права, поскольку при всей своей объективно естественной природе обладают сложным набором юридических признаков, требующих комплексного исследования. С одной стороны, их законодательная регламентация – продолжение закрепленных еще первобытными обычаями прав на самозащиту и кровную месть. С другой стороны, будучи объективным явлением, указанные обстоятельства обладают сложной правовой природой.

По справедливому утверждению А.Ф. Кони, «Необходимая оборона будет существовать вечно, потому что основана на законе необходимости, а этот закон по самому существу своему вечен. Поэтому понятие о необходимой обороне существует исстари и никогда не перестанет существовать; это *pop scripta, sed nata lex* (Cicero pro Milone), закон, вытекающий непосредственно из человеческой природы»¹.

Обращаясь к опыту законодательной фиксации факторов, свидетельствующих о непротивности содеянного, необходимо подчеркнуть, что они получили регламентацию уже в древнейших источниках российского права, что объясняется их объективной сущностью. Каждый индивид обладает естественным правом на обеспечение неприкосновенности своей жизни и имущества. Действительно, человек на инстинктивном уровне стремится сохранить свою жизнь, ее целостность во всех проявлениях. Отражение

¹ Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1996. С. 10–11.

внезапного посягательства – единственно возможное решение, когда в моменте нет государственного или общественного института, способного прийти на защиту. Отсюда и самозащита – по сути обычное право – до сих пор с точки зрения общей теории первый из возможных в темпоральном смысле и, пожалуй, самый простой (доступный) из способов защиты своих прав.

Потому начало формирования института обстоятельств, исключающих преступность деяния, связывается именно с положениями о необходимой обороне.

Ее правовая регламентация опиралась, помимо самозащиты, еще и на понимание кровной мести. Вместе с тем предписания о необходимой обороне, зафиксированные в источниках древнерусского права, символизировали переход от первобытнообщинного строя к ранней государственности и стремление власти вытеснить родовой обычай нормами писаного права. Как известно, первые источники права не были моноотраслевыми, носили во многом казуистический характер, а вошедшие в них правовые нормы закрепляли (либо охраняли) наиболее важные сферы общественной жизни, отражали уже сложившиеся правила общежития. Тем самым, значимость необходимой обороны, не ставшей плодом правотворчества, а признаваемой в первую очередь, имманентной самому существу человека, трудно переоценить.

Интересно, что, вопреки современному пониманию, право необходимой обороны трактовалось достаточно узко: оно предусматривалось при защите только от посягательств на имущество. В Русской Правде (краткой редакции) закреплялось право убить вора, застигнутого на месте преступления (ст. 38)¹. По сути данная норма еще полностью дублировала обычай. Вместе с тем наблюдается мягкое вытеснение обычного права: если вор не был убит незамедлительно, а был связан, удерживался лицами, его уличившими, то

¹ Русская Правда (краткая редакция) / подг. текста, пер. и коммент. М.Б. Свердлова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13 (дата обращения: 28.03.2024).

убить его уже было нельзя, поскольку возникала ситуация самосуда (ст. 40)¹. Данное положение получило развитие в ст. 77 Русской Правды (пространной редакции)², обязывающей не укрывать вора под угрозой привлечения к ответственности вместо действительного преступника. В таком случае его необходимо было привести на суд князя. В этом проявляется тонкое понимание уже в рассматриваемый период грани между необходимой обороной – деянием, совершенным сиюминутно, под влиянием сильных эмоций, и продуманного самосуда, который был запрещен³.

При этом А.В. Никуленко справедливо заметил: «Невозможно с уверенностью сказать, что же имел в виду древний законодатель – правомерным признается даже убийство вора, не оказывающего сопротивления»⁴. Отсюда остается открытым вопрос о конкуренции необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, и мести. В то же время совершенно справедлив вывод Е.А. Евтушенко о том, что нормы об обороне в тот период не отражали либералистских идей, стремления неукоснительно соблюдать принцип справедливости. Они, скорее, представляли собой легализованную месть, саморасправу за причиненный вред. Такой вывод делается из того, что в правовых актах рассматриваемого периода отсутствовали указания на соразмерность причиненного вреда, пределы его причинения⁵. Здесь нужно понимать принципиальную разницу в правовом регулировании первоначального и современного этапов: если сейчас ни у кого не возникает сомнений в публичности уголовного права, то в первые

¹ Там же.

² Русская Правда (пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Краснов А.А. Становление уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключают преступность деяния в России // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-3. С. 122-126.

⁴ Никуленко А.В. Обстоятельства, исключают преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 53.

⁵ Евтушенко Е.А. О развитии института обстоятельств, исключают преступность деяния, в уголовном законодательстве России // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 255.

годы действия Русской Правды ответственность даже за убийство носила частный характер, что выражалось в допустимости кровной мести.

Итак, именно Русская Правда выступает отправной точкой правовой регламентации такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как превышение мер, необходимых для задержания совершившего преступление. Так, убийство задержанного вора рассматривалось как привилегированное (ст. 19–20 краткой редакции); за убийство простого свободного человека – штраф в размере 40 гривен, за вырывание бороды или усов – 12, за обнажение меча – 1¹.

По мере укрепления государственной власти в законодательстве происходит ограничение права на самосуд и устанавливается полный запрет на архаичную кровную месть. Отчетливо эта тенденция стала проявляться в законодательстве XV в. Так, Псковская судная грамота (1471 г.) закрепляла положение о праве на внесударственный розыск преступника и его частное задержание (ст. 34–35). Однако в ней четко определялось, что судебная функция принадлежит исключительно государству, поскольку задержанный подлежал передаче органам власти для отправления правосудия². О стремлении государства укрепить свою власть через норму права ярко свидетельствуют положения Белозерской уставной грамоты 1488 г., в ст. 13 которой был закреплен запрет на самосуд и устанавливалась обязанность задержать вора, пойманного с поличным. Наказуем был человек, отпустивший всякого вора, а не только давшего задержавшему посул³.

Сходные положения были закреплены в Судебнике 1497 г., нормы которого предполагали обязанность задержать преступника (обидчика), при

¹ Русская Правда (краткая редакция) / подг. текста, пер. и коммент. М. Б. Свердлова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13 (дата обращения: 28.03.2024).

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 66; Попрядухина И.В. Ужесточение уголовной ответственности по Судебнику 1497 года // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2 (78). С. 158–161.

³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М. 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 198.

этом за неисполнение этого предписания предусматривалась ответственность: «А у поля стояв помирятся, и боярину и диаку имати по тому ж рочету пошлины свои; а околничему четверть и диаку четыре алтыны з денгою, а неделщику четверть, да неделщику ж вязчего два алтына» (ст. 5)¹.

Постепенно регламентация права на задержание лица, совершившего преступление, и на самооборону стала консолидироваться. Уже в ст. 20 Судебника 1550 г.² закреплялось право на поиск и задержание лица, совершившего преступление, через процедуру выдачи бессрочной грамоты, при этом допускалось применение физической силы, исключая убийство. Однако правосудие осуществляло только государство.

Ренессанс права на самозащиту приходится на середину XVII в. Вместе с тем в его основе были не нормы древних славян о праве самозащиты и кровной мести, а зарождающаяся в Европе новая философия понимания сущности человека (Р. Декарт, Б. Спиноза, Т. Гоббс), которая не могла не оказать влияние и на законодательные идеи России. Наиболее ярко это проявилось в изменении подходов к регламентации необходимой обороны. Дальнейшее развитие названное право получило в Уложении 1649 г. Русский правовед А.А. Берлин в этой связи писал, что «только в Уложении 1649 г., а позже – в Воинских артикулах и Морском уставе мы находим уже довольно подробное регулирование необходимой обороны»³.

В ст. 200–201 Соборного уложения 1649 г.⁴ закреплялось право на самозащиту от преступных посягательств, направленных как на имущество, так и на жизнь и здоровье. В частности, в них говорилось о праве хозяина дома, на который осуществлялось нападение, применять самооборону, в отличие от Судебника 1550 г., вплоть до причинения смерти или ранения. Однако лишение жизни вора не должно было иметь признаков самосуда. В законе

¹ Судебник 1497 г. URL: https://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073675_17929_sudebnik_1497_goda.pdf (дата обращения: 28.03.2024).

² Судебник 1550 г. URL: <http://his95.narod.ru/1550.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Берлин А.А. О необходимой обороне. Ярославль, 2011. С. 8.

⁴ Соборное Уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

четко определялось, что убийство допустимо лишь тогда, когда он «изымати себя не дает», следовательно, оказывает силовое сопротивление, или есть вероятность, что он скроется от задержания. Еще одно основание лишения жизни преступника установлено в ст. ст. 8, 88–91 гл. 21 Уложения «О разбойных и татийных делах» при задержании вора, нападающего на жилище: «а кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя: не приезжай в чужой дом насильством»¹.

Расширение границ необходимой обороны происходит и за счет закрепления права на защиту от преступления не только себя и своего имущества, но и чужих прав, что не только дозволялось, но и входило в обязанность соседей и слуг (Уложение 1649 г., гл. 22, ст. 16, 22)². В указанной норме устанавливается не право, а именно обязанность холопов и крестьян защищать господина от нападения на него и членов его семьи. Примечательно, что в рассматриваемом источнике отчетливо прослеживается закрепление публично-правового характера отношений в сфере пресечения преступлений. Так, впервые появляется положение, согласно которому «кто догонит изменника и убьёт его, получит награду» (Уложение 1649 г., гл. 2, ст. 15)³.

Показательно также, что в рассматриваемые нормы впервые включены требования правомерности необходимой обороны: закреплялась обязанность оборонявшегося заявить о случившемся в приказ или окольным людям. К самообороне приравнивались действия, совершенные холопами в целях защиты своего хозяина. Вместе с тем положений о соразмерности нападения и защиты в рассматриваемый период нормы права не содержали, что говорит о достаточно слабом понимании правовой природы необходимой обороны законодателем того времени.

Позднее на основе правовых установлений о необходимой обороне начинает формироваться новое обстоятельство, исключаящее преступность

¹ Там же.

² Там же.

³ Соборное Уложение 1649 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

деяния, – превышение мер, необходимых для задержания преступника. Об этом свидетельствует тот факт, что право на необходимую оборону было распространено и на случаи, когда вор был убит или ранен при попытке к бегству с места преступления, когда преступник был задержан и оказывал сопротивление¹.

В Соборном уложении 1649 г. была предпринята попытка закрепления правовых оснований для задержания преступника, а именно доставление вора или разбойника в «губу».

Значительный прогресс в развитии правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, отмечается в Артикуле воинском 1716 г.² и в Морском уставе 1720 г.³, где они были поименованы как «нужное оборонение», понимаемое как право убийства нападающего. Воинские артикулы признавали возможность необходимой обороны при посягательстве на жизнь. Так, устанавливалось право убийства вора, вошедшего в дом ночью, лишь для защиты жизни: «вора, который в ночи в дом ворвётся, без страха наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно, ибо надлежит рассудить, что вор не для единой кражи, но чтобы и умертвить в дом ночью врывается»⁴.

Расширяет рамки необходимой обороны Морской устав, указывая на ее возможность и при посягательстве на здоровье человека. Революционными являются положения данных источников, указывающие на условия правомерности необходимой обороны. Во-первых, убийство можно было причинять, если иным способом защитить себя не представлялось возможным

¹ См.: Краснов А.А. Генезис института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в источниках русского права X-XIX вв. // *International Law Journal*. 2022. Т. 5. № 7. С. 57-62.

² Артикул воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 28.05.2023).

³ Морской устав 13 Января 1720 года. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/piter-1/piter-1-doc-3485.html#/overview> (дата обращения: 28.03.2024).

⁴ Артикул воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

(«всякий должен (если задран будет) столько долго уступать, елико возможно, и так без смертного убийства из страха спастись»)¹.

Во-вторых, устанавливался запрет на убийство убегающего вора («того ради есть ли оный, кто задерет, уступит и от обиженного побежит, а обиженный ево настигать побежит, и тогда убьет, то оный уже регулы нужного оборонения преступил. И тако смертное убийство из отмщения нежели от оборонения учинил»). В-третьих, закреплялся запрет на применение самообороны в отношении воинского начальника («... тот живота лишен будет, кто в сердцах против своего начальника за свое оружие примется... ибо почтение генеральству всеконечно и весьма имеет ненарушимо быть»). В-четвертых, арт. 154 относит к смертоубийству только такие случаи, когда лишение жизни было сделано «без нужды и без смертного страха»².

Обращает на себя внимание включенное в Морской Устав 1720 г. положение о привлечении к уголовной ответственности на общих основаниях при несоблюдении условий ее правомерности. «Ежели кто регулы нужного оборонения преступит, тот уже не яко оборонитель, но яко преступник судим да будет, по рассмотрению воинского суда, смертью, или каторжной работой, или иным чем наказан будет»³. Наказанию подлежали и лица, не выполнившие обязанности по задержанию и пресечению действий «злодея». Вместе с тем данное положение следует рассматривать сквозь призму того, что Артикул воинский охватывал своим действием не гражданских лиц, а только тех, кто находился на воинской государевой службе.

Рассматриваемые источники не разграничивали необходимую оборону и задержание преступника. Так, в ч. 2 ст. 157 гл. 19 артикулов «О смертном

¹ Морской устав 13 Января 1720 года. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/piter-1/piter-1-doc-3485.html#/overview> (дата обращения: 28.03.2024).

² Артикул воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Морской устав 13 Января 1720 года. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/piter-1/piter-1-doc-3485.html#/overview> (дата обращения: 28.03.2024).

убийстве»¹, убийство, совершенное при преследовании лица, совершившего нападение, рассматривалось по правилам необходимой обороны. Получили свое законодательное закрепление и положения о крайней необходимости. Так, в арт. 195 указывалось на смягчение наказания либо освобождение от уголовной ответственности, если воровство или «истребление» имущества было вызвано крайней голодной нуждой (которую вор доказать имеет), а предметом хищения было нечто съестное или питейное, или иное что невеликой цены.

Важным этапом в формировании правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, стал Указ Екатерины I «О подметных письмах» 1726 г. В нем государство впервые четко определяло поощрительный характер правовой оценки действий, направленных на задержание злоумышленников, в частности, распространителей «подметных писем» (ст. 5–6 Указа). «А кто увидит такого человека, кто такие письма, где будет подкидывать или прибывать, и, поймав его, приведет, и такие из офицеров и солдат награждены будут чинами, а гражданских и прочих чинов люди немалою суммой денег»².

Значительный прогресс в правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, был достигнут в нормах Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.³ (далее – Уложение 1845 г.) Прежде всего можно с уверенностью констатировать создание самостоятельного правового института, поскольку положения о нем были помещены как в Общей, так и в Особенной частях Уложения 1845 г. Вместе с тем нельзя не указать и на то, что правовая природа необходимой обороны определялась законодателем нечетко. Об этом свидетельствует помещение установлений о ней в общем перечне обстоятельств «при коих содеянное не

¹ Артикул Воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 28.03.2024).

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 5. С. 493–494.

³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 28.03.2024).

вменяется в вину»¹. К таковым, согласно ст. 98–109 отд. 2 гл. 3 Уложения 1845 г., впервые в уголовном законодательстве России были отнесены: невинность, малолетство, безумие, ошибка, принуждение от превосходящей непреодолимой силы; необходимая оборона и др.

В Общей части рассматриваемого источника уголовного права были прописаны условия правомерности необходимой обороны (ст. 107 и ст. 109 Уложения 1845 г.). Нормы об анализируемых обстоятельствах были помещены в отделение первое гл. 3 и предусматривали в том числе принуждение от превосходящей непреодолимой силы и необходимость обороны. В целом эти установления имеют весьма современное звучание. В ст. 107 допускалось причинение застигнутому при похищении или повреждении имущества, если тот «силою противился своему задержанию или прекращению начатого им похищения или повреждения»².

Весьма значимо получившее закрепление в более ранних источниках российского уголовного права требование о соразмерности нападения и применяемой защиты. Вместе с тем новой для отечественного права явилась детализация условий правомерности необходимой обороны в зависимости от обстановки нападения. Так, применение оружия для самообороны не влекло ответственности лишь при условии, что нападающий также вооружен, или безоружен, но совершает нападение либо наедине, либо при явном физическом превосходстве. Важным уточнением в связи с этим выступает указание о наличии опасности для жизни в момент нападения: применение насильственной защиты и причинение вреда нападающему должны носить вынужденный характер, когда у обороняющегося нет иного выхода. Помимо этого, в Уложении 1845 г. четко указывается, что за пределами правомерности находится причинение вреда противнику, обратившемуся в бегство. В целом следует констатировать: в Уложении 1845 г. закреплена правомерность

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Гл. 3. Ст. 98. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845> (дата обращения: 28.03.2024).

² Там же.

пассивной обороны. Обращают на себя внимание и сохранившиеся с середины XVII в. широкие границы необходимой обороны, определяющиеся не только посягательствами на жизнь, здоровье и имущество, но и на половую неприкосновенность («целомудрие и честь») женщины.

Важным указанием в законе выступает то, что правомерность необходимой обороны, помимо названных условий, определялась и невозможностью получения защиты со стороны государства в лице местных органов власти. Причем о любом факте применения необходимой обороны вменялось в обязанность сообщать представителям государственной власти на местах.

В особенной части Уложения 1845 г. закреплялись условия ответственности за превышение пределов необходимой обороны. В частности, наказуемы убийство, причинение увечья или ран при выходе за рамки условий правомерности необходимой обороны (ст. 1467 и 1493 Уложения 1845 г.)¹. Сторонники дореволюционной уголовно-правовой теории активно дискутировали относительно несовершенств нормативных установлений и объективной сложности юридических признаков рассматриваемых обстоятельств. Например, Н.С. Таганцев пишет: «Оборона допускается... в защиту имущества и при том не только в случае поимки вора на месте, но даже и тогда, когда вор бежал, но был догнан хозяином и оказал ему сопротивление. Тать или разбойник никоим образом не мог сопротивляться против преследовавших его и подлежал смертной казни даже за нанесение им ран»². Критиковал положения Уложения 1845 г. А.А. Берлин, ссылавшийся на законодательное закрепление ненаказуемости (но все же как разновидность преступления) необходимой обороны вместо первостепенной ее правомерности в целом³. Безусловно, эти понятия несут различные смысловые

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ulonakaz1845>(дата обращения: 28.03.2024).

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 197.

³ Берлин А.А. Право необходимой обороны. Ярославль, 1911. С. 96.

оттенки и, кстати, указание лишь на ненаказуемость свидетельствует о наличии вреда охраняемым интересам, а значит, об общественной опасности содеянного.

В свою очередь, задержание лица, совершившего преступление, именовалось «правомерным самоуправством»¹. С точки зрения Н.С. Таганцева, речь шла об «осуществлении права»²; Л.С. Белогриц-Котляревского – исполнении закона³; П.П. Пусторослева – «незаменимой саморасправе»⁴. В целом следует констатировать, что большинство авторов рассматриваемого периода вслед за законодателем принципиально не разграничивали задержание лица, совершившего преступление, и необходимую оборону.

Согласно Уложению 1845 г., полиция принимает меры к пресечению уклонения от следствия в случаях, когда: 1) подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после него; 2) потерпевшие или очевидцы укажут на подозреваемого; 3) на подозреваемом или в его жилище найдены явные следы преступления; 4) вещи, служащие доказательством посягательства, принадлежат подозреваемому или оказались при нем; 5) совершен побег или покушение на него. В ст. 1471 Уложения 1845 г. отмечалось, что «не отвечали за “смертоубийство,, и нанесение ран, “изувечий,, при исполнении обязанностей... стражи при покушении заключенного к побегу из тюрьмы или из-под стражи»⁵. По мнению С.В. Познышева, «Вооружая граждан правом насильственного захвата преступников, государственная власть до известной степени затруднит преступникам торжество над правосудием. При этом важно, чтобы честный

¹ Фельдштейн Г.С. О необходимой обороне и её отношении к так называемому «правомерному самоуправству». СПб., 1899. С. 11–26.

² Таганцев Н.С. Курс русского уголовного права. Часть общая. СПб., 1874. С. 195–199.

³ Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев, 1903. С. 229.

⁴ Пусторослев П.П. Понятие о незаменимой саморасправе как учреждении уголовного права. М., 1890. С. 170–171.

⁵ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1988. Т. 6. С. 193.

человек мог задержать, в том числе насильственными мерами, преступника, свидетелем... действий которого он был»¹.

В ст. 415 Устава уголовного судопроизводства² фиксировалось: «Сие право предоставляется полиции в тех случаях, когда она застигнет или усмотрит преступника при самом совершении противозаконного действия или когда оно обвиняется достойными вероятия очевидцами события или же когда подозреваемый покушается бежать или скрыться...»³. Данное право носило в основном процессуальный характер и предоставлялось строго полиции.

В Уголовном уложении 1903 г.⁴ анализируемые положения получили наиболее детальную регламентацию. Показательно, что в данном источнике необходимая оборона понималась крайне широко, но не беспредельно. Анализируя содержание ст. 45, Н.С. Таганцев обращал внимание на темпоральные границы защиты, которая «должна быть... обороною, т. е. отражением немедленно грозящего зла. Поэтому на оборону не может быть ссылки, коль скоро нападение уже прекратилось, по воле виновного, или благодаря действительному уничтожению или отнятию блага или интереса, составляющих цель посягательства. В последнем случае можно говорить лишь об отмщении, самоуправстве. Нельзя не добавить, что самое понятие утраты блага, по отношению к обороне, не совпадает с понятием окончания преступного деяния, поэтому хозяин вещи, употребивший насилие, чтобы заставить вора возвратить уносимую им вещь, осуществляет право обороны, хотя бы само похищение юридически являлось уже окончанным деянием, а не

¹ Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. 2-е изд. М., 1912. С. 171–172.

² Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Издание Государственной канцелярии. Часть первая. СПб., 1866. С. 153; Золотарев А.С. Меры процессуального и не процессуального обеспечения производства по уголовным делам по уставам уголовного судопроизводства 1864 г. Розыск преступника. Задержание // Закон и порядок: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (31 января 2011 г.): сб. науч. тр. М., 2011. С. 171–176

⁴ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903.

покушением, когда, напр., владелец имущества догнал вора, уже вышедшего с покраденными вещами из квартиры»¹.

Соразмерность посягательства и причиненного вреда была важным условием необходимой обороны. При этом превышением ее пределов признавалось убийство, последовавшее за посягательством не на жизнь или за изнасилованием². В этом положении прослеживается связь современного законодательства с дореволюционным: действительно, само по себе изнасилование, при всей своей порочности, не является посягательством на жизнь, потому весьма обширный пласт судебной практики подтверждает необходимость квалификации убийства в ответ на изнасилование или при непосредственной его угрозе³ как превышение пределов необходимой обороны. Однако общественность, как правило, отказывается понимать и принимать это соотношение (различие) объектов посягательства, как и характеристику соразмерности.

Статья 44 Уложения 1903 г. формулирует положения о непреступности действий исполнителя приказа, «если приказ не предписывал явно преступного». Данное предписание, к сожалению, не отличается полнотой нормативного правового регулирования: вопрос об ответственности лица, отдавшего такой приказ, разрешен не был.

В контексте выполнения правоохранительной системой возложенных на нее функций значима ст. 142 Уложения 1903 г., которая предусматривала ответственность за сопротивление посредством насилия над личностью или наказуемой угрозы служащему или содействовавшему ему частному лицу с целью противодействовать обнародованию или приведению в действие закона, обязательного постановления или законного распоряжения власти или

¹ Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб., 1904. С. 618.

² Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предм. алф. указ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 15.03.2024).

³ Приговор Приаргунского районного суда Забайкальского края от 27 мая 2020 г. по делу № 1-213/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tSCC7RXSS761/?ysclid=luikeqncy6594035683> (дата обращения: 02.04.2024).

выполнению законного по службе действия. Наказывалось это довольно строго – заключением в тюрьме¹.

Тем самым, впервые в отечественном законодательстве появилось такое обстоятельство, исключающее преступность деяния, как исполнение закона («деяние, учиненное во исполнение закона»). По справедливому мнению С.В. Пархоменко, «закреплялось правовое основание для причинения вреда, предписываемое или разрешаемое иными нормативными актами...». Отсутствие фиксации соответствующего обстоятельства характерно для современного уголовного законодательства: фактически признается право на правомерное причинение вреда, регламентируемое другими нормативными актами (например, федеральными законами «О полиции», «О Федеральной службе безопасности» и др.).

Что касается ст. 46, то требование «о неотвратимости угрозы, незаконного принуждения или иной причины другим средством», а также о фиксации «достаточного основания считать причиняемый вред маловажным сравнительно с охраняемым благом» позволяет говорить о наличии в законодательстве вполне определённых условий правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости.

Вышеназванные положения имели чрезвычайную важность в деле противодействия криминалу. Так, М. Чубинский заметил: «Нужно обратить усиленную репрессию в сторону более опасных и антисоциально настроенных, особенно же в тех случаях, когда в деятельности этих элементов обнаруживается наличность жестокости, коварства и эксплуататорских наклонностей»². А.С. Суворин же писал: «Ничто не роняет так власти, как эти исчезновения преступников, ничто так не поощряет грабителей и убийц, как почти полная уверенность скрыться, и ничто так беспомощно не оставляет

¹ Пархоменко С. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: исторический обзор // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. Т. 10: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 11.

² Чубинский М. Курс уголовной политики. СПб., 1912. С. 397.

обывателя на волю Божию, как такая же беспомощность охранителей порядка, которых бьют как дичь»¹.

Регламентация обстоятельств, исключаящих преступность деяния, разумеется, имела место в законодательстве советского периода и, надо признать, определялась революционным правосознанием. Был взят курс на борьбу с общественно опасными элементами, то есть с лицами, всячески препятствующими новому строю².

Декрет СНК «О красном терроре» от 5 сентября 1918 г. подтвердил право ВЧК применять в отношении «классовых врагов» высшую меру наказания без суда и следствия: «...необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам; необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры»³.

Другой нормативный акт содержал такие положения: «При наличии вооруженных выступлений... за чрезвычайными комиссиями сохраняется право непосредственной расправы для пресечения преступлений»⁴. Для борьбы с преступлениями на железной дороге: «...пойманных на месте преступления расстреливать в порядке непосредственной расправы, а остальных заподозренных, но на месте не застигнутых, судить в 24-часовой срок по законам военного времени»⁵.

¹ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 582–583.

² Батютина Т.Ю. Генезис уголовно-правовой категории «общественная опасность» в периоды становления советского и современного российского государства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 70.

³ Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918 «О красном терроре» URL: https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_o_krasnom_terrore/ (дата обращения: 28.03.2024).

⁴ Социалистическое отечество в опасности!: Декрет Совнаркома от 21.02.1918. URL: https://studbooks.net/1136997/pravo/vnesudebnye_polnomochiya?ysclid=lqlxlansie120919319/ (дата обращения: 28.03.2024).

⁵ Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: проблемы нормативного становления // Государство и право: Эволюция, современное состояние,

Согласно Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г., наказание не применялось к лицу, совершившему насилие над личностью нападающего, если это насилие явилось необходимым средством защиты от насилия его или другого лица, при этом не были превышены меры необходимой обороны. Примечательно, что вопросы причинения вреда преступнику при его задержании не нашли отражения¹.

Указанные нормативные предписания говорят о кардинальном переломе подхода к правовой регламентации обстоятельств непреступности, поскольку в силу политической конъюнктуры, отказа от категории «частная собственность» нормативные акты советского государства, в отличие от предыдущего законодательства, закрепляют право на самооборону лишь при посягательстве на личность. Такой подход сохранился на всех последующих этапах развития отечественного права.

Вместе с законодательством развивалась и доктрина. Так, характеризуя уголовное законодательство 1920–1930-х гг., И.С. Тишкевич отмечал, что оно «вносило неопределенность в вопрос правомерности необходимой обороны»². По мнению М.И. Якубовича, оно «не всегда правильно понималось и применялось следственными и судебными органами, в результате чего имели место случаи неосновательного осуждения граждан, активно борющихся с преступными посягательствами»³.

Понятие необходимой обороны было закреплено в УК РСФСР 1922 г.⁴ и «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.»⁵. В ст. 19 УК 1922 г. незначительно расширяется

перспективы развития (К 100-летию образования СССР): материалы XIX Междунар. науч.-теор. конф.: в 2 ч. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2022. Ч. 1. С. 1348–1356.

¹ Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М., 1997. С. 63–68.

² Тишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974. С. 17.

³ Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны М., 1961. С. 56.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 28.03.2024).

⁵ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 31.10.1924 г. URL: <http://xn--e1aaejmenosxq.xn--plai/node/13946> (дата обращения: 28.03.2024).

содержание необходимой обороны: допускалась защита не только самой личности обороняющегося или других лиц, но и их прав.

Впервые в советском уголовном праве говорилось о задержании преступника, но не в Общей части, а в Особой, применительно к превышению необходимых для него мер (ст. 145 УК 1922 г.)¹.

В «Основных началах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.», в ст. 9 разд. 2 «Общие постановления» говорилось о необходимой обороне, но не в контексте института преступления, а в рамках неприменения мер социальной защиты к обороняющимся. Также санкции не подлежали действия по предотвращению опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах, то есть в рамках крайней необходимости². В свою очередь, ст. 32 предусматривала более мягкую меру социальной защиты (по сути смягчающие обстоятельства), если преступление было совершено: «а) хотя и с превышением мер необходимой обороны, но для защиты от посягательств на советскую власть, революционный правопорядок или личность и права оборонявшегося либо другого лица; ...д) под влиянием угрозы, принуждения, служебной или экономической зависимости; ...ж) в состоянии голода, нужды и вообще под влиянием стечения тяжелых личных или семейных условий...»³.

УК РСФСР 1926 г.⁴ содержал схожие положения. При этом уголовная ответственность за превышение пределов необходимой обороны устанавливалась в ст. 139 «Убийство по неосторожности, а равно убийство, явившееся результатом превышения пределов необходимой обороны»: наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или принудительных

¹ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 28.03.2024).

² Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13946> (дата обращения: 28.03.2024).

³ Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.

⁴ УК РСФСР 1926 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 28.03.2024).

работ на срок до одного года.

Положения о праве на самозащиту нашли отражение в Уголовно-исправительном кодексе РСФСР 1933 г. Так, согласно ст. 88, «Оружие может применяться для самообороны и обороны других лиц и при побегах лишенных свободы, когда все иные меры исчерпаны, в порядке, установленном правилами службы в исправительно-трудовых учреждениях»¹. Думается, данная норма размывает различия между необходимой обороной, крайней необходимостью и задержанием лица, совершившим преступление. И все же к ее достоинствам можно отнести то, что правом обороняться наделяются любые субъекты, в том числе профессионально выполняющие функции по обеспечению правопорядка.

В Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.² (далее – Основы), в которых необходимая оборона и крайняя необходимость получили свое официальное наименование, а соответствующие действия не рассматривались как преступление. Таким образом, теперь причинение вреда в определенной законом обстановке рассматривалось не с позиции ненаказуемости, а в рамках непреступности, что точнее смещает акцент от следствия к причине. Позднее такой подход нашел отражение и в УК РСФСР 1960 г.³ Кроме того, Основы закрепили понятие превышения пределов необходимой обороны, а также назвали ее в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность.

Важно отметить, что в рамках подготовки проекта Основ вносились предложения закрепить положения об экстраполяции правил о необходимой обороне на случаи «принятия мер для задержания лица, совершившего преступление, с целью передачи его соответствующим органам власти», но они так и не получили нормативного закрепления.

¹ Об утверждении Исправительно-трудового кодекса РСФСР: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 01.08.1933 // СПС «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.

³ Уголовный кодекс РСФСР (утв. Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 591.

Соответствующие положения закона были официально истолкованы Пленумом Верховного Суда СССР¹. Основываясь на объективных обстоятельствах – потребностях судебной практики, Пленум вновь обратил внимание правоприменителя на такое обстоятельство как причинение вреда при задержании преступника. Пункт 5 его постановления гласил: «Действия граждан по задержанию преступника, в целях пресечения его преступного посягательства или предпринятые непосредственно после посягательства для доставления преступника в соответствующие органы власти, должны рассматриваться судами как совершенные в состоянии необходимой обороны. Уголовная ответственность за причинение вреда преступнику могла наступить лишь при условиях, если реализованные действия не являлись необходимыми для задержания, явно не соответствовали характеру, опасности посягательства и обстановке задержания»².

Таким образом, судебная практика рассматриваемого периода шла по пути признания действий по задержанию преступника в качестве необходимой обороны. Как и в дореволюционный этап, многие советские исследователи солидаризировались с законодателем, не разграничивая эти феномены. Так, М.М. Исаев писал, что «уголовная ответственность за действия по задержанию преступника, повлекшие для него тяжкие последствия, наступает лишь тогда, когда они совершены с превышением пределов необходимой обороны»³. А.А. Пионтковский отмечал: «Что касается принятия необходимых мер для задержания преступника непосредственно после совершения преступления, то целесообразно его рассматривать

¹ О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. № 8 // Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. 1958.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963. М., 1964. С. 178–185.

³ Исаев М.М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., 1948. С. 98–100; Якубович М. И. Указ. соч. С. 56–57.

применительно к нормам, регулирующим институт необходимой обороны»¹. Интересно, что А.И. Санталов в этой связи заметил: «Ни опубликованная судебная практика, ни работы авторов, специально исследовавших эти вопросы, не содержат ни одного примера подобного рода»².

Также А.А. Пионтковский обращал внимание, что сходство мер, направленных на задержание преступника, и необходимой обороны обнаруживается лишь в их юридических последствиях. Обязательно соблюдение границ необходимости (допустимости) вреда³. Похожие мысли были высказаны и в трудах Н.Н. Паше-Озерского, в том числе он указывал, что «когда состояния необходимой обороны нет, а, следовательно, нельзя и превысить пределы такой необходимой обороны, превышение необходимых для задержания преступника мер должно рассматриваться на общих основаниях как умышленное или неосторожное совершение соответствующего преступного деяния»⁴.

Тем самым, определенные сомнения в единстве фундамента указанных обстоятельств высказывались уже в тот период. И.И. Слуцкий и М.И. Якубович предлагали даже выделить насильственное задержание лица, совершившего преступление, в самостоятельное обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, но считали, «что причинение при этом вреда преступнику можно признать исключаящим ответственность лишь при наличии условий, относящихся к крайней необходимости»⁵.

¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 413; Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 2. С. 344

² Санталов А.И. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния // Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л., 1968. С. 505–506.

³ Курс советского уголовного права. Л., 1968. Т. 2. С. 361.

⁴ Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 83; Побегайло Э.Ф. Памяти учителя (к 110-летию со дня рождения профессора Николая Николаевича Паше-Озерского) // Публичное и частное право. 2010. № 2 (6). С. 35–40

⁵ Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 61; Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1966. С. 235; Он же. Необходимая оборона и задержание преступника. М., 1976. С. 45.

УК РСФСР 1960 г. знал лишь необходимую оборону (ст. 13) и крайнюю необходимость (ст. 14)¹. К условиям правомерности необходимой обороны законодателем были отнесены: характер нападения – его сопряженность с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия; соответствие защиты и опасности нападения. Показательно, что законом допускалось причинение любого вреда нападающему. защите подлежала не только личность, но и интересы другого лица, общества, государства.

Согласно ст. 14 УК РСФСР 1960 г., правомерность необходимой обороны определялась достаточно просто: если опасность не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред менее значителен, чем предотвращенный.

Сохранялась позиция, согласно которой действия граждан в целях пресечения преступного посягательства или предпринятые непосредственно после такового для доставления преступника в соответствующие органы власти рассматривались судами как совершенные в состоянии необходимой обороны. И хотя в УК РСФСР 1960 г. это прямо не указывалась, данная мысль находит отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»; постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г.²

Доктринальные источники рассматриваемого периода все еще отличались дискуссионностью подходов к правовой природе задержания преступника. Если Т.Г. Шувгалидзе полагал, что принятие мер по задержанию преступника (вместе с необходимой обороной и крайней необходимостью) есть самостоятельное обстоятельство, исключающее общественную опасность

¹ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/e4a3b5a94188cd8eb72e0260d53dac855067384d/ (дата обращения: 23.03.2024).

² Об усилении ответственности за хулиганство: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.07.1966; Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9007313> (дата обращения: 28.03.2024).

деяния и имеющее самостоятельные условия правомерности¹, то М.И. Якубович писал: решение приравнять задержание преступника к необходимой обороне единственно правильное².

Новым витком в развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, стало их рассмотрение сквозь призму состава преступления (А.А. Пионтковский, В.И. Ткаченко и др.). В частности, объективная сторона обороны анализировалась Э.Ф. Побегайло, субъективная – Т.Г. Шавгулидзе. Состав правомерного поступка, исключающего преступность деяния, определил Ю.В. Баулин, включивший в него субъект, объект, объективную сторону и субъективный контроль. В.И. Ткаченко же заключил, что «при устранении опасности, создаваемой другими источниками, возможно причинение физического и материального вреда лицу, что формально подпадает под признаки отдельных преступлений. Однако при определенных условиях таковыми они не признаются ввиду отсутствия материального признака – общественной опасности. Напротив, действия, направленные на устранение опасности общественным отношениям, являются общественно полезными или целесообразными, так как препятствуют причинению им вреда»³.

Как раз концепция «общественно полезной» правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния⁴ стала весьма популярной: по мнению В.А. Елеонского, они относятся к «поощряющим социально-правовую активность личности»⁵.

Более того, И.И. Слуцким предложена градация названных обстоятельств в зависимости от степени их «общественной полезности»:

¹ См.: Шувгалидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 138.

² См.: Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 185.

³ Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. С.119.

⁴ Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11–12.

⁵ Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел. Хабаровск, 1984. С. 30–41.

1) ярко выраженная – необходимая оборона, принятие мер, необходимых для задержания преступника, крайняя необходимость, исполнение законного приказа, выполнение служебных профессиональных обязанностей, осуществление своего права и принуждение к повиновению (в армии, флоте и военизированных учреждениях);

2) общественная опасность и наказуемость деяний исключается, но в ряде случаев они не становятся полезными и правомерными – добровольный отказ от преступления, согласие потерпевшего, малозначительность правонарушения, изменение закона, изменение социально-политической обстановки, истечение сроков давности уголовного преследования и давности приговора;

3) физическое принуждение и непреодолимая сила¹.

Н.И. Пикуров полагает, что при наличии рассматриваемых обстоятельств деяние «не только не является общественно опасным, но направлено на достижение общественно полезных целей, либо нейтрально по отношению к общественным интересам»². Р.Р. Галиакбаров, в свою очередь, указывает на сознательные и волевые действия лица, сопряженные с причинением какого-либо вреда. Но их правомерность объясняется отсутствием общественной опасности и наличием полезности. Б. Разгильдеев также делает акцент на общественной полезности³.

С критикой подобного подхода выступили такие ученые как Н.И. Загородников, Н.А. Стручков, Ю.В. Голик и др. Они указывали что данные нормы ничего не прибавляют к объему прав гражданина, не дают ему никаких новых благ⁴. Ю.В. Голик, раскрывая сущность поощрительных норм,

¹ Слущкий И. И. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность. Л., 1956. С.11–12.

² Российское уголовное право. Общая часть / под ред. М.П. Журавлева. М., 1999. С. 139.

³ Разгильдеев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК // Законность. 1993. № 12. С. 18–21.

⁴ Загородников Н.И., Стручков Н.А. Направление изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 53.

заметил: они подлежат применению тогда, когда наказание становится явно неэффективным либо когда частично отбытое наказание уже сыграло свою роль¹. Думается, что аргументы, приведенные данными авторами, весьма убедительны. Отсюда обоснованным видится мнение Х.Д. Аликперова, предложившего отнести обстоятельства, исключаящие преступность деяния, к системе компромиссных норм борьбы преступностью².

Важной вехой в правовой регламентации обстоятельств, исключаящих преступность деяния, стало принятие в 1996 г. Модельного уголовного кодекса для стран СНГ³, в гл. 8 которого были закреплены прогрессивные положения в части регламентации необходимой обороны (ст. 39); причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние (ст. 40); крайней необходимости (ст. 41); обоснованного риска (ст. 42); исполнения приказа или распоряжения (ст. 43); исполнения закона (ст. 44). Примечательно, что право на необходимую оборону действует независимо от возможности избежать посягательства, а запрещается лишь явное превышение средств защиты. По мнению Б.В. Волженкина, указанные положения выглядят прогрессивнее ныне действующих в России⁴.

Ознакомление с данными нормативными предписаниями позволяет выделить их специфические черты. В контексте превышения необходимой обороны не просто наблюдается привычная его оценочность, но и

¹ Голик Ю.В. Поощрительные нормы в проекте Основ уголовного законодательства // Новый уголовный закон. Кемерово, 1989. С. 20.

² Аликперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. Баку, 1992. С. 5–18.

³ Модельный уголовный кодекс: рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств // Приложение к информационному бюллетеню Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10. С. 100.

⁴ О достоинствах и недостатках Модельного УК: Волженкин Б.В. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ и новое уголовное законодательство России // Проблемы уголовного права в связи с реформой уголовного законодательства: сб. науч. тр. М., 1997. С. 14–24; Он же. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Государство и право. 1996. № 5. С. 67–75; Он же. Модельный Уголовный кодекс и его влияние на формирование уголовного законодательства государств – участников Содружества Независимых Государств // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сб. науч. ст. М., 2002. С. 7–31.

зафиксирован результат: умышленно причиненные смерть либо тяжкий вред здоровью, ответственность за которые установлена в ст. 115 и ст. 123 (привилегированные составы) соответственно. Из ч. 3 ст. 39 Модельного УК буквально следует, что меньший вред здоровью либо аналогичный, но причиненный неосторожно, не рассматривается в качестве превышения оборонительных мер. Соответственно, разрешить вопрос, как применить обстоятельство, смягчающее наказание «при нарушении условий правомерности необходимой обороны» (п. «е» ч. 1 ст. 62), которое не должно быть признаком состава преступления, не представляется возможным.

Заслуживает внимания ст. 40 Модельного УК, которая вместо термина «преступление», совершенного задерживаемым, употребляет «общественно опасное деяние». Такой подход видится весьма справедливым, учитывая, что в момент задержания не представляется возможным быть уверенным в точности установления признаков состава и признаков преступления, тем более что ч. 3 названной статьи прямо указывает на субъектов задержания, коими выступают не только специально уполномоченные на то лица, но и потерпевшие и иные граждане.

Особое внимание следует уделить отсутствующему в УК РФ обстоятельству – исполнению закона. Речь о причинении вреда охраняемым законом интересам при совершении деяния, предписываемого или разрешаемого законодательством. Данное положение сформулировано весьма лапидарно, и при этом особенно актуально в контексте применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов.

В 1996 г. был принят Уголовный кодекс Российской Федерации, что, по словам одного из его разработчиков А.М. Яковлева, было связано с формированием новых экономических, политических и социальных отношений, с созданием в России гражданского общества и новой государственности, закрепленной в Конституции 1993 г.». В новом уголовном законодательстве отражена смена подхода к приоритету охраняемых

общественных отношений, что находит отражение в задачах и структуре кодифицированного акта, однако это не означает, что основы уголовного права – его Общая часть – подверглись кардинальным изменениям, следовательно, и положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, планомерно развиваются, но радикально не трансформируются.

В современной науке, разумеется, продолжает разрабатываться проблема конструирования и применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Гносеологическую их составляющую выразил А.Б. Иванов: «этот правовой механизм должен работать чётко, понятно, обеспечивая при этом надёжную защиту законных интересов граждан и государства. Его эффективность возрастает, если он воспринимается в глазах общества как ценное правовое явление, способное привести к достижению социально полезных целей»¹.

Среди новых подходов к объяснению правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, немалый интерес вызывает теория «внешнего фактора». Ее суть сводится к правомерности, а значит, исключению признака противоправности причинения вреда². Ряд авторов в развитие вышеупомянутого подхода и следуя советской традиции, обосновывают социальную полезность обстоятельств, исключающих преступность деяния³. Другие при оценке их правовой природы отталкиваются от отсутствия в соответствующих деяниях общественной опасности и вины⁴.

Аккумулирует весь спектр мнений А.В. Наумов, отмечающий, что «все указанные обстоятельства исключают и виновность, и общественную опасность, и наказуемость деяния, а потому и его противоправность. Ученый

¹ Иванов А.Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 87.

² Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 8.

³ Пархоменко С.А. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 23.

⁴ Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 33.

пишет, что следует отказаться от принятой трактовки взаимосвязи материального и формального признаков преступления, когда в основу кладется материальный признак (общественная опасность), а уголовная противоправность (формальный признак) объявляется производным от него. Видимо, в правовом государстве первое место должен занять признак противоправности»¹. Эту точку зрения разделяет В.Н. Кудрявцев, говоря, что при применении уголовного закона «на первое место выдвигается противоправность: если деяние предусмотрено уголовным законом, то его общественная опасность презюмируется»².

С.Г. Келина же дифференцирует обстоятельства исходя из разных оснований исключения преступности причиненного вреда: при необходимой обороне и задержании лица, совершившего преступление, это отсутствие общественной опасности; при исполнении приказа – отсутствие виновности; при крайней необходимости, физическом или психическом принуждении, обоснованном риске – отсутствие противоправности³.

В.А. Блинников полагает, что при наличии того или иного обстоятельства, исключающего преступность, в деянии сохраняются все признаки определенного состава преступления, но как раз аннулируется противоправность причинения вреда, т. е. исключается формальный признак преступности деяния. В то же время нарушение условий правомерности обстоятельства позволяет подобный вред расценивать как преступный.

По линии отсутствия противоправности следуют также В.В. Калугин⁴,

¹ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 121.

² Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М, 2001. С. 147.

³ Келина С.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: понятие и виды // Уголовное право. 1999. № 3. С. 4.

⁴ Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь, 2001. С. 34.

А.Г. Кибальник¹, С.В. Пархоменко².

Некоторые авторы, последователи советской науки, развивают теоретико-прикладные аспекты концепции состава применительно к отдельным обстоятельствам, исключающим преступность деяния. Эти идеи нашли наиболее яркое воплощение в работах Г.В. Назаренко³ (в отношении состава необходимой обороны, крайней необходимости и задержания), В.Н. Винокурова и В.В. Меркурьева⁴. В частности, В.Н. Винокуров, основываясь на гипотезе состава правомерного деяния считает, что будет возможным точно формализовать в правовой норме законность причинения вреда, выявить наиболее существенные признаки действий по устранению опасности и совершенствовать правоприменительную деятельность.

Подводя итог, можно констатировать, что в генезисе обстоятельств, исключающих преступность деяния, выделяются следующие периоды:

- 1) включение необходимой обороны и задержания преступника в сферу правовой регламентации (X–XV вв.) через нормативное закрепление права на убийство преступника, застигнутого на месте преступления, и установление государственного запрета на самосуд и кровную месть (ст. 19, 38, 40, 77 Русской Правды), а также права на внесударственный розыск преступника и его частное задержание (ст. 34–35 Псковской судной грамоты (1471 г.)).
- 2) консолидация в законодательстве права на самооборону и задержание лица, совершившего преступление (XVI в.), путем закрепления права на поиск и задержание лица, совершившего преступление, через процедуру выдачи бессрочной грамоты, при этом допускалось применение физической силы, кроме убийства (ст. 20 Судебника 1550 г.);
- 3) расширение границ

¹ Уголовное право России: практический курс. 4-е изд., перераб. и доп. / под ред. А.В. Наумова. М., 2009. С. 154.

² Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. С. 85.

³ Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций. М., 2000. С. 139–147.

⁴ Винокуров В. Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 14–15. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 48.

необходимой обороны и закрепление правовых оснований для задержания преступника (XVII в.): закреплялось право на самозащиту от преступных посягательств, направленных как на имущество, так и на жизнь и здоровье, кроме того оно предоставлялось для защиты как своих, так и чужих прав и вменялось в обязанность соседей и слуг; появление первых указаний о границах правомерности необходимой обороны (закрепление в законе обязанности оборонявшегося заявить о случившемся в приказ или окольным людям) (ст. 200–201; гл. 22, ст. 16, 22 Соборного уложения 1649 г.).

4) формирование правового института обстоятельств, «при коих содеянное не вменяется в вину» (XIX–XX в.): впервые в уголовном законодательстве России к таковым были отнесены: невинность, малолетство, безумие, ошибка, принуждение от превосходящей непреодолимой силы; необходимая оборона, крайняя необходимость (ст. 98–109 отд. 2 гл. 3 Уложения 1845 г.); исполнение приказа (Уголовное уложение 1903 г.); 5) сужение уголовно-правовой регламентации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, до установлений о крайней необходимости и необходимой обороне, а также отождествление ее с задержанием преступника (начало XX – середина XX в.): ст. 19, 145 Уголовного кодекса 1922 г.; ст. 13 Уголовного кодекса 1926 г. 6) формализация в уголовном законе положений о необходимой обороне и крайней необходимости, закрепление условий их правомерности (вторая половина XX в.): в «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.» впервые в советском уголовном законодательстве необходимая оборона и крайняя необходимость получили свои официальные названия и признавались не только не преступными, но и смягчающими ответственность обстоятельствами (ст. 13–14 УК РСФСР 1960 г.); 7) формирование института обстоятельств, исключающих преступность деяния: выделение гл. 8 в структуре Общей части УК РФ.

Отдельные положения закона о специфике реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов

внутренних дел, хотя и стали формироваться в период централизации российского государства в конце XV в. (Псковская судная грамота (1471 г.)), получили оформление в самостоятельных нормативных положениях лишь к концу XIX в. Уложение 1845 г. и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. содержали специальные нормы о правомерности действий сотрудников полиции и стражей по задержанию преступника.

Важным результатом сменяющихся законодательных и доктринальных подходов к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, стал переход от концепта ненаказуемости к непреступности причиненного вреда. Как итог – в действующем УК РФ все статьи главы 8 начинаются с «не является преступлением», а сама названная глава завершает комплекс норм, образующих именно институт преступления. Неоднозначно определена (или до конца не определена вовсе) правовая природа рассматриваемых обстоятельств: сколь вечен вопрос о превалирующем материальном либо же формальном признаке преступления, столь и в равной мере можно назвать востребованными подходы, объясняющие непреступность деяния в определенных уголовным законом случаях отсутствием его общественной опасности или противоправности. Наконец, остается открытой для будущих поколений исследователей проблематика формирования перечня обстоятельств, исключающих преступность деяния (особенно в соотношении с рекомендованным для стран СНГ), и их дифференциации. Как показало проведенное исследование, на протяжении всей истории развития уголовного законодательства наибольшие трудности возникали в отграничении необходимой обороны от причинения вреда при задержании преступника.

1.2 Обстоятельства, исключающие преступность деяния: правовая природа и реализация в деятельности органов внутренних дел

Многовековая история закрепления в законе условий правомерности причинения вреда в условиях необходимой обороны, крайней необходимости и при задержании преступника не способствовала снижению накала дискуссии

относительно правовой природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в современной уголовно-правовой доктрине.

Она рассматривается сквозь призму: во-первых, вопроса об отграничении от преступления; во-вторых, границ допустимого вреда; в-третьих, определения условий правомерности его причинения. Данные направления исследования развиваются в работах отечественных авторов разных лет. Так, по мнению В.Н. Кудрявцева и С.Г. Келиной, такие обстоятельства как бы противоречат тому, что указывает на сходство совершенного деяния с преступлением, аннулируют это сходство¹.

Вместе с тем в соответствии с акцентами, которые ставят авторы при объяснении правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, сложилось несколько самостоятельных теоретических направлений. Так, для советского периода основополагающим выступал подход, согласно которому ключевым является отсутствие такого признака как общественная опасность, поскольку вред в результате содеянного рассматривался как «общественно полезный» или «общественно нейтральный»². Концепция отсутствия общественной опасности нашла поддержку и в трудах современных авторов³. Согласиться в полной мере с подобным суждением не представляется возможным, так как причинение вреда уже объективно является свидетельством общественной опасности совершенного. Главным в познании правовой природы рассматриваемой группы обстоятельств выступает вопрос правовых последствий их реализации, в том числе и в деятельности органов внутренних дел⁴.

¹ Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. С. 178.

² Слущкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 11–12.

³ См.: Максимов С.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Уголовное право РФ. Общая часть: учебник. М., 1996. С. 300; Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л.Л. Крутиков. М., 1999. С. 272; Уголовное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. И.А. Бобракова. Брянск, 2008. С. 150.

⁴ См.: Моллаев Э.К. Дискуссионные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 253.

Действительно, деяния, совершенные в условиях необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, обоснованного риска, физического или психического принуждения и исполнения приказа или распоряжения, объективно влекут негативные последствия, которые в иной ситуации являлись бы основанием уголовной ответственности. Именно по этой причине данные правовые установления включены в уголовный закон. Уголовное право дает оценку только таким деяниям, которые являются общественно опасными, вызывают сомнения с позиции общественной опасности или противостоят таким посягательствам на охраняемые объекты¹. Ещё УК РСФСР 1922 г. в ст. 6 общественную опасность деяния определял как «угрозу основам советского строя». В действующем УК РФ подобные положения отсутствуют. Безусловно, причинение вреда охраняемым общественным отношениям в рассматриваемых условиях обладает тем разрушительным потенциалом, который и ложится в основу формирования концепта отграничения преступного от не преступного. В теории уголовного права обоснованно утверждается, что общественная опасность выступает единственным сущностным признаком преступления, определяющим природу всей отрасли уголовного права².

Как было отмечено в предыдущем параграфе, в настоящее время получил распространение и иной концептуальный подход, согласно которому обстоятельства, исключающие преступность деяния, свидетельствуют об отсутствии противоправности причиненного вреда при условии соблюдения

¹ Смирнов А.М. Отражение общественной опасности деяния в российском уголовном законодательстве // *Дневник науки*. 2018. № 10 (22). С. 62.

² Шишкина Ю.А. Общественная опасность как категория уголовного права // *Молодой ученый*. 2019. № 16 (254). С. 152.

установленных законом условий¹. Следуя принципу *nullum crimen sine lege*², прямо устанавливая запрет на аналогию закона, российское уголовное право признает преступным лишь деяние, включенное в систему составов преступлений, описанных в Особенной части УК РФ. Уголовно-противоправным может быть названо только такое поведение, которое связано с нарушением объекта уголовно-правовой охраны и возникновением объекта преступления³. Вместе с тем обращает на себя внимание, что причинение вреда в ситуации выхода за установленные законом рамки все-таки наказуемо (ст. 108, 114 УК РФ). Соответственно, правомерность поведения лица может объясняться или отсутствием объекта в перечне охраняемых, или не нарушением имеющегося.

Ряд отечественных ученых указывают на комплексный характер оснований непризнания деяния преступным. К основным критериям они относят отсутствие: противоправности, общественной опасности и вины в действиях лица⁴. На отсутствие вины при реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, указывала Н.Ф. Кузнецова⁵. В данном случае, как видится, выводы авторов не столь безупречны, поскольку субъект совершения деяния в ситуации обстоятельств необходимой обороны действует виновно, т. е. осознанно, с полным психологическим пониманием происходящего, на основе индивидуальной оценки собственного поведения в

¹ См.: См.: Блинников В.А. Система обстоятельств, исключающих преступность деяния в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 15; Блинников В.А. Понятие и юридическая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Энциклопедический курс уголовного права России. Ставрополь, 2001. С. 133; Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 8; Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве. Ставрополь, 2001. С. 89.

² Нет преступления, если на это не указано в законе.

³ Фильченко А. Уголовная противоправность деяния и обстоятельства, ее исключающие // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 1. С. 189.

⁴ См.: Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 33.

⁵ См.: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1960. С. 62.

той или иной ситуации¹. Думается, что вопрос об отсутствии вины резонно ставить лишь применительно к ситуации причинения вреда под влиянием физического или психического принуждения (ст. 40 УК РФ) и исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ). Здесь объективно отсутствует свобода воли (волеизъявления), что исключает признание вины в поведении субъекта.

Значительная часть отечественных авторов продолжает поиски правовой природы обстоятельств, исключающих преступность деяния, в рамках понятия уголовно-правового состава. Помимо идеи состава обстоятельств, исключающих преступность деяния, отраженной в работах А.А. Пионтковского², концепцию состава оборонительных действий разрабатывал В.И. Ткаченко³; объективные и субъективные признаки необходимой обороны исследовали Г.С. Курбанов⁴, В.В. Меркурьев⁵, Г.В. Назаренко⁶, Э.Ф. Побегайло⁷, Т.Г. Шавгулидзе⁸. Основоположник указанного подхода А.А. Пионтковский писал, что «обстоятельства, исключающие преступность содеянного, можно рассматривать как такие фактические обстоятельства, которые являются как бы элементами состава преступления»⁹. Оценка признаков деяния в той или иной обстановке, как видится, дает правовое основание для точного определения его правомерности и отграничения от превышения нормативно установленных пределов, равно как и от юридического эксцесса, что важно в правоприменительной деятельности.

¹ См.: Энциклопедия уголовного права: в 11 т. / Н.И. Коржанский [и др.]. СПб., 2005. Т. 4. С. 655.

² Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. М., 1970. Т. 2. С. 255 и др.

³ Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. С. 30.

⁴ Курбанов Г.С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния. Баку, 1991. С. 35.

⁵ Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004. С. 48.

⁶ Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций. М., 2000. С. 139–147.

⁷ Побегайло Э.Ф., Ревин В.П. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел. М., 1987. С. 5.

⁸ Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 25–26.

⁹ Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М., 1924. С. 153.

Смежная, но иная точка зрения, а именно концепция «состава правомерного поступка», нашла поддержку в кругах отечественных теоретиков уголовного права. Подобный подход был подробно объяснен и обоснован в трудах Ю.В. Баулина¹. Похожую концепцию обосновывал в своей диссертации и В.Н. Винокуров². С его точки зрения, указанный подход позволит более точно отобразить такой важный отличительный признак рассматриваемых обстоятельств как законность причинения вреда³. По мнению А.И. Ситниковой, «элементами состава правомерного причинения вреда являются: основание совершаемых действий, объект защиты, цель причинения вреда, способ действий, пределы действий во времени и условия правомерности причинения вреда»⁴. С критикой рассматриваемой концепции выступил А.В. Никуленко⁵, в качестве основного контраргумента указывающий на то, что применять в реальной жизни концепцию состава правомерного причинения вреда вряд ли возможно. На наш взгляд, действительно, чистота и логика уголовно-правовых категорий требует выработки формально-логических конструкций, которые не имели бы точки соприкосновения со смежными категориями. В этом смысле более традиционная категория «условия правомерности» применительно к предмету данного диссертационного исследования имеет большее значение как для совершенствования законодательства, так и для разработки уголовно-правовой теории рассматриваемого института.

Подводя итоги анализа вопроса о правовой природе причинения вреда при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, необходимо

¹ Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 145 и др.

² Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 14–15.

³ Там же.

⁴ Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктринальные модели и законодательные конструкции. М.; Берлин, 2011. С. 84–85, 105–106.

⁵ Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 34.

констатировать, что основное его отличие от преступления лежит в плоскости такого момента как целеполагание. Субъект преследует цель социально полезную (пресечь преступное посягательство (ст. 37 УК РФ); задержать лицо, совершившее преступление (ст. 38 УК РФ); предотвратить наступление более тяжких последствий (ст. 39 УК РФ) или иную, о чем прямо зафиксировано в ст. 41 УК РФ).

Что же касается действий при физическом или психическом принуждении (ст. 40 УК РФ) и причинения вреда в результате исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК РФ), следует ставить вопрос об отсутствии свободы воли в поведении субъекта. Как отмечал Б.С. Волков, «поведение человека, его воля, мотивы и цели причинно обусловлены, детерминированы»¹. По справедливому утверждению А.А. Герцензона, ответственность предполагает «возможность вменения совершенного деяния с целью применения наказания к лицу, обладающему нормальной волей, сознательно действующему и принимающему связь явлений внешнего мира»². В.Д. Спасович же писал, что субъектом преступления может быть только лицо нравственно свободное, если нет такой свободы, то нельзя никого винить за совершённое деяние, и не может иметь место ни ответственность за совершённое деяние, ни наказание преступника³. Иначе говоря, уголовная ответственность допустима только тогда, когда лицо в реальной действительности имело объективную возможность свободного выбора определённого варианта поведения (при отсутствии внешнего давления или каких-либо препятствий).

Юридическая природа явлений, описанных в главе 8 УК РФ, получает свое целостное обоснование посредством раскрытия их отличительных признаков. К таковым, на основе вышеизложенных аргументов относятся следующие 4 признака.

¹ Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 16.

² Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая: учеб. пособие. М., 1948. С. 328.

³ Цит. по: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Общая часть. М., 1961. С. 259.

1. Целеполагание – субъект преследует общественно полезную цель.

2. Правомерность причинения вреда – законодатель четко определяет его границы и ненаказуемость наступления общественно опасных последствий при их реализации. Нельзя поддержать точку зрения, в соответствии с которой вреду, причиненному при наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния, присущи признаки состава преступления, однако отсутствует такой признак, как противоправность¹. Если следовать букве закона, все описанные в гл. 8 УК РФ явления не относятся к преступным. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения профессора А.В. Наумова: признаки обстоятельств, исключающих преступность деяния, исключают в содеянном наличие всех признаков преступления².

3. Воздействие внешнего фактора – при наличии определенных обстоятельств появляется необходимость действовать определенным образом, налицо отсутствие свободы воли, ввиду чего исключается виновность.

4. Общественная опасность. Для рассматриваемой группы обстоятельств в качестве отличительной особенности выступает правомерность причинения вреда. Однако указанное последствие допустимо лишь в целях защиты иных охраняемых законом интересов и благ³. Ряд авторов согласны с тем, что поведение в ситуации рассматриваемых обстоятельств следует признать общественно опасным⁴. Исходя из формально-юридического подхода, «важно не то, представляет ли то или иное деяние общественную опасность, а то, что в любом случае уголовная ответственность лица не может наступить»⁵. Именно поэтому законодатель ставит причинение вреда в нормах главы 8 УК

¹ См.: Энциклопедия уголовного права: в 11 т. СПб., 2007. Т. 7: Обстоятельства, исключающие преступность деяния. С. 21.

² Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 326–327.

³ Моллаев Э.К. Дискуссионные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 253.

⁴ Блинников В.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в уголовном праве России. Ставрополь, 2001. С. 17.

⁵ Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. М., 2013. 624 с.

в строгие рамки условий правомерности. Выход за указанные рамки влечет наступление уголовной ответственности.

В доктринальных источниках предлагается и иная система отличительных признаков обстоятельств, исключающих преступность деяния. Например, по мнению Н.Г. Кадникова: 1) они реализуются в форме как действия, так и бездействия; 2) обладают внешним сходством с преступным деянием; 3) их правомерность определяется на основе направленности на защиту охраняемых уголовным законом интересов и благ либо в силу отсутствия свободы воли.

В диссертации Е.В. Щелконоговой к отличительным признакам рассматриваемых обстоятельств отнесены:

- 1) психическое отношение лица;
- 2) неупречность поведения субъекта;
- 3) отсутствие вины;
- 4) стремление лица к социально одобряемой цели, а также объективная вынужденность причинения вреда;
- 5) отсутствие порицаемого с точки зрения уголовного закона отношения лица к причинению вреда¹.

Вместе с тем установление признаков рассматриваемых обстоятельств осложнено допущенной законодателем неточностью в использовании понятийно-категориального аппарата уголовного закона. По мнению Т.Ю. Орешкиной, существующее название гл. 8 УК неудачное. В ней говорится об обстоятельствах. Однако термин «преступное» может употребляться по отношению не к обстоятельству, а к деянию. Как обоснованно заметила по этому поводу А.И. Ситникова, «обстоятельства – это не деяния в форме действия или бездействия, а специфические условия. Деяния и обстоятельства не являются синонимами, их отождествление вносит

¹ Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: природа, система, квалификация: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 167.

путаницу в значение слов»¹. С вышеизложенным солидаризируется А.И. Трахов: «наименование гл. 8 УК не соответствует содержанию, так как речь в ней идет не об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, а о деяниях, совершенных при них»². Действительно, обстоятельство не оценивается на предмет правомерности: оно формируется, причем, как правило, неожиданно для лица, и требует быстрого реагирования. Это всегда внешняя, объективная обстановка.

По мнению С.Ф. Милюкова, корректнее бы выглядело наименование главы «Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния»³. Согласно с профессором А.Е. Стрекалов, А.Г. Цветков⁴. Думается, что при внедрении предлагаемого названия в текст уголовного законодательства не удастся преодолеть проблему смешения понятийно-категориального аппарата. Более логичным видится предложение К.И. Попова обозначить главу 8 как «Обстоятельства правомерного причинения вреда»⁵. Однако в подобном случае возникает резонный вопрос об обоснованности отнесения указанных обстоятельств к предмету правового регулирования отрасли уголовного права.

В свою очередь, С.В. Пархоменко в названии своей работы отразила «деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости»⁶. Наконец, категорически нельзя согласиться с предложенной А.М. Смирновым⁷ концепцией «безнаказанного совершения лицом

¹ Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктринальные модели и законодательные конструкции. М.; Берлин, 2011. С. 114.

² Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дис. ... д-ра юрид. наук. Майкоп, 2001. С. 29.

³ См.: Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния. СПб., 1998. С. 6–9; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015. С. 173.

⁴ Стрекалов А.Е., Цветков А.Г. Нормативное закрепление обстоятельств, исключаящих преступность деяния // Проблемы права: теория и практика. 2021. № 53. С. 283.

⁵ Попов К.И. Обстоятельства правомерного причинения вреда // Российский следователь. 2010. № 1. С. 17–20.

⁶ Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004.

⁷ Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность. М., 2014. С. 86–393.

преступного деяния», соответственно которой автор предлагает и новое наименование главы 8 УК РФ.

Проведенный анализ различных точек зрения позволяет заключить, что название главы 8 УК РФ в действующей редакции в полной мере отражает специфику и сущность рассматриваемых обстоятельств и не нуждается в корректировке. А различие между объективными обстоятельствами и деянием, совершаемым при их наступлении, вполне доступно для понимания правоприменителя.

Отсутствие легальной дефиниции обстоятельств, исключающих преступность деяния, можно считать несомненным пробелом, так как именно формализованные дефиниции определяют фундамент правовой регламентации того или иного уголовно-правового института. На основе имеющихся подходов к выявлению правовой природы рассматриваемых обстоятельств можно сформулировать их понятие.

Ученые много раз предпринимали такие попытки. Например, К.И. Попов обстоятельства, исключающие преступность деяния, понимает как «признаваемые уголовным правом условия, при которых деяния, формально содержащие в себе признаки объективной стороны предусмотренного уголовным законом преступления, не влекут за собой уголовной ответственности»¹. Данное определение имеет спорную отсылку к категории «условия», что идет вразрез с объективной правовой природой обстоятельств рассматриваемой группы. Кроме того, нельзя поддержать утверждение автора о наличии в данных обстоятельствах признаков объективной стороны состава преступления.

О.Э. Сушков в контексте причинения вреда указывает на признаки уже не только объективной стороны, но преступления в целом, а также отмечает, что законодатель признает соответствующее поведение общественно

¹ Попов К.И. Актуальные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния // Юридическая наука. 2011. № 3. С. 64.

полезным либо социально допустимым»¹. И данное определение, к сожалению, отличается неполнотой, поскольку из него выпадают обстоятельства, предусмотренные в ст. 40 и ст. 42 УК РФ. Более удачной, по нашему мнению, является дефиниция, данная в диссертации А.В. Никуленко: «это предусмотренные уголовным законом объективные условия правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершаемые для защиты иных более значимых охраняемых уголовным законом интересов или достижения общественно полезных целей»². Однако и здесь автор не совсем учитывает специфику обстоятельств, закрепленных в ст. 40 и ст. 42 УК РФ.

В этой связи предлагаем следующее определение обстоятельств, исключающих преступность деяния: это объективно существующие обстоятельства, формирующие отсутствие признака противоправности в действиях субъекта причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, и влекущие ненаказуемость такого причинения вреда при соблюдении условий его правомерности.

В рамках настоящего исследования целесообразно также проанализировать соотношение явлений, зафиксированных в главах 8 и 11 УК РФ. Общее в них – ненаказуемость соответствующих деяний. Отличия же кроются в причине таковой. Как правило, в нормах главы 11 говорится о постпреступном поведении лица, которое по собственной свободной воле совершает социально полезные действия – в частности, возмещение ущерба или иное заглаживание вреда, способствование раскрытию и расследованию преступления, заключение в период мобилизации контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах РФ. Другой, самобытный вариант фактора, предопределяющего освобождение от ответственности –

¹ Сушков О.Э. Юридическая и социальная природа обстоятельств, исключающих преступность // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 540.

² Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 51.

объективные обстоятельства времени (ст. 78 УК РФ). Вместе с тем деяние в конкретных месте и обстановке было и остается преступным, о чем прямо сказано в соответствующих статьях гл. 11 УК РФ. Если в статьях главы 8 видим: «не является преступлением», то в рамках освобождения от уголовной ответственности встречается «лицо, совершившее преступление». Тем самым, осуществление определенных в нормах главы 11 УК РФ условий позволяет лишь констатировать минимизацию наступления общественно опасных последствий, но не признать допустимость осуществления подобных действий (бездействия). Именно поэтому описанные в главе 11 УК РФ обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности, являются нереабилитирующими. Так что не представляется возможным согласиться с предложением ряда отечественных авторов об объединении указанных обстоятельств в рамках одного института¹.

Теоретико-прикладное осмысление того или иного правового явления неразрывно связано с осуществлением систематизации и научной классификации его элементов. В отечественной уголовно-правовой доктрине предложены различные критерии для классификации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в том числе в связке со смежными уголовно-правовыми институтами и субинститутами².

Так, по мнению В.И. Михайлова, указанные обстоятельства можно разделить на две группы: 1) связанные с реализацией правомочия (необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, согласие лица); 2) связанные с реализацией обязанности

¹ См., напр.: Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктринальные модели и законодательные конструкции. М.; Берлин, 2011. 119 с.

² В число субинститутов Общей части уголовного права входит, в частности, добровольный отказ от преступления. См.: Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: автореф. дис ... канд юрид. наук / С.П. Усенко. Краснодар, 2023. С. 13.

(исполнение приказа или распоряжения и выполнение профессиональных (должностных) функций)¹.

Весьма спорная классификация предложена И.И. Слущким, поскольку он необоснованно расширяет границы института обстоятельств, исключающих преступность деяния, включая в него различные освобождающие от ответственности обстоятельства². Вся их совокупность им подразделяется на три группы:

1) общественно полезные: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; исполнение приказа или распоряжения; осуществление собственного права и выполнение служебных обязанностей;

2) не обладающие общественной полезностью, но не влекущие наказуемость: добровольный отказ от преступления; согласие потерпевшего; изменение закона; истечение сроков давности;

3) физическое принуждение и непреодолимая сила.

Д.А. Дорогин же в обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, предлагает выделять две группы: обстоятельства, обуславливающие отсутствие в деянии признаков состава преступления, и обстоятельства, устраняющие признаки преступления³. Данное предложение считаем конструктивным и заслуживающим пристального внимания. Вместе с тем нельзя не привести и контраргумент подобному подходу: все рассматриваемые обстоятельства не обладают в силу прямого указания закона (ч. 1 ст. 37, ч. 1 ст. 38, ч. 1 ст. 39, ч. 1 ст. 40, ч. 1 ст. 41, ч. 1 ст. 42 УК РФ) таким основополагающим признаком преступления как противоправность.

В теоретико-прикладном аспекте представляет интерес еще одна классификация обстоятельств, исключающих преступность деяния, в которой

¹ Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. Т. 10. С. 145.

² См.: Слущкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 39–40.

³ Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов. М., 2017. С. 17.

предпринята попытка систематизировать регламентированные законом обстоятельства и те, которые разрабатываются на монографическом уровне. Это обстоятельства: 1) закрепленные в гл. 8 УК РФ; 2) содержащиеся в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК РФ; 3) выделяемые уголовно-правовой доктриной (согласие потерпевшего, участие в оперативно-розыскном мероприятии «под прикрытием», принуждение к повиновению и выполнению правовой обязанности, осуществление законного права)¹.

На основе анализа различных подходов к выделению групп обстоятельств, исключающих преступность деяния, более оптимальной представляется их классификация в рамках гл. 8 УК РФ на:

- определяющие достижение социально полезной цели (ст. 37–39, 41 УК РФ);
- обуславливаемые ограничением воли (волеизъявления) субъекта (ст. 40 и 42 УК РФ).

Элементы обеих групп применимы к самым разным случаям, а потому могут признаваться общими. Анализ примечаний к статьям Особенной части УК РФ также позволяет выделить специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния: определяемые тяжелыми жизненными условиями лица (примечание к ст. 151, которое можно охарактеризовать как специальный вид крайней необходимости); направленные на профилактику опасных инфекционных заболеваний (примечание к ст. 230) и в целом на охрану здоровья граждан (примечание 3 к ст. 238¹); вытекающие из конституционных гарантий (примечания к ст. 205⁶, ст. 308, ст. 316, ст. 322). Данный перечень может корректироваться законодателем исходя из динамики общественных отношений и потребностей правоприменительной практики.

¹ См.: Рыбак А.З. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, находящиеся за рамками главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации // Юрист-Правоведь. 2012. № 5(54). С. 24; Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // Lex Russica. 2017. № 6. С. 103.

Стоит отметить, что среди предписаний Особенной части УК РФ, описывающих случаи исключения уголовной ответственности, выделяется примечание к ст. 228². Его содержание позволяет сделать вывод, что оно представляет собой частный случай малозначительности деяния, а потому не подлежит включению в обозначенный перечень специальных обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Следует еще раз оговориться, что в рамках объекта данного исследования подробно анализируются лишь нормы главы 8 УК РФ, которые реализуются в процессе деятельности сотрудников органов внутренних дел: о необходимой обороне; причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайней необходимости и исполнении приказа или распоряжения. Как раз эти четыре обстоятельства, исключающие преступность деяния, упомянуты в ведомственных нормативных актах, регламентирующих деятельность органов внутренних дел в ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции».

С точки зрения обособления физического и психического принуждения (ст. 40 УК РФ) представляется, что фактически оно формирует ситуацию крайней необходимости для лица, следовательно, обстоятельства, описанные в указанной статье, выступают частным случаем крайней необходимости. В силу сказанного допустим отказ от самостоятельной их регламентации в отдельной норме УК РФ.

По смыслу ч. 1 ст. 40 УК РФ сотрудник органа внутренних дел вынужденно бездействует в ситуации физического или психического принуждения. То есть для него возникает конфликт между служебным долгом по пресечению противоправного поведения и естественным стремлением сохранить собственную жизнь, жизнь своих близких и родных. На наш взгляд, возникает ситуация «извинительной» крайней необходимости¹. Вместе с тем другие авторы, выступая за исключение указанного обстоятельства из гл. 8 УК

¹ Юридические признаки «извинительной» крайней необходимости раскрываются в параграфе 2.3 данной диссертации.

РФ, относят его в видам невинного причинения вреда, предлагая поместить соответствующие нормативные предписания в гл. 5 УК РФ, увязав их с категорией посредственного причинения¹. Думается, подобная правовая оценка обоснованна при бездействии под влиянием физического или психического принуждения. Следует учитывать, что сотрудник правоохранительного органа обязан действовать в рамках своих служебных полномочий и компетенции. Так, согласно ч. 1 ст. 33 ФЗ «О полиции», ее служащий независимо от замещаемой должности несет ответственность за свои действия (бездействие). Аналогичные положения содержатся в иных ведомственных нормативных актах (ст. 12 ФЗ «О федеральной службе безопасности» и др.). Также необходимо принять во внимание, что изначально служба в органах внутренних дел сопряжена с высокими профессиональными рисками, в том числе и гибелью. Именно поэтому все сотрудники проходят специальную подготовку, в том числе и психологическую для получения навыков противодействия криминальному миру.

Что касается обоснованного риска (ст. 41 УК РФ), то в сфере правоприменительной деятельности органов внутренних дел он не имеет места быть, поскольку такая профессиональная деятельность осуществляется в строгом соответствии с законом. В противном случае действия лица, нарушившего предписание закона, вне рамок ст. 37–39 и ст. 42 УК РФ являются правонарушением и влекут наступление юридической ответственности. Всякий этап правоприменительной деятельности органов внутренних дел в соответствии с требованиями соблюдения прав и законных интересов лиц, участвующих в пресечении, предотвращении правонарушений, дознании и предварительном следствии, строго регламентирован.

¹ См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 141; Григорьева Л.В. Перспективы развития института физического и психического принуждения как обстоятельства, исключаящего преступность деяния // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 4 (135). С. 117; Чинь Суань Чьонг. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 8.

Отступление от требований нормативных установлений по общему правилу недопустимо. Реализация властных полномочий сотрудниками органов внутренних дел не позволяет осуществлять свою профессиональную деятельность путем проб и ошибок, поскольку в каждом конкретном случае это судьбы людей, а в политико-правовом аспекте – устойчивость государства на основе правопорядка.

По нашему мнению, ситуация обоснованного риска допустима в тех сферах, где отсутствует четкая законодательная регламентация правоотношений или само их содержание детально не фиксируется: сфера научной деятельности, медицина.

В доктринальных источниках ведется активная дискуссия о допустимости обоснованного риска в правоохранительной деятельности¹. Вместе с тем все без исключения авторы констатируют невозможность ситуации обоснованного риска в правоприменительной деятельности органов внутренних дел при нынешнем состоянии ведомственного законодательства. Так, А.В. Никуленко указывает: «В связи с этим требуется глубокая реконструкция норм, содержащихся в Федеральном законе “О полиции”, и других базовых для “силовых” министерств и ведомств законодательных и подзаконных актов»².

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос уголовной ответственности за причинение вреда при исполнении профессиональных обязанностей в рамках оперативно-розыскных мероприятий.

В литературе не раз указывалось на рассогласованность нормативных правовых предписаний УК РФ и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в том числе на нарушение единообразия понятийно-

¹ См.: Милуков С.Ф., Никуленко А.В. Силовое противодействие преступному поведению: модернизация нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6. С. 41–47.

² Никуленко А.В. Проблемы квалификации обоснованного риска в правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 3 (63). С. 61.

категориального аппарата¹. В.П. Коняхин справедливо отметил, что ч. 4 ст. 18 данного федерального закона фактически закрепляет не предусмотренное УК РФ основание освобождения от уголовной ответственности, а значит, названный комплексный закон выступает источником нормативных предписаний Общей части российского уголовного права².

С учетом ч. 1 ст. 1 УК РФ, все нормативные предписания, имеющие уголовно-правовое содержание, и, в частности, предопределяющие вопросы привлечения к уголовной ответственности, подлежат включению в УК РФ. Наглядным примером обеспечения системности российского уголовного законодательства служит недавнее дополнение УК РФ статьями 78¹, 80², отражающими специфику реализации уголовной ответственности в условиях проводимой специальной военной операции.

Представляется, что действующая регламентация оперативно-розыскной деятельности дает основания говорить и о возможных для этой сферы обстоятельствах, исключающих преступность деяния.

Именно оперативно-розыскная деятельность отличается высокой степенью профессиональных рисков как для самого сотрудника органов внутренних дел, так и для фигурантов, в отношении которых осуществляются необходимые мероприятия. Зачастую исполнитель не имеет возможности получить своевременную обратную связь от непосредственного руководства, вынужден действовать по ситуации, находясь в крайне стрессовой обстановке противодействия представителям криминального мира, причем его действия не всегда могут подпадать под признаки необходимой обороны или крайней необходимости: например, причинение вреда здоровью участника криминальной банды, дабы не быть расклеванным или сработать на

¹ Konyakhin V.P., Batyutina T.Yu., Aslanyan R.G. Liability for Crimes of Extremism within the Context of the Federal Law “On Operational Search Activities” // Proceedings of the VII International Scientific-Practical Conference “Criminal Law and Operative Search Activities: Problems of Legislation, Science and Practice” CLOSA, Moscow, 2021, Vol. 1. SciTePress, INSTICC. P. 378-382.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 122-123.

опережение в целях пресечения преступной деятельности и т.п. Более того, не подлежат применению и правила ст. 38 УК РФ, поскольку лицо еще не задерживается для доставления органам власти. Особенно остро подобные вопросы стоят в сфере противодействия терроризму, экстремизму, организованным формам преступной деятельности (наркобизнесу, торговле людьми и т.п.)¹. Таким образом, в действующем уголовном законодательстве отсутствуют положения, которые являются основой признания причинения вреда в рамках оперативно-розыскных мероприятий неправомерным, а применение УК РФ по аналогии, как известно, не допускается (ч. 2 ст. 3).

Говоря о правовой природе рассматриваемого явления, следует акцентировать внимание также на том, что оперативно-розыскная деятельность, как следует из ст. 1 одноименного закона, осуществляется в целях, соотносящихся с задачами УК РФ (ч. 1 ст. 2). При этом оперативно-розыскные мероприятия имеют четко установленные законом основания (ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»). Тем самым, выполнение задач оперативно-розыскной деятельности (ст. 2) направлено на достижение социально полезной цели. Разумеется, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в конкретной обстановке может вызвать необходимость причинения вреда, о чем лишь в общих чертах говорится в ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Признаем, этот вред, чтобы признаваться неправомерным, должен иметь строго очерченные законом границы, что особенно актуально с учетом необходимости соблюдения прав и свобод граждан, ведь в последующем виновность лица в совершении преступления может быть не доказана.

Пример реализованного решения в этой области обнаруживается в УК

¹ См.: Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 149.

Республики Казахстан¹, ст. 35 которого определяет, что причиненный вред должен быть менее значителен, чем вред, причиняемый уголовным правонарушением, причем его предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в его совершении лиц не могло быть осуществлено иным способом.

Вопрос формулирования предписаний о причинении вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий требует детальной проработки и самостоятельного исследования с привлечением специалистов в этой области². Вместе с тем представляется, что в целях обеспечения системных свойств уголовного права и общеправового принципа правовой определенности соответствующие положения должны найти отражение именно в главе 8 УК РФ. Алгоритм правового регулирования выражается в том, что нормы названной главы устанавливают фундамент (при каких условиях, почему деяние непроступно), а уже ведомственные нормативные акты, опираясь на уголовное законодательство, определяют порядок осуществления конкретного вида правоохранительной деятельности, но не разрешают вопросы преступности и наказуемости деяний.

Промежуточным решением на стадии обсуждения вопроса исчерпывающей регламентации предлагаемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, может стать включение в действующие статьи главы 8 правил о допустимости причинения вреда сотрудниками различных правоохранительных органов при выполнении своих профессиональных обязанностей. Соответственно, данные правила будут распространяться и на оперативно-розыскную деятельность как вид

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 12.09.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 23.03.2024).

² В уголовно-правовой доктрине уже имеются предложения на этот счет. См., например: Чумаров С.А. О проблеме вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД. Ответственный редактор Ю.А. Матвейчев. Могилев, 2018. С. 116-120.

правоохранительной деятельности, но будут распространяться только на те ситуации, которые соответствуют обстановке, описанной в соответствующих статьях.

Подводя итоги анализа правовой природы обстоятельств, исключających преступность деяния, необходимо подчеркнуть следующее.

1. Регламентация указанных обстоятельств в УК РФ нуждается в оптимизации, поскольку в гл. 8 УК РФ отсутствует их легальная дефиниция; не все объективно существующие обстоятельства закреплены в законе.

2. Правовая природа указанных обстоятельств раскрывается сквозь призму вопроса: 1) отграничения от преступления; 2) границ допустимого вреда; 3) условий правомерности причинения вреда охраняемым общественным отношениям.

3. Основное отличие причинения вреда в указанных обстоятельствах от преступления объясняется целью субъекта. Причиняя вред в ситуации данных обстоятельств, субъект чаще преследует цель социально полезную (ст. 37, 38, 39, 41 УК РФ). Что же касается явлений, зафиксированных в ст. 40 и 42 УК РФ, то они по смыслу отличаются отсутствием свободы воли (волеизъявления) в поведении субъекта.

4. Правовая природа обстоятельств, исключających преступность деяния, получает свое целостное обоснование посредством раскрытия их отличительных признаков. К таковым относятся: 1) целеполагание – субъект преследует общественно полезную цель; 2) правомерность причинения вреда, влекущая его ненаказуемость; 3) воздействие внешнего фактора, порождающего отсутствие в его действиях признака свободы воли и определяющего исключение виновности; 4) общественная опасность.

5. Обстоятельства, исключające преступность деяния, можно классифицировать на общие и специальные. Первые закреплены в главе 8 УК РФ и делятся на:

– определяющие достижение социально полезной цели (ст. 37–39, 41 УК РФ);

– обуславливаемые ограничением волеизъявления субъекта (ст. 40 и 42 УК РФ).

Специальные обстоятельства, исключающие преступность деяния, закрепляются в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ. Среди них: определяемые тяжелыми жизненными условиями лица (примечание к ст. 151); направленные на профилактику опасных инфекционных заболеваний (примечание к ст. 230) и в целом на охрану здоровья граждан (примечание 3 к ст. 238¹); вытекающие из конституционных гарантий (примечания к ст. 205⁶, ст. 308, ст. 316, ст. 322).

Примечание к ст. 228² представляет собой частный случай малозначительности деяния, а потому не подлежит включению в обозначенный перечень.

б. На основе проведенного исследования предлагается следующее определение обстоятельств, исключающих преступность деяния: объективно существующие обстоятельства, формирующие отсутствие признаков противоправности в действиях субъекта причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, и влекущие ненаказуемость такого причинения вреда при соблюдении условий его правомерности.

1.3 Зарубежный опыт регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния

Несмотря на то, что правовые установления о необходимой обороне, крайней необходимости, исполнении приказа и распоряжения традиционно содержатся в источниках уголовного права зарубежных государств, следует констатировать отсутствие единства подходов не только к закреплению пределов правомерности соответствующего причинения вреда, но и к структурированию в системе иных уголовно-правовых институтов и подинститутов. Зарубежные Уголовные кодексы оперируют такими категориями как: «основания ненаступления уголовной ответственности или

её смягчения», «основания освобождения от уголовной ответственности»¹, «оправдательные обстоятельства»².

Так, самостоятельная глава выделена в УК Испании – гл. 2 «Основания освобождения от уголовной ответственности». Однако в ней, в отличие от УК РФ, объединены такие разные по правовой природе обстоятельства как нереабилитирующие основания для освобождения от уголовной ответственности и исключаящие преступность деяния. Интересное законодательное закрепление рассматриваемый институт получил в УК Австралии в ч. 2.3.13 «Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность»³. Эта часть УК Австралии, в свою очередь, включает раздел 10 – «Обстоятельства, связанным с определенными внешними факторами». К таковым отнесен широкий перечень обстоятельств, часть из которых созвучны закрепленным в России. Это физическое принуждение (10.2), крайняя необходимость (10.3), самозащита (10.4). В указанном разделе представлены и неизвестные отечественному законодательству обстоятельства: причинение вреда в силу надления законным полномочием (10.5). Структурно обособленные разделы, посвященные обстоятельствам рассматриваемой группы, выделены в УК Франции⁴, УК Голландии⁵. Отдельные положения, касающиеся обстоятельств, исключаящих преступность деяния, закреплены и в УК ФРГ, однако они не получили в этом источнике систематизации в рамках самостоятельного раздела.

¹ Уголовное право: академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. Т. 10. С. 84.

² УК Республики Сан-Марино, вступивший в силу 1 января 1975 г., содержит гл. 4 «Оправдательные обстоятельства» (Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб., 2002. С. 51–55).

³ Уголовный кодекс Австралии 1995 г. = The Criminal code act 1995 of Australia : Принят Федер. парламентом в марте 1995 г.: Общая часть вступила в действие 15 дек. 2001 г. / науч. Ред. и предисл. И.Д. Козочкина, Е.Н. Трикоз; пер. с англ. Е.Н. Трикоз. СПб., 2002.

⁴ Разд. 2 УК Франции «Основания не наступления уголовной ответственности или её смягчения»: Уголовный кодекс Франции: принят в 1992 г.: вступил в силу с 01.03.1994 : с изм. и доп. на 01.01.2002 / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.

⁵ Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. В.Б. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб., 2001. 510 с.

В зарубежных государствах не отличается единством правовой регламентации вопрос о круге тех обстоятельств, которые законодатель включает в рассматриваемый перечень. В большинстве своем обнаруживается сходство в признании таковыми необходимой обороны, крайней необходимости, физического принуждения. Однако в национальных источниках уголовного права, как правило, присутствуют и не имеющие буквального аналога в иных странах положения. Так, например, в УК Италии к ним отнесены: осуществление законного права или исполнение обязанности (ст. 51), согласие лица (ст. 50) и правомерное использование оружия (ст. 53). В § 235 УК Норвегии согласие потерпевшего так же является обстоятельством, исключающим привлечение к уголовно ответственности¹. В УК ФРГ имеет место ошибка в запрете (§ 17), а в УК Эстонии – ошибка в обстоятельстве, исключающем противоправность деяния (§ 31) и коллизия обязательств (§ 30). Наибольшим своеобразием отличается уголовное законодательство США. Так, в Примерном уголовном кодексе США к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, наряду с известными законодательству России отнесены: незнание или ошибка (ст. 2.04); 2) патологическое опьянение (ст. 2.98); 3) согласие потерпевшего (ст. 2.11); 4) провокация преступления (ст. 2.13); 5) применение насилия при исполнении закона. Однако и в данном нормативном акте не осуществлен четкий водораздел между обстоятельствами, исключающими преступность деяния и обстоятельствами, освобождающими от уголовной ответственности.

Как и в российском уголовном праве, традиционно регламентируемым обстоятельством из ряда рассматриваемых в данной диссертации в зарубежных уголовных законах является необходимая оборона.

Вместе с тем в вопросе закрепления ее легальной дефиниции и условий правомерности наблюдается значительное расхождение. Отличается конструктивным подходом к данному вопросу УК Норвегии, в § 48 которого

¹ Уголовное законодательство Норвегии. СПб., 2003. С. 73–75.

закреплен: «Никто не может быть наказан за деяние, совершенное как акт самообороны. В качестве последней рассматривается акт, формально подпадающий под уголовно наказуемое деяние, совершенный для предотвращения или защиты от незаконного нападения, если деяние не превышает пределы необходимого для этой цели, при этом не должно считаться абсолютно неуместным наносить такое большое зло, которое имело своей целью деяние, исходя из опасности нападения, вины нападавшего или легального права нападать»¹. В УК Аргентины², Беларуси³, Германии⁴, Испании⁵, Казахстана⁶, Норвегии⁷, США, Узбекистана⁸, Франции⁹ общим концептом является правовая природа вынужденного характера необходимой обороны и ее цель – самозащита.

Что же касается границ необходимой обороны, то они определяются в зарубежном законодательстве различно. В ряде уголовных законов они описываются крайне абстрактно: «с целью защиты своих или чужих правовых

¹ Уголовное законодательство Норвегии / пер. с норв. А.В. Жмени; науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голик. СПб., 2003. 375 с.

² УК Аргентины. URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-426> (дата обращения: 23.03.2024).

³ Уголовный Кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ Уголовное уложение Федеративной Республики Германия / под ред. П.В. Головненков. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuauflage_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 23.03.2024).

⁵ Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и Ф.М. Решетникова; пер. с исп. В.П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. М., 1998.

⁶ Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по сост. на 12.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0 (дата обращения: 23.03.2024).

⁷ Уголовное законодательство Норвегии = Criminal legislation of Norway / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика ; пер. с норв. А.В. Жмени. СПб., 2003.

⁸ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХII) (с изм. и доп. по сост. на 02.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 23.03.2024).

⁹ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головки, Н.Е. Крылова / пер. с фр. Н.Е. Крылова. СПб., 2002.

благ (интересов)» (УК Грузии¹, Республики Корея², Парагвая, Перу³, Португалии⁴, Эстонии⁵), «с целью защиты своих или чужих прав» (УК Панама⁶). УК Австрии⁷, Албании⁸, Андорры, Гондураса⁹ определяют границы необходимой обороны рамками защиты жизни, здоровья, личной неприкосновенности, собственности и других прав своих или иных лиц. В УК Франции в ст. 122-5, 122-6 (гл. 2) «правомерная защита» обороняющегося и иных лиц допустима при совершении и преступления, и уголовного проступка. Французский законодатель право на защиту не ограничивает лишь интересами личности, признавая ее правомерность и в отношении посягательств на имущество, сопряженных с применением насилия (кража, взлом, грабеж – ст. 122-6 УК Франции)¹⁰. Похожая правовая конструкция содержится и в УК Испании, в соответствии с ч. 4 ст. 21 защиту можно применять и от проступка, и от преступления, но нападение должно быть противоправным.

Своеобразен УК Казахстана, так как ч. 2 ст. 32 допускает применение необходимой обороны для защиты не только личности и других прав обороняющегося или иных лиц, охраняемых законом интересов общества или

¹ Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=241> (дата обращения: 23.12.2022).

² Уголовный кодекс Республики Корея. СПб., 2004.

³ См.: Lavalle H. de. A Statement of the Laws of Peru in Matters Affecting Business. 4th ed., revised and enlarged. Washington, 1973; Valderama D.M. Law and Legal Literature of Peru: A Revised Guide. Washington, 1976.

⁴ Уголовный кодекс Португалии. URL: <https://www.docsity.com/ru/ugolovnyy-kodeks-portugalii/5504070/>.

⁵ Уголовный кодекс Эстонской Республики. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-estonskoj-respubliki_be025ddeed1.html?page=1.

⁶ Уголовный кодекс Республики Панама (введен в действие законом № 14 от 18.05.2007 с изм. и доп., внесёнными законом № 26 2008 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7203>.

⁷ Уголовный кодекс Австрии / пер. и предисл. А.В. Серебренникова. М., 2001.

⁸ Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Народной Республики Албания / пер. с алб. В.А. Андреева; под ред. и с предисл. В.Ф. Кириченко. М., 1954.

⁹ Уголовный кодекс Гондураса. URL: https://vk.com/@gonduras_dailymain-ugolovnyi-kodeks-gonduras.

¹⁰ Смирнов А. Зарубежный опыт правовой регламентации внесудебных форм защиты прав и свобод личности, исключаяющих преступность деяния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. Право. 2021. Т. 12, вып. 1.

государства от общественно опасного посягательства, но и жилища, собственности, а также *земельного участка* (здесь и далее курсив мой – А.К.)

Широкие пределы необходимой обороны определены в законодательстве многих штатов США. В соответствии с доминирующей доктриной (Доктриной крепости (замка) – *castle doctrine*), самооборона может применяться для защиты и личности, и собственного жилища. Такой подход характерен и для законодательства иных зарубежных государств, например, Алжира¹, Бельгии², Литвы³, Марокко⁴, Мексики⁵, Молдовы⁶, Туниса⁷, Украины⁸, Франции, Финляндии⁹: закрепляется презумпция необходимой обороны в случае незаконного проникновения в жилище. Заслуживает внимания опыт штата Луизиана, в УК которого правило правомерности причинения вреда при защите жилища распространяется и на ситуацию преступного посягательства на транспортное средство¹⁰.

В некоторых государствах необходимая оборона распространяется на ситуации защиты как себя, так и иных лиц от преступных посягательств на

¹ Уголовный кодекс (обнародован приказом № 66-156 от 18 сафар 1386 от 08.06.1966 с изм., внесенными в соответствии с Законом № 14-01 от 04.02.2014). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19199>

² Уголовный кодекс Бельгии. СПб., 2004.

³ Уголовный кодекс Литовской Республики = [Текст] : The Lithuanian penal code : утв. законом № VIII-1968 г. 26.09.2000 / науч. ред. В. Павилонис ; предисл. Н. И. Мацнева; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб., 2003.

⁴ Уголовный кодекс (утвержден дахиром (указом марокканского ип) № 1-59-413 от 28 джумада II 1382 (26.11.1962)). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7323>.

⁵ Уголовный кодекс Федерации (опубликован в федеральном официальном издании 01.07.2020). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20113>.

⁶ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2022). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 23.03.2024).

⁷ Уголовный кодекс Туниса / вступит. ст. и пер. с фр. В.А. Бурковской. 2-е изд., испр. М., 2005.

⁸ Уголовный кодекс Украины от 5.04.2001 № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 28.07.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 23.03.2024).

⁹ Уголовный кодекс Франции (закон № 39/1889 от 19.12.1889, с поправками, внесенными в закон № 650/2003 от 27.06.2003). URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/1503> (дата обращения: 23.03.2024).

¹⁰ System of Penal Law for the State of Louisian / comp. by E. Livingston. Miami: Hard Press Publ., 2013. P. 285.

жизнь и здоровье (§ 32–33 гл. 4 УК Германии («вынужденная оборона»)).
Весьма широкими являются границы необходимой обороны в УК Испании¹,
его нормы предполагают правомерность защиты и личности, и собственности
самого обороняющегося и иных лиц (ст. 14 УК Испании). А § 228 УК
Норвегии содержит указание на то, что правомерна лишь защита либо от
предшествовавшего либо от наличествующего в момент защиты насилия или
оскорбления. Важно установить, что последующая защита была
спровоцирована именно этим оскорблением или насилием. Созвучное
положение нашло отражение в ч. 4 ст. 37 УК Узбекистана.

В отличие от УК РФ в некоторых государствах установлены
законодательные ограничения применения необходимой обороны от
посягательств определенного круга лиц. Так, в УК ФРГ положения о
необходимой обороне не распространяются на защиту от общественно
опасных действий лиц, не являющихся субъектами ответственности в силу
невменяемости либо возраста, меньшего в сравнении с установленным
законом (§ 11 п. 5).

Значительно более узкие рамки необходимой обороны закреплены в УК
Аргентины: правомерной признается защита в ситуации непреодолимой
физической силы или угрозы нанесения тяжкого и неизбежного вреда и
действия в защиту собственной личности (ст. 34 УК Аргентины).

Однако нельзя не отметить, что, как и в ст. 37 УК РФ, в отличие от
других государств, в Аргентине право на защиту предоставляется не только от
наличествующего преступного посягательства, но и от его угрозы.

Сходные правовые установления закреплены так же в УК Австрии²,

¹ Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова; пер.
с исп. В.П. Зыряновой, Л.Г. Шнайдер. М., 1998. URL:
[//https://search.rsl.ru/ru/record/01000562974](https://search.rsl.ru/ru/record/01000562974) (дата обращения: 12.03.2024).

² Уголовный кодекс Австрии / пер. и предисл. А.В. Серебренникова. М., 2001.

Бразилии¹, Венгрии², Дании³, Индии⁴, Исландии⁵, Колумбии⁶, Панамы⁷ и ряде штатов США. Важным критерием правомерности в данном случае указывается реальность угрозы и неизбежность наступления последствий. Интересное уточнение содержится в УК штата Техас: установлен запрет на применение таких средств защиты, которые могут причинить смерть при защите от угрозы причинения смерти или тяжкого вреда здоровью (ст. 9.04 УК штата Техас)⁸. Специфика и неоднородность законодательства США отчетливо проявляется в вопросе правомерности применения силы при посягательстве на жилище. Так, в ряде из них правомерной признается лишь такие действия, которые применяются в ответ на незаконное проникновение в жилище, лишь при условии необходимости причинения вреда и предварительного предупреждения нападающего о применении к нему силы (штаты Айдахо, Нью-Йорк, Южная Дакота). Более широкие границы правомерности необходимой обороны при проникновении злоумышленника в жилище закреплены в уголовных законах штатов Алабама, Иллинойс, Колорадо, Луизиана, Огайо, Флорида, где правомерность применения насилия обусловлена самим фактом противоправного проникновения в жилище или иное помещение. «Оправдывающим» обстоятельством считается применение силы «...в таких пределах, в которых, как лицо разумно полагает, ее

¹ Уголовный кодекс (Указ-закон № 2.848 от 07.12.1940 г. с изм., внесенными Законом № 14.344 от 24.05.2022). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21432>.

² Об уголовном кодексе: Закон № 4 1978 года. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2199>

³ Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / науч. ред. С.С. Беляев; пер. с дат. С.С. Беляева и А. Н. Рычевой. СПб., 2001.

⁴ Уголовный кодекс Индии / пер. с англ. А.С. Михлина; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М., 1958. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006210335>.

⁵ Уголовный кодекс Исландии (Закон № 19/1940 от 12.02.1940). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2437>.

⁶ Уголовный кодекс Колумбии (Закон № 599 от 24.07.2000 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7305>.

⁷ Уголовный кодекс Республики Панама (введен в действие Законом № 14 от 18.05.2007 с изм. и доп., внесёнными Законом № 26 2008 года). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7203>.

⁸ Уголовный кодекс штата Техас. СПб., 2006.

применение тотчас необходимо для своей защиты от противоправного насилия либо покушения на него со стороны другого лица»¹.

Наиболее абстрактно границы необходимой обороны сформулированы в ряде УК государств ближнего зарубежья, согласно которым необходимая оборона допускается при защите жизни, здоровья и прав обороняющегося или других лиц, интересов государства или общества от общественно опасного посягательства (Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Киргизия).

Центральным в теории и практике необходимой обороны выступает вопрос о формализации в уголовно-правовой норме условий ее правомерности. Достаточно детально этот вопрос раскрыт в УК Испании. Так, к ним отнесены: противоправный характер посягательства, отсутствие факта провокации со стороны обороняющегося и соблюдение требования разумной необходимости причинения вреда. Условие соразмерности причиненного при необходимой обороне вреда выступает центральным. Аналогичные положения закреплены в УК Аргентины, однако в нем основной акцент сделан на соблюдение требования разумности выбора средств защиты, использовавшихся для предотвращения или отражения нападения. Указанное требование не применяется в ситуации проникновения в жилище или нападения на него. В данном случае правомерным будет признавать любой причиненный нападавшим вред. Такое же правило действует в Аргентине в отношении ситуации задержания оказывающего сопротивление злоумышленника внутри дома. УК Казахстана определяет, что за пределами правомерности находится причиненный при необходимой обороне «явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред» (ч. 2 ст. 32). Например, нормы УК стран СНГ и Балтии (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия,

¹ Уголовный кодекс штата Техас (принят Законодательным собранием штата Техас, 63-я законодательная сессия Законодательного собрания штата Техас; вступил в силу 01.01.1974 (с изм. и доп. на 01.07.2003). URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%88%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B0_%D0%A2%D0%B5%D1%85%D0%B0%D1%81/?ysclid=lqlyp3hhce639439958 (дата обращения: 21.03.2024).

Литва, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония), а также УК Монголии прямо указывают, что право на необходимую оборону принадлежит всем лицам независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Иным подходом характеризуются УК некоторых штатов США (Нью-Йорк, Пенсильвания) в которых содержится правило о допустимости прибегнуть «к смертоносной силе», при отсутствии у лица возможности отступить и так избежать причинения смерти или тяжкого телесного вреда. УК Ирака (ст. 42)¹, Сингапура (ч. 3 ст. 99), Судана (п. 2 ст. 12)² установлено, что права необходимой обороны нет в тех случаях, когда у лица имеется время для обращения к властям за помощью.

В иных случаях законодателем более конкретно раскрывается соотношение характера противоправного деяния и допустимых мер обороны (УК Австралии, Индии, Мальты, штатов США и иных государств английского общего права). Законодатель подавляющего большинства зарубежных государств стремиться четко определить правомочие обороняющегося на причинение вреда и его границы. Так, французский законодатель закрепляет категорический запрет на причинение смерти при защите собственности от преступного посягательства (ст. 122-5 УК Франции).

Уголовное законодательство Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Гондураса, Грузии, Исландии, Испании, Нидерландов, Никарагуа, Польши³ в качестве важного условия правомерности необходимой обороны называет противоправный характер посягательства. УК Албании, Бразилии, Колумбии, Панамы⁴ говорят о «несправедливом» (*injusta*) нападении; УК Армении,

¹ Хасан Х.А.Х. Уголовный кодекс Республики Ирак: характеристика общей части. URL: https://nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=29754.

² Уголовный кодекс Южного Судана 2008 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11413>.

³ Уголовный кодекс Польши = The Polish penal code : с изм. и доп. на 01.08.2001 / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой; пер. с польск. Д.А. Барилевич. СПб., 2001.

⁴ Уголовный кодекс Республики Панама (введен в действие Законом № 14 от 18.05.2007 с изм. и доп., внесёнными Законом № 26 2008). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7203>

Беларуси, Казахстана, Киргизии – об «общественно опасном» посягательстве. Обращает на себя внимание не известная законодательству России оговорка о праве самообороны от душевнобольного и малолетнего лица (УК Индии, Сингапура¹).

К условиям правомерности необходимой обороны относят и отсутствие провокации со стороны обороняющегося. Такое условие закреплено в УК Андорры, Гватемалы², Греции³, Испании, Панамы, Перу⁴, Таджикистана⁵, Узбекистана⁶, Эквадора⁷.

Как и в российском уголовном законе, важным элементом правомерности необходимой обороны выступает такой признак как «наличность посягательства» (используется в УК Австрии, Бельгии⁸, Бразилии, Болгарии, Германии, Нидерландов, Румынии). Достаточно интересное правило относительно наличия признака посягательства включает УК Грузии (п. 3 ст. 28): «причинение вреда посягающему с целью возврата отнятых в результате противоправного посягательства имущества или иных правовых благ является правомерным и в случае, если это произошло непосредственно при переходе этих благ в руки посягавшего и их немедленный возврат еще возможен»⁹. Уголовный закон Германии в гл. 4 в § 32 и 33 определяет

¹ Уголовный кодекс Сингапура. URL: [https://ru.knowledgr.com/03504979/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81\(%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80\)](https://ru.knowledgr.com/03504979/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81(%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80)).

² Уголовный кодекс Гватемалы от 27.07.1973. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2013>.

³ Уголовный кодекс Греческой Республики / науч. ред. и предисл. С.И. Карибова; пер. с греч. С.И. Карибова, В.И. Карибова. М., 2011.

⁴ Уголовный кодекс Перу (Законодательный указ № 635). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6548>.

⁵ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изм. и доп. по сост. на 24.12.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325.

⁶ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХП) (с изм. и доп. по состоянию на 11.04.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110.

⁷ Уголовный кодекс Эквадора. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1223>.

⁸ Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н.И. Мацнева; пер. с фр. Г.И. Мачковского. СПб., 2004.

⁹ Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2001.

признаки «вынужденной обороны», которая должна применяться исключительно к начавшемуся и еще не оконченному посягательству и может быть реализована для защиты как обороняющегося, так и третьих лиц. При этом в § 33 УК ФРГ содержится особое указание, что причинение вреда при мнимой вынужденной обороне, хотя и совершенное под влиянием страха, испуга либо замешательства так же исключают привлечение к уголовной ответственности. Как видится, недостатком правового регулирования необходимой обороны в рассматриваемом источнике права следует признать отсутствие предписаний относительно соразмерности необходимой обороны характеру и степени посягательства.

Параграф 48 УК Норвегии устанавливает критерии правомерности, связанные с такими факторами как защита от преступления, в целях его предотвращения, пресечения или самозащиты, разумная необходимость причинения вреда, определяемая через категорию соразмерности нападения и защиты. Соразмерность же определяется сообразно опасности нападения и вине нападающего. Как и в УК Германии, причинение вреда, хотя и выходящего за пределы правомерности необходимой обороны, но совершенного под влиянием страха, испуга не влечет уголовную ответственность.

В отдельных УК среди иных признаков нападения указывается его реальность, т. е. существование в действительности (Албания, Молдова, Мексика, Румыния, Сан-Марино).

Уголовные законы зарубежных государств содержат правила квалификации превышения пределов необходимой обороны. При общем ориентире на смягчение ответственности, к характеристике превышения мер необходимой обороны единого подхода нет. Так, по ст. 35 УК Аргентины, эти деяния квалифицируются как совершенные по неосторожности¹. Подобный подход расходится с принятым в российском уголовном праве. Исходя из ст.

¹ Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003. С. 51–53.

33 УК Швейцарии, выход за рамки необходимой обороны оценивается как основание для смягчения наказания по усмотрению суда. В ряде государств сохраняется принцип непривлечения к уголовной ответственности (УК Кореи, Польши).

Уголовные законы Австрии, Германии, Испании, Нидерландов, Польши, Франции, Швейцарии, Эстонии не закрепляют самостоятельные положения о причинении вреда при задержании преступника. В законодательстве же других зарубежных государств этот подинститут получил детальную регламентацию. Тем самым, алгоритм фиксации базовых черт возможного причинения вреда при задержании посягающего не отличается единообразием. Так, согласно ст. 3 Закона Великобритании «Об уголовном праве» 1967 г. для обоснованного ареста правонарушителя, а равно при оказании помощи аресту подозреваемого допускалось применение силы, в том числе и частным лицом, не уполномоченным властью. Подобное правомочие реализовывалось в рамках концепта права на защиту публичной власти и общественных интересов каждым членом общества. Уголовный кодекс Канады в ст. 25 главы «Защита лиц, управления и обеспечения соблюдения закона» ч. 1 («Общая») содержит нормы, по которым частное лицо оправдывается в применении такого размера силы, как это необходимо для осуществления ареста, если она действует на разумных основаниях.

Особый интерес вызывает решение указанного вопроса в законодательстве США. В ст. 3.07 разд. 3 «Общие принципы признания поведения правомерным» ч. 1 «Общие положения» Примерного УК США существуют нормы о применении насилия, когда кто-либо осуществляет арест или способствует осуществлению ареста и предполагает, что такое насилие непосредственно необходимо для его осуществления. Следует подчеркнуть, что в целом границы самообороны и «причинения вреда при задержании» определяются по субъекту правомерного причинения вреда. В первом случае это само лицо, которое защищается от преступного посягательства, во втором – третье лицо, наделенное специальными полномочиями по пресечению

преступлений. Так, ст. 35.30 УК штата Нью-Йорк закрепляет ряд важных моментов. Во-первых, субъектами выступают служащие полиции или должностные лица, следящие за соблюдением общественного порядка. Во-вторых, определены ситуации возможной реализации мер: производство или предпринимаемая попытка ареста. В-третьих, довольно широки полномочия названных лиц, которые «...могут применить физическую силу тогда и в такой степени, когда и настолько, как они разумно полагают, это необходимо, чтобы произвести арест...»¹. Сходные в целом положения закреплены и в УК Техаса (ст. 9.51 «Арест и обыск»)². Отличительной же его чертой выступает более широкий перечень лиц, могущих осуществить задержание: таковыми в том числе могут выступать частные лица, действующие под руководством сотрудника правоохранительного органа, либо частные лица, действующие самостоятельно для содействия обыску, аресту или предотвращению побега. Правомерность насилия в подобных случаях обусловлена его необходимостью применения тотчас же, а также разумными пределами. Таким образом, в штате Техас, в отличие от штата Нью-Йорк, применение насилия при аресте и пресечении побега не является исключительным правомочием сотрудников правоохранительных органов. Согласно ч. Б ст. 9.51 УК штата Техас частное лицо при этом должно до применения насилия объявить о своем намерении и основаниях произвести арест. Исключением из данного правила служат случаи, когда субъект разумно полагает, что его цель и основания ареста заведомо известны подвергаемому аресту, или когда объявление цели и оснований ареста не представляется разумно возможным»³.

В рассматриваемом нормативном акте содержится очень важная

¹ Рабаданов А.С. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния по уголовному законодательству России и зарубежных стран: учеб. пособие / под общ. ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2003. С. 25.

² Уголовный кодекс штата Техас= Texas penal code : принят Законодат. собр. штата Техас : 63-я законодат. сессия Законодат. собр. штата Техас: вступил в силу с 01.01.1974 с изм. и доп. на 01.07.2003 / науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина; пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006.

³ Там же. С. 110–111.

оговорка, отсутствующая в УК РФ, согласно которой не может быть признано правомерным применение насилия при сопротивлении аресту или обыску, даже если они носили незаконный характер (ст. 9.31 штата Техас). Эта же статья регламентирует основания причинения вреда здоровью или даже смерти задерживаемому: «Сотрудник правоохранительного органа оправданно применяет смертоносную силу в отношении другого в случаях и в таких пределах, в которых разумно полагает, что такая смертоносная сила тотчас необходима для производства ареста или для предотвращения побега после ареста. И: (1) деятель разумно полагает, что действия, за совершение которых необходим арест, включали применение или покушение на применение смертоносной силы; либо (2) деятель разумно полагает, что существует значительная опасность того, что лицо, подвергаемое аресту, причинит смерть или тяжкий телесный вред этому деятелю или другому, если арест не будет произведен незамедлительно»¹. Интересными представляются указание данного источника на меры противодействия побегу и их правовая оценка, поскольку они отнесены к институту необходимой обороны (ст. 9.52 УК штата Техас). При предотвращении побега учитываются: 1) оправданность насилия; 2) разумность насилия; 3) соответствие тяжести совершенного преступления и общественной опасности личности задерживаемого.

Столь детальная регламентация вопроса правомерности причинения вреда при задержании – позитивный опыт, поскольку установление четких границ деятельности сотрудников правоохранительных органов и приравненных к ним лиц дает правовую основу соблюдения прав всех лиц, вовлеченных в ситуацию ареста или задержания: для служащих полиции – четкое понимание правомерности своих действий, для лиц, совершивших преступление, – осознание ответственности за неповиновение законным требованиям, для третьих лиц – безопасность повседневной жизни.

¹ Уголовный кодекс штата Техас: принят Законодат. собр. штата Техас : 63-я законодат. сессия Законодат. собр. штата Техас : вступил в силу с 01.01.1974 с изм. и доп. на 01.07.2003 / науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкина ; пер. с англ. Д.Г. Осипова, И.Д. Козочкина. СПб., 2006.

Не проводит четкого разграничения между необходимой обороной и причинением вреда при законном задержании УК Норвегии, объединяя в § 48 условия их правомерности. Как и в американском законодательстве, отличие указанных обстоятельств лежит в плоскости субъекта причинения вреда. Специальный субъект причинения вреда при задержании и аресте закреплен и в УК Швеции¹. В гл. 24 указанного источника права описаны две ситуации правомерного причинения вреда: 1) он направлен на противодействие побегу или на силовое подавление сопротивления со стороны лиц, заключенных под стражу; 2) как правило менее суровые меры действуют в отношении лиц, оказывающих сопротивление законным требованиям сотрудника правоохранительного органа. Солидарную позицию занимает и законодатель в Аргентине. В ст. 34 УК Аргентины установлено, «что не подлежит уголовной ответственности тот, кто: ...действовал, исполняя свой долг или законно осуществляя свое право, властные полномочия или должностные обязанности; действовал в силу обязательного подчинения; действовал в защиту собственной личности или прав, если при этом имели место следующие обстоятельства: противоправное нападение, разумный выбор средств защиты, использовавшихся для предотвращения или отражения нападения, отсутствие достаточной провокации со стороны защищавшегося лица»².

По такому же пути идет и турецкий законодатель, закрепляя в ст. 49 УК Турции³ исключительное право сотрудника правоохранительного органа на необходимую реакцию при выполнении профессиональных функций. Правомерность причинения вреда определяется следующими условиями: 1) наличие предписания закона или приказа, подлежащих обязательному исполнению; 2) задержание является служебной обязанностью

¹ Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев; пер. С.С. Беляева. СПб., 2001.

² Уголовный кодекс Аргентины: опубликован 29.10.1921; вступил в силу 29.04.1922 / под ред. Р.М. Асланова. СПб., 2003. С. 238.

³ Уголовный кодекс Турции (Закон № 5237 от 26.09.2004 с изм., внесёнными Законом № 6217 от 31.03.2011). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11135>.

сотрудника правоохранительного органа; 3) вынужденный характер применения насилия; 4) специальная цель применения насилия – самозащита; защита третьих лиц; предотвращение реальной опасности¹. Таким образом, причинение вреда в указанных обстоятельствах будет обладать признаками правомерности, если: основано на законе или легитимном приказе; является служебной обязанностью; носит вынужденный характер; служит для достижения цели защиты личности и *чести*.

УК Сан-Марино в ст. 43 так же закрепляет специальное полномочие должностного лица на применение физического принуждения. Условиями правомерности его применения являются: законный характер действий должностного лица; специальная цель – преодоление сопротивления законным требованиям и пресечение насильственных действий². Обращает на себя внимание, что по законодательству Сан-Марино применение оружия допустимо только в случаях, четко оговоренных в законе. Отдельные положения в рассматриваемом источнике предусмотрены в отношении ситуации причинения вреда при исполнении долга (ст. 40 УК Сан-Марино). В данном случае специально оговорено неприменение наказания к лицам, осуществившим физическое принуждение в ходе исполнения служебного долга или законного распоряжения. Сходные по содержанию нормы закреплены в ст. 122-4 УК Франции. Особого внимания заслуживает вопрос об оценке распоряжения или приказа на предмет его законности. В данном случае применяется аксиома, согласно которой исключено привлечение к уголовной ответственности за исполнение распоряжения, даже в случае его незаконности, при условии, что не установлена обязательная процедура проверки его законности перед исполнением. Однако уголовная ответственность будет наступать в том случае, когда из содержания распоряжения явно следует его преступный характер. В ст. 53 УК Италии в отдельной норме закреплены условия правомерности применения

¹ Уголовный кодекс Турции. СПб., 2003. С. 60–61.

² Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб., 2002. С. 54.

должностным лицом оружия. По общему правилу при задержании преступника в Италии, как и в Сан-Марино, оно запрещено. Лишь для отражения насилия, либо преодоления сопротивления, либо в целях воспрепятствования совершению таких преступлений как массовое истребление населения, наводнение, кораблекрушение, крушение поезда, авиакатастрофа, вооруженное ограбление, умышленное убийство и похищение человека. Таким образом, применение оружия в указанных государствах очерчено лишь целью пресечения совершаемого преступления.

Более широкий субъектный состав освобождения от ответственности за причинение вреда при превышении мер по задержанию предусмотрен в ряде источников зарубежного уголовного права. Это характерно для государств с советским прошлым, является отражением широкой вовлеченности населения в общественную жизнь, в том числе и в правоохранительную деятельность. УК Беларуси помимо специально уполномоченных лиц предоставляет право на задержание и гражданам. Важно при этом, согласно ч. 1 ст. 35 УК Беларуси, установить факт попытки скрыться от следствия и суда. Подобный подход присущ и УК Казахстана, в котором, помимо указанных выше, в числе задерживаемых прямо поименованы потерпевшие¹. Солидаризируется с указанными положениями латвийский законодатель, уточняя лишь то, что за рамками правомерности находятся случаи умышленного нанесения увечий, асинхронных степени «неподчинения и сопротивления» (ст. 31 УК Латвии)². Законодатель Азербайджана, как и иные, указывает на невозможность осуществить задержание иными способами. Сходные положения закреплены и в ст. 37 гл. 3 «Обстоятельства, устраняющие уголовный характер деяния» Общей части УК Республики Молдова.

Отличается детализацией положения ст. 29 гл. 5 «Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность» УК Литвы. Прописаны: факт

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V (с изм. и доп. по сост. на 12.09.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 23.03.2024).

² Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб., 2001. С. 70–71.

активного сопротивления пострадавшего от задержания (погоня, задержание, побег или иные действия); размер вреда – имущественный ущерб небольшой тяжести или тяжкий вред здоровью; неосторожная форма вины. Последний фактор, как видится, является достаточно спорным и диаметрально противоположным концептуальному подходу к правовой оценке субъективной стороны задержания, присущему российскому законодательству.

Более широкие границы правомерности мер по задержанию преступника закреплены в УК Узбекистана¹. Согласно его ст. 39, причинение вреда находится в границах правомерности, если оно реализуется при задержании лица, совершившего как преступление, так и иное правонарушение. Указанное положение не нашло реализации в законодательстве других государств ближнего зарубежья. Входит оно в разрез и с положениями российского уголовного права.

Физическое или психическое принуждение в отличие от УК РФ, не выделяется большинством зарубежных источников. Лишь некоторые государства ближнего зарубежья закрепляют его правовую оценку (ч. 1 ст. 37 УК Казахстана², ч. 1 ст. 39 УК Молдовы³, ч. 1 ст. 43 УК Таджикистана⁴ и ч. 1 ст. 40 УК Туркменистана⁵). Из государств дальнего зарубежья исключение составляет УК Франции, в ст. 122-2 которого совершение преступления или

¹ Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХII) (с изм. и доп. по состоянию на 02.09.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 23.03.2024).

² Уголовный кодекс республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2022 г.). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0 (дата обращения: 23.03.2024).

³ Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 года № 985-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6;-142 (дата обращения: 23.03.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.07.2022 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325.

⁵ Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222-I (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2023 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 23.03.2024).

уголовного проступка под влиянием принуждения признается основанием для освобождения от уголовной ответственности.

В ряде зарубежных государств физическое или психическое принуждение позволяет лишь смягчить наказание (ст. 59 УК Республики Азербайджан¹, ст. 63 УК Республики Беларусь, ст. 54 УК Республики Кыргызстан² и ст. 59 УК Республики Литва³). В УК Латвии и Литвы содержится указание на имеющий более широкую трактовку термин «насилие». Так, согласно ст. 59 УК Латвии, в числе обстоятельств, смягчающих ответственность, называется совершение преступления под влиянием насилия. Такая же регламентация наблюдается в ст. 37 УК Эстонии.

Нашла регламентацию в уголовных законах зарубежных государств и крайняя необходимость, причем в сходном формате с законодательством Российской Федерации⁴. Так, причинение вреда в состоянии крайней необходимости допускается лишь с целью предотвращения большего вреда, что формирует ключевую идею теории крайней необходимости – причинение меньшего вреда. Вместе с тем, законодательство Великобритании традиционно к состоянию крайней необходимости относит арест преступника или подозреваемого. При этом особо оговаривается допустимость применения исключительно «разумной силы». В отличие от законодательства России, УК Республики Беларусь закрепляет положение о том, что состояние крайней необходимости признается наличествующим и в ситуации мнимой защиты

¹ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.07.2022 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 23.03.2024).

² Уголовный кодекс Кыргызской республики от 28 октября 2021 года № 127 (Введен в действие Законом КР от 28 октября 2021 года № 126) (В редакции Законов КР от 18 января 2022 года №4, 1 апреля 2022 года № 22, 16 июня 2022 года № 45, 30 июня 2022 года № 51). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 23.03.2024).

³ Уголовный кодекс Литвы. СПб., 2003.

⁴ Соколянский П.Г., Куфлева В.Н. Компаративистское исследование института крайней необходимости: внутригосударственный и зарубежный аспекты // Теоретические и практические проблемы современной науки. материалы V Международной научно-практической студенческой конференции, посвященной 75-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских оккупантов. 2018. С. 189-192.

каких-либо интересов и благ. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 36 УК Беларуси освобождение от уголовной ответственности применяется и в том случае, когда охранительно-защитные действия не достигли желаемого результата и предотвращаемый вред наступил. Важным условием не наступления уголовной ответственности выступает добросовестность действий лица. УК Испании, определяя правомерность крайней необходимости, опирается на категорию «необходимость» и вынужденность причинения вреда при отсутствии возможности выбора линии поведения от противоправного посягательства. УК Франции крайнюю необходимость (ст. 122-7) регламентирует, признавая ее основанием не наступления уголовной ответственности либо ее смягчения (гл. 2). Вместе с тем в указанном источнике права отсутствуют четкие критерии правомерности причинения вреда в условиях крайней необходимости, а их правовая оценка отдана на откуп суда. Единственное, на что указывает уголовный закон Франции, – это то, что опасность не может быть в будущем, она должна быть наступившей и неизбежной. Крайняя необходимость может реализоваться как с целью защиты собственных интересов, так и интересов третьих лиц, включая не только личные блага, но и имущественные. Обращает на себя внимание тот факт, что в ст. 122-7 УК Франции отсутствует важное условие правомерности крайней необходимости – причинение меньшего вреда, равно как и требование о том, чтобы причинение вреда было единственным способом предотвращения опасности.

Уголовный кодекс Германии в регламентации института крайней необходимости опирается на положения международного права. Насилие допускается для защиты от схожих действий; правомерного ареста или предотвращения побега правомерно задержанного; правомерного подавления бунта или восстания. Как видим, выделяется данный нормативный акт указанием на изначальную законность профессиональной деятельности, что подтверждает важность соблюдения процедурных аспектов противодействия преступности.

В УК Германии представлен не имеющий аналогов в законодательстве других государств институт «вынужденного состояния». Глава 4 УК ФРГ содержит формулировку «вынужденное положение» (§ 34 и 35), которое, по всей видимости, вбирает в себя и регламентируемую УК РФ крайнюю необходимость. При этом немецкий законодатель подразделяет вынужденное положение на: правомерное § 34 и оправданное § 35. Правомерное вынужденное положение полностью исключает уголовную ответственность, а оправданное рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание. Последнее обусловлено тем, что ситуация крайней необходимости создается самим лицом, действующем в последствии в обстановке вынужденного положения, либо субъект был по закону обязан не допускать создания опасности. При этом если правомерное вынужденное положение допускает причинение вреда в целях защиты как личности, так и собственности, то оправданное вынужденное положение допускается исключительно для защиты личности. Право на причинение вреда в условиях крайней необходимости не имеет в Германии ограничения по кругу лиц. Правомерность причинения вреда связана лишь с наличием неотвратимой опасности, требующих определенных действий по ее устранению. Допустимо причинение вреда как людям, так и имуществу, включая животных. Важным условием правомерности в УК Германии выступает соотношение причиненного и предотвращенного вреда. Последний должен быть больше.

В Уголовном кодексе Швеции в гл. 24 регламентируется крайняя необходимость (названная необходимостью). В свою очередь, согласно ст. 38 УК Узбекистана условиями правомерности крайней необходимости являются: 1) реальность опасности и ее неотвратимость; 2) характер и степень грозящей опасности; 3) реальная возможность предотвратить опасность путем причинения меньшего вреда.

Таким образом, регламентация института крайней необходимости в зарубежных государствах во многом имеет схожие черты с законодательством России.

Как было отмечено в начале настоящего параграфа диссертации, в законодательстве зарубежных государств содержатся указания и на те обстоятельства, исключающие преступность деяния, которые отсутствуют в УК РФ. Так, в § 17 УК ФРГ упоминается «ошибка в запрете», которая при добросовестном заблуждении лица о правомерности своих действий влечет освобождение от ответственности или ее смягчение. Данное обстоятельство идет вразрез с императивом отечественного законодательства, презюмирующего, что незнание закона не освобождает от ответственности. В УК Франции тоже содержится указание на освобождение от уголовной ответственности в случае юридической ошибки. В соответствии с его ст. 122-3 юридическая ошибка выражается в том, что лицо опрометчиво полагало, что действует законно. В УК Испании упоминается фактическая ошибка (ст. 14). Отличительной чертой служит то, что зафиксированы не только ее содержание, но и правовые последствия. Однако, исходя из буквального толкования структуры УК Испании, данные обстоятельства не отнесены к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, поскольку размещены в гл. 1 «Преступления и проступки». И если вопрос имплементации указанного обстоятельства остается открытым, то крайне негативно следует оценивать подход к неприступности согласия потерпевшего в силу его крайней степени оценочности и абстрагированности от публичной сути уголовного права. Так, согласно § 228 УК ФРГ, от уголовной ответственности освобождается лицо в случае нанесения другому телесного повреждения, но при условии, что оно не нарушает общепринятые моральные нормы. УК штата Нью-Йорк содержит специфическое обстоятельство, исключающее преступность деяния, – «вовлечение в «ловушку»» (ст. 40.05). Это понятие схоже с категорией «провокация со стороны сотрудников правоохранительных органов». На это справедливо указывают С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко¹.

¹ Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. № 10. С. 45-53.

Речь идет об активной провоцирующей к совершению преступления деятельности служащих правоохранительных органов. Прослеживается некоторое сходство с действующим в РФ запрете на провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд (ст. 304 УК РФ).

Подводя итог, следует резюмировать, что многообразие законодательных решений регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния, создает возможности и для компаративистского исследования, и для оптимизации отечественного законодательства. В уголовном праве зарубежных государств нет унифицированных подходов к систематизации, структурированию, формированию перечня и наименованию рассматриваемых обстоятельств. Вместе с тем можно констатировать, что в большинстве иностранных уголовных законов сходятся в потребности регламентации крайней необходимости, необходимой обороны, исполнения закона или приказа, причинения вреда при задержании преступника, ошибки¹ в правомерности действий.

Наиболее детальную регламентацию в законе получила необходимая оборона. Данное обстоятельство известно уголовным кодексам всех указанных государств. В УК Аргентины, Австралии, Германии, Беларуси, Голландии, Латвии, Испании, Норвегии, Литвы, США, Казахстана, Молдовы, Франции, Эстонии, Узбекистана объединяющим концептом выступает правовая природа *вынужденного характера* необходимой обороны и ее цель – *самозащита*. Наиболее широко границы правомерности определены в УК Франции и Испании: она допустима в случае любого по степени общественной опасности посягательства (правонарушения и преступления). Наличие нападения как обязательное условие правомерности установлена в законодательстве ряда

¹ Прохоров А.Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 10.

штатов США (Алабама, Иллинойс, Колорадо, Луизиана, Огайо, Флорида), правомерность применения насилия привязана к самому факту противоправного проникновения в жилище или иное помещение.

Нормы уголовных кодексов стран СНГ и Балтии (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Киргизия, Латвия, Литва, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина, Эстония), а также УК Монголии прямо указывают, что право на необходимую оборону принадлежит всем лицам независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим или органам власти. Однако в законодательстве зарубежных государств нашел отражение и иной подход, согласно которого правомерность причинения вреда в ситуации необходимой обороны обусловлена невозможностью избежать нападения и причинения смерти нападавшему (УК штатов Нью-Йорк и Пенсильвания). В законодательстве других государств содержится указание на то, что причинение вреда в ситуации необходимой обороны будет правомерным лишь при отсутствии возможности обратиться за защитой к представителям власти (ч. 3 ст. 99 УК Сингапура).

Превышение пределов необходимой обороны, согласно законодательству большинства зарубежных государств, влечет смягчение уголовной ответственности. Вместе с тем, в КНР, Польше и Южной Корее факт превышения мер необходимо обороны не влияет на правовые последствия защиты – полное освобождение от уголовной ответственности.

Весьма нетривиальным решением видится оценка ситуации превышения пределов необходимой обороны в ст. 35 УК Аргентины как деяния, совершенного *по неосторожности*.

Уголовные законы Австрии, Германии, Испании, Нидерландов, Польши, Франции, Швейцарии, Эстонии не закрепляют самостоятельные положения о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление. Наибольшую детализацию вопрос правовой оценки таких случаев получил в государствах системы общего права (Англия, Канада,

США). В уголовно-правовых нормах указанных государств содержится императив о соблюдении соразмерности и объективной необходимости применения насилия. Обращает на себя внимание отсутствие четкого разграничения между необходимой обороной и задержанием преступника в соответствующих источниках права. Показательны в этом отношении положения ст. 9.52. УК штата Техас, согласно которым меры по пресечению побега отнесены не к направленным на задержание преступника, а к необходимой обороне. Аналогичный подход закреплен и в § 48 УК Норвегии. В отличие от положений российского законодательства, в ряде источников зарубежного права закреплено исключительное право причинения вреда при задержании / аресте уполномоченными сотрудниками правоохранительных органов (Аргентина, Италия, Сан-Марино, Турция, Франция, Швеция др.).

В значительно меньшем числе уголовных законов зарубежных государств содержится указание на такие обстоятельства как физическое и психическое принуждение. Прежде всего это государства ближнего зарубежья. Похожие указания содержатся в ст. 122-2 УК Франции.

Осуществлена в зарубежном уголовном праве и регламентация крайней необходимости (УК Германии, Франции, Швейцарии, стран ближнего зарубежья). В общих чертах она имеет точки соприкосновения с положениями УК РФ. Спецификой обладают нормы о крайней необходимости в УК ФРГ. В данном источнике права представлен не имеющий аналогов в законодательстве других государств институт «вынужденного состояния». При этом немецкий законодатель подразделяет такое положение на: правомерное § 34 и оправданное § 35.

В ряде уголовных законов содержатся обстоятельства, исключющие преступность деяния, неизвестные нашему законодательству: ошибка в запрете (УК Испании, Франции, Германии); провокация преступления (УК штата Нью-Йорк). Отсутствие подобных предписаний в УК РФ является пробелом, требующим восполнения.

2 Законодательные и правоприменительные проблемы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния, в деятельности органов внутренних дел и пути их решения

2.1 Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов при осуществлении деятельности органов внутренних дел

Буквальное толкование ст. 37 УК РФ дает основание для вывода о том, что в ней определены две ситуации необходимой обороны. Во-первых, причинение вреда, включая лишение жизни, от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ). Во-вторых, причинение соразмерного посягательству вреда здоровью, если последнее не сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 2 ст. 37 УК РФ)¹.

При анализе юридических признаков необходимой обороны обращает на себя внимание то обстоятельство, что, несмотря на достаточно продолжительный период законодательной регламентации, в действующем уголовном законе РФ они получили слишком абстрактное субъективно-оценочное описание, что не позволяет с необходимой точностью и правовой определенностью, необходимой правоприменительной практике, осуществить квалификацию деяния, совершенного в ситуации необходимой обороны. На этот момент обращено внимание во многих публикациях отечественных ученых².

¹ Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 114.

² См.: Борисов С.В., Дмитренко А.П., Русскевич Е.А., Дайшутов М.М. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / отв. ред. Н.Г. Кадников. М., 2012; Побегайло Э. О пределах необходимой обороны // Уголовное право. 2008. № 2; Гончар В.В. Особенности реализации

Особенно актуальна данная проблема при оценке правомерности необходимой обороны, возникающей в деятельности сотрудников органов внутренних дел в ходе охраны правопорядка и пресечения правонарушений. В силу сказанного ключевыми вопросами необходимой обороны в контексте настоящего исследования выступают: определение границ ее правомерности в деятельности сотрудников органов внутренних дел; отграничение от задержания лица, совершившего преступление, и крайней необходимости, а также ответственность за превышение условий ее правомерности. В рассматриваемом аспекте следует разделять общие и специальные условия правомерности необходимой обороны. Подчеркнем, что ее связь с деятельностью сотрудников органов внутренних дел имеет два проявления: субъективное право на самооборону и публичная обязанность пресекать противоправное посягательство в отношении третьих лиц¹. В этой связи следует признать важным шагом на пути развития института необходимой обороны корректировки, внесенные законодателем в ч. 3 ст. 37 УК РФ.

Что касается реализации властных полномочий по пресечению правонарушений, то здесь в отсутствие прямого указания уголовного закона регламентация осуществляется на основе специально установленных ведомственным законодательством правил. Сотрудники полиции непосредственно осуществляют деятельность по предупреждению преступлений. И хотя выполнение соответствующих профессиональных функций отвечает задачам уголовного законодательства, зафиксированным в ст. 2 УК РФ, данный процесс получает самостоятельную законодательную регламентацию на уровне различных по иерархии, в том числе подзаконных

права на необходимую оборону сотрудниками правоохранительных органов // Современная наука. № 3. С.4; Павлов К.С. К вопросу о соответствии защиты, характеру и степени опасности посягательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 296.

¹ Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 115.

актов, что характерно не только для России, но и различных зарубежных государств¹.

Важно отметить, что ведомственное законодательство, не подменяя собой уголовного закона, выполняет роль уточняющего источника права, поскольку квалификация действий причинителя вреда будет осуществлена исключительно по нормам УК РФ. В основе подобного подхода лежит специфика выполняемой профессиональной функции, необходимость четкой регламентации действий по реализации властных полномочий, связанных с ограничением прав и свобод человека, вплоть до причинения вреда здоровью и жизни человека. Посредством детальной регламентации мер по пресечению противоправных деяний сотрудниками органов внутренних дел законодатель обязан сформировать правовую основу защиты правопорядка в парадигме соблюдения баланса интересов государства, общества и личности².

Вместе с тем требует отдельного осмысления указание п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»³ (далее – постановление Пленума № 19) относительно того, что правомерные действия должностных лиц, находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, даже если они сопряжены с причинением вреда или угрозой его причинения, состояние необходимой обороны не образуют (применение в установленных законом случаях силы сотрудниками органов внутренних дел при обеспечении

¹ Петровский А.В. Организация предупреждения преступлений полицейскими подразделениями с участием населения в центральной Европе (на примере Австрии, Венгрии, Германии, Хорватии, Чехии) // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 2. С. 41-45.

² Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 116.

³ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 23.03.2024).

общественной безопасности и общественного порядка и др.). Столь размытое толкование формирует дискуссию относительно буквального содержания указанного пункта. Так, по мнению В.В. Гончар, из данного текста трудно понять истинный смысл пояснения, данного высшей судебной инстанцией¹, вплоть до вывода об отрицании состояния необходимой обороны в ситуации реализации своих полномочий сотрудниками органов внутренних дел.

Думается, что подобный вывод нельзя признать обоснованным². Нельзя не согласиться с В. Михайловым в том, что «при исполнении профессиональных функций... лица действуют в пределах, определенных соответствующими нормативными актами, и уклоняться от этих предписаний не имеют права. Для этих лиц отражение опасности является нормальным, естественным ходом вещей. Их профессиональная выучка, экипировка и прочее рассчитаны на типичные для их профессии ситуации. В экстремальных же ситуациях исполнитель зачастую не в состоянии “просчитывать” все возможные варианты своего поведения и его последствия. Возникновение таких непредвиденных обстоятельств порождают ситуации необходимой обороны, крайней необходимости, обоснованного риска. В таких случаях, как и любой другой гражданин, правоохранитель обладает правом на соответствующие действия»³.

Системный анализ положений ст. 37 УК РФ, нормативных предписаний ряда ведомственных источников права (гл. 5 ФЗ «О полиции»⁴; гл. 3 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»⁵) позволяет сделать

¹ Гончар В.В. Особенности реализации права на необходимую оборону сотрудниками правоохранительных органов // Современная наука. 2014. № 3. С. 6.

² Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 117.

³ Михайлов В. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Уголовное право. 2002. № 2. С. 37, 40.

⁴ О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. 19.12.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 11.03.2024).

⁵ О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 12.03.2024).

вывод: речь в названном п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ идет о том, что применяемые сотрудниками органов внутренних дел меры пресечения правонарушений, в том числе и сопряженные с применением в отношении правонарушителя физической силы, специальных средств и оружия, не образуют для последнего ситуацию необходимой обороны. В силу сказанного п. 6 постановления Пленума ВС № 19 нуждается в корректировке, путем внесения конкретизирующих изменений для формирования ясной позиции в данном вопросе¹.

Раскроем условия правомерности необходимой обороны более детально.

Говоря о правовой природе категории «посягательство, от которого применяется защита» как основании применения необходимой обороны, следует опираться на три основных критерия: 1) оно должно обладать характеристиками общественной опасности; 2) быть наличным и 3) реальным (действительным). Правомерность защиты при необходимой обороне устанавливается через такие категории как: 1) цель – защита интересов, охраняемых законом; 2) причинение вреда только нападающему; 3) своевременность; 4) недопущение превышения пределов необходимой обороны. Многие характеристики правомерности необходимой обороны, относящиеся к нападению и защите, являются коррелирующими, как бы зеркально отражают друг друга. К таковым следует отнести: наличность необходимой обороны и защиту интересов, охраняемых законом и своевременность необходимой обороны².

Важным критерием определения правомерности необходимой обороны является ответ на вопрос «От каких посягательств допустима необходимая оборона?». Научные взгляды отечественных ученых относительно указанной проблематики не отличаются единством. Несмотря на определенность

¹ Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 117.

² Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 118.

позиции законодателя, в судебно-следственной практике и уголовно-правовой теории к дискуSSIONным относится вопрос степени общественной опасности посягательства, дающей право на необходимую оборону. Включает ли категория «общественно опасное посягательство» помимо преступлений административные правонарушения? Некоторые авторы при толковании необходимой обороны оперируют категорией «нападение». Однако подобный подход расходится с буквальным содержанием ст. 37 УК РФ: законодатель использует понятие «посягательство», а «нападение» упоминается лишь в связи с неожиданностью возникновения ситуации необходимой обороны (ч. 2¹ ст. 37 УК РФ)¹. Кроме того, в действующей редакции ст. 37 УК РФ необходимая оборона правомерна как от насильственного (ч. 1 ст. 37 УК РФ), так и от ненасильственного посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ). В этой связи основанием необходимой обороны выступает объективно существующее общественно опасное посягательство или его реальная угроза (п. 3 постановления Пленума № 19).

Вместе с тем в уголовном законе отсутствует легальная дефиниция «общественно опасного посягательства». Некоторые авторы предлагают отталкиваться от ее толкования, представленного в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств»: «Под общественно опасным посягательством... следует понимать деяние, предусмотренное Особенной частью УК, независимо от того, привлечено ли лицо, его совершившее, к уголовной ответственности или освобождено от нее в связи с невменяемостью, не достижением возраста привлечения к уголовной ответственности или по другим основаниям»². Однако данное судебное толкование не подлежит

¹ Там же.

² О применении законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 (утратил силу) // Доступ с сайта <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2024).

применению, поскольку утратило силу и, кроме того, было осуществлено в условиях иной редакции уголовно-правовой нормы о необходимой обороне, нежели ст. 37 УК РФ¹.

Принято считать, что обороняться можно только от преступления². Так, по мнению В.В. Бабурина и Н.А. Черемнова, «посягательство – деяние виновного, направленное на причинение общественно опасного и противоправного вреда охраняемым уголовным законом отношениям»³. В то же время в некоторых доктринальных источниках авторы обосновывают вывод о том, что следует поставить знак тождества между категориями «нападение» и «посягательство» при правовом анализе необходимой обороны. Подобное толкование уголовного закона недопустимо, поскольку имеет характер ограничительного и не соответствует букве закона. В ст. 37 УК РФ используются такие категории как «посягательство» и «насилие» и лишь при описании специального правила оценки правомерности необходимой обороны в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ законодатель употребляет категорию «нападение». В силу сказанного подлежит критике и утверждение В.М. Ширяева о наличии необходимой обороны лишь при насильственном преступлении⁴.

Представлена в теории уголовного права и иная точка зрения⁵. Так, по мнению С.Ф. Милюкова, уголовно-правовой аспект в данном случае

¹ Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности // Наука. Технологии. Инновации: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск, 2023. С. 119.

² См.: Попов А.Н. Преступления, совершенные при превышении пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ). СПб., 2001. С. 21; Шкарёнок Е.А. К вопросу о понятии «общественно опасного посягательства» как основания для применения необходимой обороны // E-Scio. 2019. № 10 (37). С. 584.

³ Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 44.

⁴ Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учеб. для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М., 2014. С. 172.

⁵ См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 106; Козлов Ю.М., Овсянко Д.М., Попов Л.Л. Административное право: учебник. М., 2005. С. 153; Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Иванова Я.Е. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В.

предполагает право на защиту от любых правонарушений. Еще ранее Э.Ф. Побегайло отмечал, что посягательство необязательно должно быть преступным¹. Вместе с тем, подобный вывод поддержать не представляется возможным, поскольку последствия обороны могут быть выражены в причинении вреда, в том числе и жизни. Правовая природа необходимой обороны связана с правом защиты от наиболее опасных посягательств, несущих в себе разрушительную силу, способных причинить необратимые последствия. Таким образом, необходимая оборона с момента своего законодательного закрепления всегда предполагала защиту именно от наиболее общественно опасного посягательства – преступления. В этой связи следует присоединиться к тем авторам, которые в соответствии с правовой традицией советского законодательства продолжают высказываться о необходимой обороне только в контексте преступных посягательств².

Другой важный вопрос – обоснованность признания ситуации необходимой обороны в отношении посягательства с любой формой вины. Думается, что подобное толкование не противоречит уголовному закону, поскольку в ст. 37 отсутствует конкретизация вины посягающего. УК РФ впервые закрепляет виды неосторожной формы вины – легкомыслие и небрежность (ч. 1 ст. 26 УК РФ). Неосторожная форма вины характеризует отношение виновного к преступным последствиям. Вместе с тем в доктринальных источниках ведется активная дискуссия относительно возможности неосторожной формы вины в формальных составах преступлений³.

С точки зрения А.И. Рарога, в подобных составах преступлений

Бриллиантова. М., 2010; Серегина Е.В. Сложности реализации права граждан на необходимую оборону // Социально-политические науки. 2018. № 5. С. 152.

¹ Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. М., 2001. Т. 1. С. 279.

² См.: Попов А.Н. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. СПб., 1998. С. 19–20; Басова Т.Б. [и др.]. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М., 2013.

³ См.: Зенцова С.А. Источник повышенной опасности и его уголовно-правовое значение. СПб., 2011.

исключена такая форма неосторожности, как легкомыслие¹.

Подобная позиция поддержана и другими учеными². Судебная практика также признает возможность небрежности в формальных составах преступлений. Однако законодательное определение легкомыслия и небрежности, по мнению ряда авторов нуждается в совершенствовании. Так, А.М. Трухин полагает, что в законе следует четко обозначить отсутствие осознания общественной опасности деяния³. По мнению Т.В. Непомнящей, в определение легкомыслия должно быть заложено отношение субъекта к своим действиям⁴. На наш взгляд, интеллектуальный признак легкомыслия имеет абстрактный характер, в отличие от косвенного умысла. Подобный вывод сделан и в работах отечественных ученых⁵. Представляется, что в ситуации необходимой обороны в силу внезапности и опасности посягательства обороняющийся далеко не всегда способен определить содержательные оттенки субъективной стороны в действиях нападающего, а потому не имеет значения, с какой формой вины и тем более ее разновидностью осуществляется преступное посягательство. Определяющей выступает необходимость защиты охраняемых законом интересов и благ, недопущение причинения вреда со стороны посягающего.

В то же время признать обоснованным расширение пределов необходимой обороны за счет включения в него посягательств, совершаемых путем бездействия, крайне затруднительно. Сама суть необходимой обороны выражается в вынужденном причинении вреда посягающему как

¹ Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. М., 2008.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2010. С. 49.

³ Трухин А.М. Неосторожность как форма вины (социально-психологические и уголовно-правовые аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1984. С. 14.

⁴ Непомнящая Т.В. Уголовная ответственность за профессиональную неосторожность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1995. С. 7

⁵ См.: Гребенюк А.В. Вина в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с; Дубовиченко С.В. Волевые моменты умысла // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2010. № 73. С.83–93; Попов А.Н. К вопросу об эвентуальном умысле // Криминалист. 2012. № 1 (10). С. 5–12; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. М., 2016.

незамедлительной мере реагирования на его противоправное поведение. Трудно представить себе ситуацию применения мер пресечения правонарушения при бездействии.

В теории весьма популярен вопрос обороны от действий лиц, не достигших необходимого возраста или невменяемых, или от нападения животных.

Ряд авторов, позиция которых представляется более обоснованной, считают, что правила необходимой обороны должны применяться без каких-либо ограничений и в описанных ситуациях¹.

Однако другие ученые полагают, что наличие особых характеристик лиц, осуществляющих общественно опасное посягательство, в ситуации необходимой обороны требует сужения границ ее правомерности путем закрепления требования о минимизации причиняемого вреда или возможности пресечения посягательства способом, исключающим причинение вреда посягающему невменяемому или несовершеннолетнему².

По мнению Х.Х. Кадари, наличие факта осознания защищающимся, что посягательство на него непроступно, должно ограничивать применение необходимой обороны³.

Подобный вывод справедлив, но лишь отчасти. Думается, что право на защиту от посягательства не должно увязываться с личностью нападающего,

¹ См.: Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве. М.; Л., 1948. С. 28; Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1962. С. 35–37; Шавгулидзе Т.Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 61–65; Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону. Саратов, 1972. С. 44–45; Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву. М., 1979. С. 24; Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / Ю. В. Баулин. Харьков, 1991. С. 230; Шкаредёнок Е.А. К вопросу о понятии «общественно опасного посягательства» как основания для применения необходимой обороны // Е-СЦИО. 2019. № 10 (37). С. 584.

² См.: Ахметшин Х.М. Обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния. М., 1958. С. 9; Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны. М., 1961. С. 91; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 1996. С. 329; Голубых Н.В. Применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне в деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 7–8.

³ Кадари Х.Х. Вопросы необходимой обороны. М., 1963. С. 209.

его возрастом или вменяемостью, состоянием наркотического или алкогольного опьянения, поскольку последствия указанного посягательства не будут иметь меньшей степени вредоносности для обороняющегося. Кроме того, исследованиями отечественных авторов подтверждена гипотеза о том, что несовершеннолетний возраст посягающего не всегда свидетельствует о меньшей степени общественной опасности его деяния. Как отмечает С.Ф. Милуков, «применяя оружие, иные опасные предметы, несовершеннолетние зачастую действуют вероломно, сбиваясь в устойчивые группы антиобщественной направленности»¹.

Помимо этого, недопустимо перекладывать на плечи обычного гражданина вопросы правовой оценки деяния. Для анализа правомерности защиты важно определить степень ее опасности, реальности и наличности в объективных условиях места, времени, способа посягательства и сознания обороняющегося. Иная ситуация возникает в действиях сотрудников органов внутренних дел, когда необходимая оборона применяется не как самооборона, а как мера пресечения посягательства. Думается, что их профессиональные навыки обязывают четко определять истинное содержание ситуации и с учетом нее применять оружие и специальные средства пресечения правонарушений. Эта мысль, как видится, и заложена в вышеупомянутом п. 6 постановления Пленума № 19. В этой связи следует признать обоснованными установленные требования к применению оружия и специальных средств (гл. 5 ФЗ «О полиции»²).

В отечественной научной литературе также встречается, на наш взгляд, крайне спорная позиция, согласно которой при установлении факта осознания обороняющимся непреступного характера посягательства его действия

¹ Милуков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.

² О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. 19.12.2016). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения 11.03.2024).

следует квалифицировать по правилам крайней необходимости¹. Подобные рекомендации авторов советского периода и ряда современных российских ученых неприменимы в условиях действующего уголовного законодательства. В данном случае идет недопустимое смешение двух правовых институтов, имеющих различную правовую природу и условия правомерности. В силу сказанного следует поддержать позицию К.А. Волкова, который признает правомерными действия сотрудника полиции, причинившего вред нападающему, не подлежащему уголовной ответственности. Причинение вреда животному, выступающему вредоносным орудием, также рассматривается как вариант необходимой обороны². Действительно, случаи нападения на человека животным, в том числе бойцовской собакой, имеют место в правоприменительной практике. Если человек отдает команду, в рамках которой животное причиняет телесные повреждения, оно выступает «продолжением руки» преступника, действующего умышленно, тем самым, имеет место своеобразная разновидность посредственного причинения вреда. Ситуации, когда лицо не обеспечило безопасность нахождения такого животного в обществе, в результате чего произошло нападение на человека, также создают опасность для его здоровья или даже жизни, а потому определяют законность противодействия.

Отметим, что правоприменительная практика активно влияет на толкование уголовного закона, в том числе и в вопросе правовой оценки необходимой обороны. Так, согласно дополнению, внесенному в постановление Пленума № 19 в 2022 г.³, уточнен круг посягательств, от

¹ См.: Слуцкий И.И. *Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / отв. ред. М.Д. Шаргородский*. Л., 1956. С. 49; Тишкевич И.С. *Условия и пределы необходимой обороны*. М., 1969. С. 23–26; Шаргородский М.Д. *Избранные труды*. М., 2004. С. 240; Крысанов О.О. *Необходимая оборона: теория и практика применения // Следователь*. 1997. № 2. С. 63.

² Волков К.А. *Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья*. 2013. № 4. С. 12.

³ О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего

которых допустима необходимая оборона. К таковым отнесено в том числе ненасильственное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица. Данное положение позволит сделать судебную практику более единообразной и справедливой. Вместе с тем важно подчеркнуть, что, вопреки часто встречающемуся заблуждению, характер допустимой реакции на посягательство имеет свои границы: причинение смерти вору, обнаруженному в жилище, по смыслу закона явно выходит за рамки дозволенного. Тем не менее, реализация принципа «Мой дом – моя крепость» – важный шаг на пути защиты прав правопослушных граждан на безопасные условия жизни. Дальнейшее его развитие, как видится, должно идти по пути фиксации соответствующих положений не на уровне актов судебной власти, а непосредственно в «теле» уголовного законодательства.

Толкование признака наличия необходимой обороны обусловлено объективным критерием времени существования преступного посягательства, от которого применяется защита в рамках необходимой обороны. С точки зрения правоприменительной практики важно определение момента начала и завершения указанного посягательства. Вывод о том, что обстановка необходимой обороны объективно существует, можно сделать применительно к следующим ситуациям: 1) посягательство протекает во времени; 2) существует реальная угроза того, что оно будет незамедлительно реализовано вовне. Значимым следует признать дополнение в 2022 г. п. 8 постановления Пленума № 19 указанием на то, что состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда защита осуществлялась в условиях реальной угрозы общественно опасного посягательства. При этом действия обороняющегося должны предшествовать указанному посягательству¹.

преступление»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418018/ (дата обращения: 18.03.2024).

¹ См.: О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 мая 2022

При реализации сотрудником органа внутренних дел необходимой обороны вне указанных условий требуется оценка его действий как выходящих за пределы правомерности. Условия такой правомерности будут соблюдены лишь в том случае, когда существует объективная опасность причинения вреда жизни или здоровью человека, равно как и имуществу либо иным охраняемым законом интересам общества и государства. Причем опасность не поставлена законодателем в зависимость от факта начала совершения конкретных действий посягающего. Отправной точкой служит реальная угроза их осуществления (п. 2 и п. 3 постановления Пленума № 19). Верховный Суд в качестве объективации проявления реальности угрозы указывает: 1) в отношении насилия, опасного для жизни – на применение посягающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия (при удушении, поджоге и т.п.) (п. 2 постановления Пленума № 19); 2) в отношении не опасного для жизни насилия либо вовсе в отсутствие такового – на наличие у обороняющегося оснований для вывода о том, что имеет место реальная угроза посягательства (п. 3 постановления Пленума № 19).

Помимо этого, в п. 4 рассматриваемого акта дано концептуально важное разъяснение ч. 2¹ ст. 37 УК РФ: при оценке наличности посягательства для обороняющегося необходимо учитывать фактор его неожиданности. Правоприменитель сориентирован Верховным Судом на учет как субъективного, так и объективного критериев. Если к субъективным критериям отнесено главным образом эмоциональное состояние оборонявшегося (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.), то к объективному – все признаки, характеризующие проявление посягательства вовне. В зависимости от конкретных обстоятельств дела неожиданным может быть признано нападение в ночное время с проникновением в жилище, когда оборонявшийся в состоянии испуга

г. № 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418018/ (дата обращения: 18.03.2024).

не смог объективно оценить степень и характер опасности такого посягательства.

Подобное законодательное установление некоторыми авторами подвергается критике ввиду отсутствия определенности¹. На сегодняшний день ситуация в большей мере уже скорректирована в постановлении Пленума № 19, где представлены критерии для правовой оценки ситуации нападения как неожиданной.

Обращает на себя внимание важный момент: законодатель в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ употребляет именно категорию «нападение». Это дает основание для вывода о том, что не любое посягательство может приобретать характер неожиданного, а только то, которое обладает признаками нападения. Несмотря на то, что данная категория не имеет легальной дефиниции в российском законодательстве, в теории уголовного права сложилось достаточно устоявшееся ее толкование. К уголовно-правовым признакам нападения ученые относят прежде всего его внезапность². Не можем в полной мере согласиться с мнением, высказанным П.С. Яни о том, что признак внезапности присущ любому физическому воздействию, а следовательно, нападение при разбое в случае принятия потерпевшим мер защиты может быть ожидаемым³.

Вместе с тем в науке уголовного права продолжается дискуссия относительно такого признака нападения как сопряженность с насилием. Отождествление нападения и насилия традиционно прослеживается в актах

¹ См.: Федосова Е.Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8, 26; Серегина Е.В. Сложности реализации права граждан на необходимую оборону // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 152.

² См.: Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества. 2-е изд., испр. и доп. М., 1974. С. 128; Владимиров В.А., Ляпунов Ю.И. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. М., 1986. С. 111; Кочои С. Разбой (некоторые вопросы квалификации) // Уголовное право. 2000. № 2. С. 28; Финько Я.О. Понятие нападения в конструкции состава разбоя в статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации // Молодой ученый. 2017. № 4 (138). С. 600–602 и др.

³ Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9. С. 35.

толкования Верховного Суда РФ¹. Ряд авторов выступают с критикой подобного подхода, выдвигая в качестве аргумента то, что нападение не всегда следует связывать с реализацией насилия². Другие российские ученые поддерживают точку зрения высшего судебного органа РФ³. В частности, по мнению Н. Иванцовой, «законотолкователь... вполне справедливо оценил сущность акта нападения, которая сводится к насильственному достижению поставленной цели»⁴. На наш взгляд, все же отождествлять нападение и насилие нельзя. Верховный Суд РФ указывает на две формы нападения, отражающие соответственно физическое и психическое насилие. Пункт 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 добавляет к ним еще одну форму – создание реальной угрозы немедленного применения насилия. Однако нападение в конечном своем выражении реализуется способом применения физического или психического насилия. Импонирует подход, согласно которому при квалификации разбоя нападение следует рассматривать как форму преступного действия, а насилие – как его

¹ См.: О судебной практике по делам о бандитизме: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации в от 21 декабря 1993 г. № 9. П. 8; О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.01.1997 № 1. П. 6 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Гаухман Л.Д. Насилие как средство совершения преступления. М., 1974. С. 108; Агапов П. Уголовно-правовая характеристика нападения при бандитизме // Уголовное право. 2005. № 6. С. 4.

³ См.: Нагаева Т.И. Уголовно-правовая оценка нападения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9; Иванцова Н. Разбой – насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 2. С. 35; Парог А.И., Нагаева Т.И. Нападение как вид преступного деяния // Lex Russica (Русский закон). 2012. Т. 7. № 2. С. 357; Абубакиров Ф.М. Понятие нападения с применением насилия при совершении разбоя (ст. 162 УК РФ) // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. Казань, 2016. С. 64; Упоров И.В. Признаки нападения в составе разбоя как насильственного преступления против собственности // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, 2017. С. 252; Кучерова О.А., Васильева Т.В. Объективная сторона разбоя: проблемный аспект // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2020. № 10-10 (62). С. 27.

⁴ Иванцова Н. Разбой – насильственное хищение чужого имущества // Уголовное право. 2003. № 2. С. 35.

способ¹. Насилие – инструмент непосредственного воздействия на волю потерпевшего лица².

В контексте темы настоящего исследования возникает вопрос относительно того, применим ли тезис о неожиданности нападения, если оно осуществлено на имущество юридического лица. Возможна ли в подобных случаях ситуация необходимой обороны? Законодатель и официальные акты судебного толкования не дают ответа.

В доктринальных источниках сложились две кардинально противоположные позиции на этот счет. По мнению А.А. Куличкова³, категория нападение применима лишь при квалификации посягательств в отношении физических лиц. Другие авторы (А. Андреева, Г. Овчинникова, В. Быков) отстаивают позицию, согласно которой подобные действия банды следует трактовать как нападение. Вместе с тем представляется, что исходя из понятия нападения, все же следует рассматривать эту категорию лишь в аспекте посягательства на физическое лицо. В силу сказанного не подлежит применению положение ч. 2¹ ст. 37 УК РФ при неожиданном посягательстве на имущество юридического лица.

Нельзя не отметить, что дополнение ст. 37 УК РФ рассматриваемой частью было положительно воспринято далеко не всеми представителями отечественной уголовно-правовой науки. По мнению В.Е. Серегиной, непонятна позиция законодателя относительно постановки в зависимость невозможности объективной оценки характера и опасности посягательства от его неожиданности, в силу чего она предлагает исключить из ч. 2¹ ст. 37 УК

¹ См.: Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9. С. 36; Николаенко А.С. Особенности объективных признаков разбоя // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. №7 (59). С. 85.

² Алиев М.К. Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты: по материалам судебной практики Карачаево-Черкесской Республики и Ставропольского края: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. С. 56.

³ Куличенко А.А. Нападение на лиц, которые пользуются международной защитой // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4 (359). С. 115.

РФ признак внезапности посягательства¹. Ввиду ранее приведенных аргументов относительно юридических признаков нападения поддержать подобное предложение сложно, поскольку, во-первых, в законе используется термин «неожиданность» применительно к нападению; во-вторых, ситуация посягательства при необходимой обороне требует всесторонней оценки с точки зрения эмоционального ее восприятия обороняющимся, что соответствует уголовно-правовому принципу справедливости.

Оценить неожиданность нападения в ситуации необходимой обороны и применить ч. 2¹ ст. 37 УК РФ к действиям сотрудников органов внутренних дел достаточно сложно, поскольку в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» установлено обязательное, без каких-либо изъятий, требование применять оружие, специальные средства пресечения правонарушений, стремясь к минимизации ущерба. Аналогичные положения закреплены в законах, регламентирующих деятельность иных правоохранительных органов (ст. 14.2 ФЗ «О Федеральной службе безопасности»; ч. 5 ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; ст. 15 ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»). Лишь в Законе РФ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» указание подобного рода отсутствует. По сути, ведомственные законы устанавливают изъятие из общего уголовно-правового режима необходимой обороны, существенно сужая условия правомерности необходимой обороны в ситуации ее реализации сотрудниками правоохранительных органов. Подобное законодательное решение не только нарушает общие принципы построения правового поля и межотраслевого взаимодействия, но и противоречит объективной логике правоприменения.

Профессиональная деятельность лиц, обеспечивающих правопорядок, не предполагает повсеместное применение оружия, однако возможность в случае необходимости предотвратить наступление общественно опасных последствий

¹ Серегина Е.В. Сложности реализации права граждан на необходимую оборону // Социально-политические науки. 2018. № 4.

должна быть нормативно обеспечена. Высказываемая позиция поддерживается и даже экстраполируется на иных, кроме штатных сотрудников органов внутренних дел, субъектов. В частности, А.В. Петровский предложил включить в российское законодательство (ФЗ «Об оружии» и ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка») положения, позволяющие носить, применять или использовать огнестрельное оружие ограниченного поражения, газовое оружие, холодное оружие, электрошоковые устройства внештатным сотрудникам полиции в процессе выполнения ими добровольных функций по охране общественного порядка и предупреждению преступлений¹.

Еще раз подчеркнем, что источником регламентации уголовных правоотношений выступает Уголовный кодекс РФ (ч. 1 ст. 1 УК РФ), иные нормативные акты не могут вторгаться в указанную сферу правового урегулирования. Ведомственные нормативные предписания, например, о порядке применения оружия сотрудниками органов внутренних дел, о пределах применения физической силы и т.п., не дополняют и не замещают УК РФ, а лишь конкретизируют его положения, детализируют порядок (процедуру) применения. На это неоднократно обращали внимание в своих работах российские ученые².

Помимо этого, в целях сохранения стабильности и правопорядка должны быть не только четкие рамки правовой регламентации деятельности правоохранителей, но и повышенные гарантии личной безопасности. Приоритет отдается защите общественного интереса в обеспечении правопорядка, пресечении и недопущении преступлений, а не правам отдельной личности. Сходную позицию обосновывает в своем диссертационном исследовании С.А. Пушкарев³.

¹ Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023. С. 15.

² См., например: Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 12.

³ Пушкарев С.А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009. С. 8.

Вместе с тем, безусловно, вся деятельность органов внутренних дел должна протекать в строгом соответствии с требованиями законодательства. В связи с этим полагаем, что необходимо изъять указание об обязанности сотрудника органа внутренних дел минимизировать причиняемый при необходимой обороне вред, а также распространять на практике положения ч. 2¹ ст. 37 УК РФ на их деятельность. Это позволит соблюсти паритет публичных интересов в обеспечении правопорядка и частных интересов соблюдения прав личности, в том числе и личности правонарушителя.

Таким образом, согласно толкованию Верховного Суда РФ, возможность обороняться определяется не только началом совершения насильственных действий, но и явно выраженной угрозой их осуществления. О состоятельности угроз и их объективно опасном содержании свидетельствуют конкретные действия виновного, направленные на их реализацию. В п. 3 постановления Пленума № 19 прямо указывается: «то есть с того момента, когда посягающее лицо готово перейти к совершению соответствующего деяния». Сложность на практике возникает в связи с тем, что Пленум Верховного Суда указывает на субъективный критерий оценки наличности преступного посягательства, поскольку связывает ее с оценкой ситуации с точки зрения восприятия обороняющегося.

Необходимо определить четкие границы категории «начало общественно опасного посягательства», о котором можно говорить на стадии покушения, т.е. с начала реализации объективной стороны посягательства¹. Вместе с тем считаем обоснованным вывод о том, что необходимая оборона может реализовываться и на стадии приготовления к посягательству. Так, А.Н. Попов справедливо указывает: на стадии, когда «...когда виновный уже реально готов перейти к стадии покушения, но еще не сделал этого в силу того, что необходимо предпринять последнее усилие, например, необходимо

¹ См.: Смирнова Л.Н. Уголовная ответственность при нарушении условий правомерности необходимой обороны // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98). С. 58.

приблизиться к потерпевшему для нанесения удара» уже возникает право на необходимую оборону¹.

Если, исходя из реальной обстановки, объективно были основания полагать, что правонарушитель реально осуществит свои угрозы или намерен незамедлительно причинить вред жизни или здоровью другого человека либо охраняемым законом интересам общества или государства, следует признавать наличие состояния необходимой обороны и правомерность ее реализации. Аналогичная правовая оценка должна быть дана и при установлении факта добросовестного заблуждения со стороны лица, реализовавшего необходимую оборону. Но подобный вывод должен быть итогом системного анализа объективной обстановки указанной ситуации, оценки способности осознания невозможности осуществления посягательства и т.п.

Пристальное внимание уделено в теории и судебной практике и вопросу о моменте окончания преступного посягательства, дающего право на защиту в ситуации необходимой обороны. Согласно позиции Пленума ВС РФ, изложенной в постановлении № 19, моментом прекращения названного права является прекращение преступного посягательства, а при темпоральном разрыве юридического и фактического моментов окончания посягательства для права на необходимую оборону приоритетно фактическое окончание. Соответственно, данный тезис распространяет свое действие и на делящиеся и продолжаемые преступления.

Объективными проявлениями прекращения ситуация посягательства могут быть: отказ посягающего от продолжения противоправных действий (добровольный отказ); его задержание, лишение посягающего возможности продолжать противоправное посягательство в результате причинения ему физического вреда. Важно, чтобы факт прекращения посягательства имел четкое объективное выражение. В противном случае, согласно п. 8 рассматриваемого

¹ Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 263.

постановления Пленума, «состояние необходимой обороны может иметь место в том числе в случаях, когда ...лицо ошибочно полагало, что посягательство продолжается; общественно опасное посягательство не прекращалось, а с очевидностью для оборонявшегося лица лишь приостанавливалось посягавшим лицом с целью создания наиболее благоприятной обстановки для продолжения посягательства или по иным причинам».

В п. 7 также оговорено: «Действия не могут признаваться совершенными в состоянии необходимой обороны, если вред посягавшему лицу причинен после того, как посягательство было предотвращено, пресечено или окончено и в применении мер защиты явно отпала необходимость, что осознавалось оборонявшимся лицом». Однако подчеркивается, что переход оружия из рук посягающего в руки обороняющегося не всегда свидетельствует «...об окончании посягательства, если с учетом интенсивности нападения, числа посягавших лиц, их возраста, пола, физического развития и других обстоятельств сохранялась реальная угроза продолжения такого посягательства».

В полной мере указанные разъяснения актуальны при пресечении общественно опасных деяний сотрудниками органов внутренних дел. Ни закон, ни доктринальное толкование об изъятиях подобного рода не упоминает.

Необходимая оборона будет отвечать требованиям правомерности лишь при ее реализации в отношении реально существующего (действительного) посягательства. Следовательно, от правильной оценки действительности посягательства зависит юридическая квалификация действий лица, применившего средства защиты.

Если лицо, применяющее необходимую оборону, не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, его действия подлежат квалификации по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления,

совершенные по неосторожности. Как видно, здесь прослеживается идея небрежности.

Важно также, что согласно п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, надлежит адекватно квалифицировать причинение вреда под видом необходимой обороны, если будет установлен факт провокации посягательства.

Следует поддержать авторов, которые обращают внимание, что при квалификации мнимой обороны определяющую роль играют субъективные признаки. В силу сказанного верная правовая оценка ситуации мнимой обороны должна отталкиваться от анализа защиты, осуществляемой осознано обороняющимся, который по тем или иным причинам допускает ошибку в оценке объективного содержания ситуации¹. Вместе с тем в 2022 г. в положения рассматриваемого постановления Пленума были внесены уточнения. В частности, согласно новой редакции п. 9, не могут признаваться провокацией нападения правомерные действия обороняющегося лица, в том числе направленные на пресечение нарушения общественного порядка.

По мнению В.В. Орехова, реальность угрозы посягательства, дающей право на правомерную необходимую оборону, «должна отвечать ряду требований, а именно: 1) по своему характеру – быть равнозначной физическому насилию; 2) по содержанию – быть серьезной; 3) по внешнему выражению – быть непосредственной и не должна оставлять сомнений в осуществлении»².

Говоря об условиях правомерности, относящихся к защите, прежде всего следует подчеркнуть, что она осуществляется лишь в целях охраны благ и интересов личности, общества и государства, которые находятся под защитой закона. Судебная практика обоснованно отталкивается от поступала

¹ См.: Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 42.

² Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 65.

«презумпции невиновности» при наличии в действиях подсудимого признаков менее тяжкого преступления (п. 13 постановления Пленума № 19).

Таким образом, не порождает состояния необходимой обороны применение насилия (или его угроза) против правомерных действий представителя власти, в том числе и сотрудника органа внутренних дел (например, задержания, этапирования к месту лишения свободы и т.п.). Равным образом не возникает необходимая оборона и в ситуации совершения противоправного деяния самим якобы обороняющимся (например, убийство хозяина автомашины, обнаружившего, что совершается угон, и принимающего меры к пресечению преступления и т.п.).

Еще один показатель правомерности необходимой обороны – ее своевременная реализация. Категория «своевременность» связана с определенным периодом и буквально означает соответствие по времени. Правомерность необходимой обороны определяется рамками существования посягательства (его началом и завершением), т.е. коррелирует с понятием «наличность». Реализация необходимой обороны до начала осуществления посягательства либо после его завершения выходит за рамки правомерности и требует квалификации причиненного вреда согласно нормативным установлениям Особенной части УК РФ.

Оборона недопустима и против уже оконченного нападения, т. е. нападения, которое прекратилось, не будучи доведено до конца, или нападения, которое уже полностью осуществлено.

Касательно деятельности сотрудников органов внутренних дел требует самостоятельного рассмотрения вопрос о применении ими специальных средств при реализации права на необходимую оборону. Использование ими для пресечения нападения на третьих лиц либо самозащиты специальных средств, в том числе шумовых, звуковых и световых устройств, не выходит за рамки правомерности необходимой обороны. В том случае, если нападающий, испугавшись спецсредств, впоследствии лишится жизни, либо получит травмы, наступившие последствия выходят за рамки виновного причинения

вреда и также не влекут наступления уголовной ответственности. Подобная ситуация подлежит правовой оценке по правилам ст. 28 УК РФ. Нельзя признать в данном случае и небрежность причинения вреда¹.

При реализации необходимой обороны важно сопоставить используемые средства защиты и нападения. Не должно быть их явного несоответствия. При этом в качестве защиты могут использоваться любые предметы (оружие, подручные средства и т.п.).

Ведомственное законодательство также предусматривает подобную возможность. Так, согласно ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции», «в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие»².

Явное несоответствие устанавливается исходя из наличия объективно существующего, ничем не обоснованного несоответствия потенциальной опасности применяемых нападающим и обороняющимся средств.

Следовательно, даже в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 37 УК РФ, действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался большим, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства. Таким образом, правомерность необходимой обороны не исключает причинение большего по тяжести вреда, нежели тот, от которого осуществлялась защита. В полной мере подобное положение, равно как и п. 12 постановления Пленума № 19 без каких-либо изъятий относится и к

¹ См.: Герасимова Е.В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 7.

² О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

реализации необходимой обороны представителями правоохранительных органов.

Данный подход достаточно давно воспринят в судебной практике. Примером может служить ситуация нападения на сотрудника милиции 30 сентября 1992 г. После окончания дежурства оперуполномоченный уголовного розыска П. по дороге домой увидел группу людей в составе 5-6 человек, один из которых пытался его остановить, затем к нему подошел еще один, оба – в состоянии алкогольного опьянения. П. указал на свой профессиональный статус. В ответ они оскорбили его, предложили пойти «разобраться». Впоследствии его кто-то сзади ударил по голове, отчего он упал, его стали избивать ногами по голове и телу. Тогда П. достал пистолет и трижды выстрелил. В результате один из нападавших был убит, а второй – тяжело ранен. Районным судом П. осужден по ст. 105, ст.ст. 15, 105 УК РСФСР. В свою очередь, суд вышестоящей инстанции отметил, что изначально не была дана оценка характеру опасности, угрожавшей П., обстановке, при которой было совершено нападение: ночное время, численное превосходство находившихся в пьяном виде нападавших, их агрессивность. П. предупредил о применении оружия, однако пистолетом пытались завладеть. При таких обстоятельствах действия П. рассматриваются как совершенные в условиях необходимой обороны без превышения ее пределов, поэтому дело в отношении него прекращено за отсутствием состава преступления¹.

Ведомственное законодательство в сфере правоохранительной деятельности последовательно закрепляет требование об учете реальной обстановки перед причинением вреда в ситуации применения физической силы, специальных средств и оружия. Например, соответствующее положение закреплено в ст. 14.2 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»². Аналогичные указания содержатся и в иных ведомственных

¹ Информация с сайта Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/11506/?ysclid=ltbigjfu6e179848246> (дата обращения: 03.03.2024).

² О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

нормативных актах (ч. 5 ст. 18 ФЗ «О войсках национальной гвардии в Российской Федерации»; ст. 28.1 ФЗ «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»).

При реализации необходимой обороны для ее правомерности важно определить лицо, которому допустимо причинение вреда. Таковым является исключительно посягающий. В отличие от крайней необходимости, необходимая оборона исключает правомерность причинения вреда третьим лицам.

Вместе с тем ведомственное законодательство содержит ряд ограничений относительно применения оружия сотрудником органа внутренних дел. Так, согласно ч. 1 ст. 22 ФЗ «О полиции», сотруднику полиции запрещается применять специальные средства: в отношении женщин с видимыми признаками беременности, лиц с явными признаками инвалидности и малолетних лиц, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения группового либо иного нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции (см. также ч. 4 ст. 21 ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»; ч. 3 ст. 18 ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»). Сходные ограничения на применение оружия установлены в ст. 14.2 ФЗ «О федеральной службе безопасности», однако там возможность применения оружия в отношении указанных категорий граждан дополнена еще и фактом совершения террористического акта. Думается, что следует привести все созвучные положения ведомственных актов к единому содержанию, следовательно, дополнить указанием подобного рода и ФЗ «О полиции».

И все же стоит отметить, что ответственность за причинение вреда третьему лицу возможна в следующих формах:

- 1) обороняющийся причиняет вред лицу, ошибочно принятому за посягающего (ответственность наступает по правилам мнимой обороны);
- 2) при необходимой обороне произошло отклонение в действии;

3) обороняющийся сознательно причиняет вред третьему лицу с целью устранить таким путем опасность; вопрос об ответственности решается по правилам о крайней необходимости, обоснованном риске, исполнении приказа или распоряжения.

Возвращаясь снова к ч. 2 ст. 37 УК РФ, отметим, что обращает на себя внимание абстрактность словосочетания «явное несоответствие». В этой связи Верховный Суд РФ предпринял попытку представить ее судебное толкование, которое основывается на том, что по делу должно быть установлено, что оборонявшийся прибегнул к защите от посягательства, указанного в ч. 2 ст. 37 УК РФ, применение которой явно не вызывалось характером и опасностью посягательства, и без необходимости умышленно причинил посягавшему тяжкий вред здоровью или смерть (п. 11 постановления Пленума № 19). Требуется внимания указание рассматриваемого пункта на учет субъективного критерия при юридической квалификации совершенного деяния. Можно говорить о том, что он предполагает не только объективное несоответствие, существующее в реалиях, но и субъективную оценку этого несоответствия, т. е. как оно понимается обороняющимся¹.

В частности, Пленум прямо указывает на то, что необходимо установить факт осознания обороняющимся избыточности причиняемого вреда для предотвращения или пресечения конкретного общественно опасного посягательства.

Если для предотвращения или пресечения общественно опасного посягательства отсутствовала необходимость умышленно причинить нападающему тяжкий вред здоровью или смерть, что, как предполагается, обороняющийся должен был осознавать, в его действиях устанавливаются признаки составов превышения пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114

¹ Павлов К.С. К вопросу о соответствии защиты, характеру и степени опасности посягательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 297.

или ч. 1 ст. 108 УК РФ)¹. Если же не осознавал, констатируются все признаки необходимой обороны, уголовное дело подлежит прекращению.

Напомним, что причинение более легкого вреда здоровью, нежели тяжкого, в ситуации необходимой обороны не отражено в Особенной части УК РФ. Уголовное преследование причинителя вреда осуществляется на общих основаниях, но с учетом смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ. Например, к таким случаям можно отнести убийство при несвоевременной обороне, которое должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 105 УК РФ, а наказание назначается с учетом смягчающего обстоятельства. Помимо этого, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, повлекшее по неосторожности смерть посягнувшего лица, надлежит квалифицировать только по ч. 1 ст. 114 УК РФ.

В ситуации, когда лицо ошибочно оценило опасность как реальную, хотя объективно она таковой не являлась, представляется верной следующая квалификация. Если обстановка давала основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и лицо, применившее меры защиты, не осознавало и не могло осознавать отсутствие такого посягательства, его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

Подводя итог, нужно обратить внимание на следующие важные аспекты правовой регламентации необходимой обороны в УК РФ.

Сложность установления юридических признаков необходимой обороны обусловлена связанностью действий сотрудников органов внутренних дел специализированными подзаконными актами. В деятельности сотрудника органа внутренних дел в части пресечения противоправного посягательства в отношении третьих лиц субъективное право на необходимую оборону трансформируется в публичное право реализации властных

¹ Гарбатович Д.А. Необходимая оборона: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2016. Т. 16. № 4. С. 24.

полномочий от имени государства. В этой связи User следует разграничить как субъективное право сотрудника органа внутренних дел на самооборону и публичную обязанность пресекать противоправное посягательство в отношении третьих лиц¹. В первом случае никаких изъятий из ст. 37 УК РФ применяться не может. Что же касается второй ситуации, то в данном случае, хотя право на необходимую оборону от посягательства не исключено при нападении не субъекта уголовной ответственности (в силу возраста или невменяемости) или лица, находящегося в состоянии наркотического или алкогольного опьянения, однако обязательным условием правомерности необходимой обороны является учет создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления и принятие мер для поиска возможности избежать причинения физического вреда и минимизировать любой ущерб.

Основанием необходимой обороны выступает объективно существующее общественно опасное посягательство или его реальная угроза². В этой связи безосновательным выступает ограничение права на необходимую оборону наличием нападения. Необходимая оборона не ограничена лишь защитой личности, она правомерна и при защите имущества. Посягательство при этом может быть как умышленным, так и неосторожным по форме вины.

Право на защиту от посягательства не должно увязываться с личностью нападающего, его возрастом или вменяемостью, состоянием наркотического или алкогольного опьянения, поскольку последствия указанного посягательства, не будут иметь меньшей степени вредоносности для обороняющегося. В то же время иная ситуация возникает при действиях

¹ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Самара). Уфа, 2023. С. 119.

² Там же.

сотрудников органов внутренних дел, когда необходимая оборона применяется не как самооборона, а как мера пресечения посягательства. Профессиональные навыки обязывают четко определять истинное содержание ситуации и с учетом этого применять оружие и специальные средства пресечения правонарушений. Следует признать обоснованными установленные требования к их применению.

Отметим важный момент: законодатель в ч. 21 ст. 37 УК РФ использует категорию именно «нападение». Это дает основание для вывода о том, что не любое посягательство может приобретать содержание неожиданного, а только то, которое обладает признаками нападения. Вместе с тем, исходя из понятия нападения, все же следует рассматривать эту категорию лишь в аспекте посягательства на физическое лицо. В силу сказанного не подлежит применению положение ч. 21 ст. 37 УК РФ при неожиданном посягательстве на имущество юридического лица. Нельзя не обратить внимание на допущенную законодателем неточность при изложении положения ч. 21 ст. 37 УК РФ, поскольку в теории уголовного права не известны категории «степень нападения» и «характер нападения», их толкование законодателем не сформулировано. Думается, что в данном случае при формулировании нормативного предписания была допущена ошибка юридической техники и, следуя истинному смыслу положений указанной нормы, законодатель имел в виду характер и степень общественной опасности деяния. Поэтому считаем необходимым внести соответствующие корректировки в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ.

С учетом приведенных аргументов предлагается новая редакция ст. 37 УК РФ:

1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от посягательства, если оно было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

2. Правомерность причинения вреда при защите от нападавшего, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, а равно от иных деяний, предусмотренных Особенной частью УК РФ, которые, хотя и не были сопряжены с насилием, однако с учетом их содержания могут быть предотвращены или пресечены путем причинения посягающему вреда, сохраняется при соответствии защиты степени и характеру общественной опасности противоправного деяния. Превышением необходимой обороны признается защита при условии ее явного несоответствия степени и характеру общественной опасности противоправного деяния.

2¹. Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер его общественной опасности.

3. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

4. Сотрудники органов внутренних дел и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, в том числе и при осуществлении негласных оперативно-розыскных мероприятий, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями настоящей статьи. Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением требований законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения,

если при этом не было допущено нарушение требований настоящей статьи. При этом не исключаются иные виды ответственности таких лиц, предусмотренные за нарушение установленных действующим законодательством оснований и порядка применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

2.2 Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в деятельности органов внутренних дел

Задержание лица, совершившего преступление, – важный элемент в системе обеспечения неотвратимости уголовной ответственности и восстановления социальной справедливости.

Применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел задержание лица, совершившего преступление – вопрос не выбора поведения, а вопрос факта обязательного действия, прямо предписанного ведомственными нормативными актами. Так, согласно п. 1 ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции», она обладает всей полнотой полномочий для задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, проявляющих социально опасное поведение, хотя и не являющихся субъектами уголовной ответственности.

Указанное обстоятельство обладает спецификой, выражающейся в том, что оно реализуется в деятельности органов внутренних дел либо на стадии пресечения преступного посягательства или же по его завершению. При этом в деятельности органов внутренних дел выделяют два вида задержания: фактическое и экстренное. Первое реализуется в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ. На это прямо указывает п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения

судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»¹.

Уголовно-правовая доктрина, несмотря на достаточно развитую систему нормативных установлений, не лишена дискуссии относительно правовой природы института задержания лица, совершившего преступление. Основная часть споров связана с оценочным характером описания ключевых юридических признаков рассматриваемого правового института². На это обращали внимание многие отечественные авторы³. Указывает на это и Верховный Суд РФ. Так, в одном из обзоров судебной практики отмечается, что, несмотря на редкое применение ст. 38, ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 114 УК РФ, у судов возникают сложности «с выяснением наличия обстоятельства, исключающего преступность деяния при задержании преступника, и факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»⁴. Указанные пробелы правового регулирования приводят к тому, что сотрудники полиции, как правильно замечает К.А. Волков, не хотят использовать предоставленные им полномочия⁵. Кроме того, задержание

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 (ред. от 11.06.2020) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/ (дата обращения: 27.03.2024).

² Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 44.

³ См.: Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2 (42) С. 65; Десятова О.В. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019 №. 3 (49). С. 101; Агафонов В.В. Инновационное совершенствование правовых положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 656.

⁴ Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 13.

отдельных категорий лиц, перечисленных в ч. 2 ст. 14 ФЗ «О полиции», регламентируется иными нормами материального права. В частности, согласно ст. 14 ФЗ «О полиции» задержание лица, допустившего нарушение правил комендантского часа, определяется Федеральным конституционным законом от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (п. 9 ч. 2); задержание лица, уклоняющегося от следования в специализированное лечебное учреждение для исполнения назначенных ему судом принудительных мер медицинского характера, – Законом Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». (п. 8 ч. 2). В то же время в указанных законах не предусмотрены ни сроки, ни порядок задержания соответствующих лиц. В соответствии ст. 31 ФКЗ «О чрезвычайном положении», граждане, которые нарушили правила комендантского часа, установленные во время чрезвычайного положения, задерживаются до окончания комендантского часа. Срок и время его действия устанавливаются исходя из принципа целесообразности, а Правила комендантского часа определяются комендантом территории, на которой введено чрезвычайное положение. Как уже отмечалось, закон «О психиатрической помощи» не только не содержит положения о сроках и порядке задержания лиц, уклоняющихся от следования в специализированные лечебные учреждения для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера, но и отсылает к ФЗ «О полиции», определяя, что при необходимости розыска и задержания лица, подлежащего госпитализации, сотрудники полиции действуют в порядке, установленном Федеральным законом «О полиции» (ч. 3 ст. 30). Последний, регламентируя правовые основания задержания, не учитывает уголовно-правовую его специфику, поскольку в п. 1 ч. 1 ст. 14 речь идет лишь об уголовно-процессуальном задержании. Полагаем, что несмотря на имеющие место дискуссии, правовая природа такого задержания заключается именно в захвате и доставлении такого лица в помещение территориального органа внутренних дел.

В ст. 38 УК РФ законодатель определил четко, что причинение вреда является ненаказуемым исключительно в отношении задержания лица, совершившего преступление¹. Ситуация задержания неизбежно связана с активным противостоянием, что требует применения мер силового противодействия задерживаемому, в том числе и применения сотрудником органов внутренних дел специальных средств. В этой связи, по мнению И.Г. Плэмэдялэ, существует необходимость уточнения и смены названия ст. 38 УК РФ на «Принудительное задержание»². Думается, что данное предложение, хотя и не лишено основания, все же излишне, поскольку и действующая редакция названия рассматриваемой нормы УК РФ соответствует ее правовому значению.

Например, Ю. обвинялся в превышении должностных полномочий за то, что причинил средней тяжести вред здоровью при доставлении в отдел полиции лица, в отношении которого поступило заявление о преступлении. Суд первой инстанции, с выводами которого согласился и вышестоящий суд, указал, что положения ч. 1 ст. 38 УК РФ исключают уголовную ответственность за причинение средней тяжести вреда здоровью П. при исполнении Ю. своих должностных обязанностей. При этом суд указал, что в соответствии с п. 13 ч. 1 ст. 13 Закона РФ «О полиции» Ю. вправе был доставлять граждан, т. е. осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального подразделения полиции в целях решения вопроса о задержании гражданина, в связи с чем требование проследовать в служебный автомобиль для дальнейшего доставления в отдел полиции было правомерным, а в соответствии со ст. 20 того же закона он был

¹ См: Приговор Советского районного суда г. Красноярска от 11 декабря 2017 г. по делу № 1-654/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HDFmYRbSzwDR/> (дата обращения 12.03.2024 г.); Приговор Ленинского районного суда (Город Санкт-Петербург) от 21 сентября 2017 г. по делу № 1-169/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EM9GbGKRK0re/> (дата обращения 12.03.2024).

² Плэмэдялэ И.Г. Актуальные проблемы статьи 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российский следователь. 2021. № 5. С. 67–68.

вправе применять физическую силу. Это явилось основанием для вынесения судом оправдательного приговора¹.

Задержание лица, которое совершило преступление, является неотъемлемой составляющей деятельности по охране правопорядка, пресечению и предотвращению преступлений. Кроме того, совершивший преступление с целью сокрытия следов своей противоправной деятельности может совершить другие преступления и уже поэтому социально опасен. Основанием для задержания выступает преступление независимо от характера и степени его общественной опасности. Таким образом, задержание может применяться к лицу, совершившему любое преступное деяние, при условии, что оно явно проявляет намерение скрыться и не подчиниться законным требованиям сотрудника органов внутренних дел. Однако, безусловно, меры силового задержания реализуются чаще всего на практике в отношении лиц, совершивших преступления высокой степени общественной опасности². Показателен в данном случае следующий пример. К. 14 марта 2013 г. К. захватил заложников в Волго-Каспийском рыбопромышленном колледже г. Астрахани. В ходе оперативной работы и согласно показаниям отпущенного К. преподавателя было установлено, что преступник вооружен и имеет при себе коробку, которую угрожает взорвать. Более чем пятичасовые переговоры не привели к освобождению заложников. В результате было принято решение осуществить силовое задержание³. Указанные действия сотрудников правоохранительных органов полностью оправданы и отвечают признакам правомерности.

В уголовно-правовой доктрине нет унифицированного подхода

¹ Апелляционное определение Алтайского краевого суда по уголовному делу № 22-3972/2015 от 20 августа 2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-altaj-skij-kraevoj-sud-altaj-skij-kraj-s/act-497876107/> (дата обращения: 23.03.2024).

² См.: Бабурин В.В., Хоменко А.Н., Черемнова Н.А. Уголовно-правовая оценка действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему захват заложника, при его задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 43.

³ Российская газета. 2013. 16 марта.

относительно критериев правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Одна группа ученых отталкивается от категории «условия правомерности», в их число включая: 1) правомерность причинения вреда (очевидность преступления, своевременность задержания, необходимость задержания); 2) правомерность действий, реализованных в ходе задержания (цель, направленность, вынужденность, соразмерность).

По мнению Ю.В. Баулина, правомерность задержания основывается на системе необходимых и достаточных условий. К таковым он относит: вынужденность причинения вреда; невозможность осуществить задержание иначе; наличие специальной цели (доставление в правоохранительные органы; соразмерность)¹.

Однако, исходя из того, что правовая оценка должна иметь под собой законные и объективные основания, считаем, что с понятийно-категориальной точки зрения более верно употребление термина «условия правомерности».

В число условий правомерности причинения вреда при задержании включаются: 1) относящиеся к причинению вреда: совершение преступления; оказываемое сопротивление законным действиям по задержанию; 2) относящиеся к причиняемому вреду: специальная цель – доставка органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений; вынужденный характер причинения вреда: иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным; отсутствие признака явного несоответствия характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

Рассмотрим каждое из указанных обстоятельств детально. В качестве основания причинения вреда при задержании ч. 1 ст. 38 УК РФ называет совершение преступления. Важно подчеркнуть, что задержание будет

¹ См.: Баулин Ю. В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 70–71, 109–129.

обоснованным как на стадии приготовления и покушения, так и на стадии оконченного преступления. Подобный вывод обосновывается и в трудах других авторов¹. Причинение вреда лицу, совершившему административный проступок или допустившему невинное причинение вреда, не может быть оправдано согласно ст. 38 УК РФ, а значит, причинение смерти такому лицу не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 108 УК РФ². В п. 24 постановления Пленума № 19 указано, что, если задерживающее лицо добросовестно заблуждалось и приняло за преступление административное правонарушение или деяние лица, которое не достигло возраста уголовной ответственности или же деяние, совершенное в состоянии невменяемости, то действия задерживающего квалифицируются с учетом ст. 38 УК РФ. Тем не менее в отечественной доктрине продолжается дискуссия относительно рассматриваемого аспекта правомерности причинения вреда при задержании³. По мнению В.И. Ткаченко, лишь в отношении лица, в деянии которого содержатся признаки конкретного состава преступления, возможно силовое задержание⁴. С таким категоричным суждением вряд ли можно согласиться, поскольку юридическая квалификация деяния возможна только по результатам дознания или следствия, а окончательный вывод формируется лишь в приговоре суда, вступившем в законную силу. Ввиду сказанного более обоснованной является позиция И.С. Тишкевича, который считает, что для правомерности причинения вреда при задержании достаточно объективных (внешних) признаков, воспринимаемых как преступление⁵. Помимо этого, постановка вопроса о причинении вреда при наличии любого правонарушения

¹ Савинов А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 52.

² Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов [и др.]; под ред. О.С. Капинус. М., 2016. С. 112.

³ См.: Актуальные проблемы уголовного права: учение о преступлении: науч.-практ. пособие / Д.А. Безбородов [и др.]; под общ. ред. А.Н. Попова. СПб., 2017. С. 112–115.

⁴ См.: Ткаченко В. И. Ответственность за вред, причиненный при задержании // Социалистическая законность. 1970. № 8. С. 38.

⁵ Тишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974. С. 52–53.

противоречит положениям законодательства об основаниях задержания лица. В данном случае не следует путать такие правовые меры, как задержание и привод в отделение полиции. Нужно руководствоваться положениями ст. 91 УПК РФ об основаниях задержания подозреваемых в преступлении и ст. 14 ФЗ «О полиции» в части фактического задержания лица, находящегося в розыске. Вместе с тем на практике возникает проблема юридической квалификации задержания не субъекта уголовной ответственности (несовершеннолетнего, душевнобольного). На наш взгляд, при условии совершения ими преступления и невозможности иным образом пресечь их дальнейшую преступную деятельность и с целью доставления в органы внутренних дел применимы положения ст. 38 УК РФ, поскольку опасность указанных лиц объективно существует и требование о правовой квалификации ими совершенного предполагает доставку в органы внутренних дел для последующего разбирательства. При этом задержание лиц, имеющих психические отклонения не менее необходимо, чем задержание психически здоровых, поскольку такие лица зачастую становятся серийными убийцами, маньяками и т.п.¹ В данном случае стоит также учитывать требования о применении специальных средств и оружия в отношении инвалидов и несовершеннолетних, установленные в ст. 18 закона «О полиции». Требование правовой определенности предполагает закрепление указанных положений в ст. 38 УК РФ.

Следует признать несостоятельным тезис о том, что задержание возможно исключительно в пределах сроков давности привлечения к уголовной ответственности². Нельзя возлагать решение данного вопроса на

¹ Асеев С.В. Юридическая природа причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Правовестник. 2019. № 7 (18). С.4; Гребенкин Ф.Б. Проблемы установления превышения пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, сотрудниками правоохранительных органов // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018): сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 т. М., 2018. С. 225.

² Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной

задерживающего, поскольку он требует процессуального оформления и определенной законом процедуры установления юридического факта. Однако следует сделать безусловный вывод об отсутствии правовых оснований для задержания амнистированного лица, равно как и лица, в отношении которого прекращено расследование, при условии, что задерживающий знал об указанных фактах, или задерживаемый предъявил соответствующие документы, или сообщил об указанных фактах с тем, чтобы они были приняты во внимание лицом, осуществляющим задержание.

В научных источниках также поднимается вопрос относительно причинения вреда при задержании лицам, совершившим только тяжкие и особо тяжкие преступления¹. Подобное утверждение безосновательно и сужает границы правомерности причинения вреда в рамках ст. 38 УК РФ. В равной мере не имеет под собой правовой почвы и утверждение В.П. Малкова о том, что лишь тогда, когда совершено преступление, влекущее наказание, связанное с лишением или ограничением свободы, возможно причинение вреда при задержании². Учитывая, что окончательный вид и размер наказания определяется судом, требовать подобной оценки от сотрудника органа внутренних дел или обычного гражданина не представляется возможным. Такие предложения способны парализовать законную деятельность правоохранительной системы по пресечению и предотвращению преступлений, потому что это увеличивает степень профессионального риска и правовой неопределенности для сотрудников органов внутренних дел.

Вывод о наличии оснований для задержания лица сотрудник правоохранительного органа, не являющийся очевидцем, формирует на

науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 45.

¹ См.: Тогулев В.М. Уголовно-правовое задержание преступника // Новый уголовный закон: тез. докл. науч.-практ. конф. Кемерово, 1989. С. 74.

² См.: Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. М., 1996. С. 130.

основании сообщений очевидцев и потерпевших¹. Свидетельством также выступает обнаружение у задерживаемого предметов и орудий преступления; нахождение на его теле и одежде следов борьбы, крови и т.п. Задержанию подлежит и лицо, находящееся в розыске, следовательно, основанием задержания может выступать оперативная информация. Важное условие правомерности причинения вреда при задержании – оказание подозреваемым или обвиняемым сопротивления законным требованиям сотрудника полиции о следовании в отделение полиции. Тем более что окончательное установления факта невменяемости или недостижения возраста уголовной ответственности должно быть произведено в требуемом законом порядке проведения экспертиз и установления иных юридических фактов.

Начальным моментом, с которого возникает право на задержание лица, совершившего преступление, выступает факт обнаружения совершающегося преступления, и требования от застигнутого на месте преступления лица прекратить преступные действия с последующим требованием следовать в отделение полиции, либо с выявлением признаков совершенного преступления и выявления лица, его совершившего². Отдельные авторы считают, что задержание должно быть кратковременным³. Однако подобное утверждение не имеет под собой объективных оснований, поскольку невозможно представить себе бесконечное множество вариантов, возникающих на практике при задержании преступника. Важно также

¹ См.: Приговор Первомайского районного суда г. Омска (Омская область) от 30 октября 2013 г. по делу № 1-490/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LHa7776EUhW1/> (дата обращения 12.03.2024); Приговор Московского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 10 августа 2012 г. по делу № 1-226/2012. URL: https://sudact.ru/regular/doc/pcCis5szDDlu/?page=3®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=%D0% (дата обращения 12.03.2024).

² Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 45.

³ Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 20.

установить факт отказа подчиниться подозреваемого или обвиняемого в преступлении законным требованиям проследовать в отделение полиции.

Условием правомерности причинения вреда при задержании выступает активное противодействие со стороны задерживаемого, его стремление скрыться от правосудия. Объективно подобные действия выражаются в попытке скрыться с места преступления путем побега, смешивания с толпой, инсценировки и т.п. При этом крайне важно установить, что сотрудник органа внутренних дел точно обозначил подозреваемому требование прекратить противодействие и проследовать в отделение полиции. При четко выраженном словесном отказе или отказе действием задержание, в том числе и с применением физической силы и оружия речь идет о необходимой вынужденной мере реагирования.

В деятельности сотрудников органов внутренних дел возможны две формы задержания: 1) оперативный захват; 2) экстренное задержание. В данном случае специфика проявляется в том, что оперативный захват реализуется на основе результатов оперативно-розыскной деятельности и дел оперативного учета. При этом адресатами захвата выступают как лица, уже совершившие преступление, так и лица, их планирующие.

Здесь на практике возникает правовой пробел, ставящий под удар лиц, осуществляющих негласные формы оперативной работы, поскольку сотрудник обязан предпринять меры к пресечению преступлений, но исходя из буквального толкования ст. 38 УК РФ, задержание возможно лишь в отношении лица, уже совершившего преступление. Более распространены на экстренные (внеплановые) задержания при выявлении факта совершения преступления (в ходе патрулирования; проверки соблюдения правил дорожного движения сотрудниками ГИБДД; при получении сообщения о преступлении).

Особую актуальность приобретает вопрос об учете экстремальности ситуации задержания и правовой оценке причинения вреда в ее результате. Действительно, указанная ситуация формирует целый ряд проблем

восприятия и принятия решения сотрудником правоохранительного органа, что не всегда объективно позволяет оценить опасность угрозы и содержание поведения задерживаемого (например, в руках он держит поблескивающий в темноте предмет, напоминающий нож, однако задерживающий не имеет возможности доподлинно в этом убедиться в момент задержания). Представляется, что причинение вреда при задержании, реализуемом в условиях внезапности принятия решения, не образует превышения мер, необходимых для задержания.

Важным аспектом правомерности действий сотрудника органов внутренних дел выступает также соответствующее оформление факта задержания, а именно составление рапорта.

Значимым условием правомерности причинения вреда при задержании выступает его вынужденный характер. То есть должна существовать объективная ситуация, при которой доставить подозреваемого в отделение полиции не представляется возможным, не применив насилие. Следует согласиться с точкой зрения, высказанной еще советскими учеными-правоведами, о том, что при отсутствии факта сопротивления задерживаемого либо не использования в полной мере иных средств воздействия на него отсутствует признак вынужденности причинения вреда при задержании¹. Думается, данное требование особенно должно исполняться при задержании, осуществляемом сотрудниками правоохранительной системы. Также следует поддержать точку зрения о том, что при задержании в целях предотвращения побега уже задержанного преступника он может быть связан, не говоря уже о применении специальных средств в виде наручников².

В ст. 38 УК РФ установлено требование о том, что при задержании вред может причинен исключительно лицу, совершившему преступление. В этой

¹ Советское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М.И. Ковалева. М., 1977. С. 230.

² См.: Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 186.

² Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника. М., 1976. С. 59.

связи возникает необходимость правовой оценки ситуации добросовестного заблуждения со стороны сотрудника органа внутренних дел относительно персоналии подлежащего задержанию. В данном случае будет иметь место фактическая ошибка, правовые последствия которой могут быть различными. Так, при добросовестном заблуждении относительно обоснованности задержания лицо не подлежит уголовной ответственности за превышение мер, необходимых для задержания, равно как и по иным статьям Особенной части УК РФ.

Одно из важных условий правомерности причинения вреда при задержании – его соразмерность. Критерием соразмерности в данном случае выступает характер и степень общественной опасности совершенного преступления. При этом для признания факта превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, должно быть установлено явное чрезмерное, не соответствующее обстановке несоответствие действий задерживающего. С учетом этой формулировки некоторые ученые полагают, что есть лишь два варианта превышения мер задержания: 1) чрезмерное несоответствие вреда, причиненного действиями преступника, и вреда, причиненного преступнику; 2) чрезмерное несоответствие вреда, причиненного преступнику, и обстановки его задержания¹. В одном из учебников по уголовному праву к признакам чрезмерности отнесены ситуации когда: а) к лицу, совершившему сравнительно не тяжкое преступление, применяются такие меры задержания, которые сопряжены с тяжким вредом его здоровью, значительно превышающим опасность преступления; б) при задержании преступника при наличии возможности причинить ему незначительный вред здоровью причиняется значительно больший вред; в) тяжкий вред причиняется несмотря на то, что ни обстоятельства дела, ни характер совершенного преступления не создавали необходимости

¹См.: Уголовное право. Часть общая / под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. М., 1997. С. 271; Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996. С. 346.

причинения тяжкого вреда¹. Вместе с тем буквальное толкование ч. 2 ст. 38 УК РФ свидетельствует в пользу выводов тех авторов, которые говорят о дуализме правовой оценки превышения мер, необходимых для задержания: одновременное несоблюдение требования о соразмерности общественной опасности и требования об учете обстановки задержания². Важным условием выступает явная чрезмерность. «Явность» – объективно-субъективная категория, означающая явность как для посторонних лиц, так и для самого задерживающего³. Ответственность за превышение мер по задержанию наступает лишь при доказанности умысла в действиях задерживающего.

Столь сложная законодательная конструкция формирует проблемы правовой оценки ситуации причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Считаем справедливым вывод А.В. Никуленко, что при задержании характер мер должен соответствовать характеру обстановки: наличие у преступника оружия, количество задерживаемых, возможность у задерживающего получить помощь, время суток, видимость и рельеф местности, в которой происходит задержание⁴. В этой связи считаем, что более точно будет отображать критерии превышения мер, необходимых для задержания преступника, указание в законе на то, что оно будет иметь место лишь при отсутствии объективной необходимости причинения вреда⁵.

В УК РФ отсутствует указание о необходимости причинения меньшего вреда при задержании. Вместе с тем, при избрании способа задержания,

¹ Курс уголовного права. Общая часть. М., 1999. Т. 1. С. 467.

² См.: Ишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск, 1974. С. 87; Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании. Горький, 1976. С. 65; Гельфанд И.А., Куц Н.Т. Необходимая оборона по советскому уголовному праву. Киев, 1962. С. 44.

³ Смирнова Л.Н. Уголовная ответственность при нарушении условий правомерности необходимой обороны // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98).

⁴ Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: науч.-практ. пособие. СПб., 2018. С. 65.

⁵ Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 46.

сотрудник правоохранительного органа обязан исходить из объективного содержания ситуации, личности задерживаемого, его поведения после предъявления законного требования проследовать в отделение полиции. В данном случае соблюдение принципа целесообразности причинения вреда должно ставится во главу угла. Недопустимо причинение явно чрезмерного вреда при задержании лица, совершившего преступление¹. Это отражает важный концептуальный подход, согласно которому можно осуществить водораздел между необходимой обороной, крайней необходимостью и причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление². Отечественные ученые обоснованно указывают на то, что не будет признака превышения мер задержания при причинении смерти вооруженному преступнику. Так, в качестве обоснования своей позиции Л.В. Моторин, А.Н. Завьялов и И.А. Ковалев обращают внимание на то, что подобные задержания происходят в условиях экстремальности (реальная угроза гибели третьих лиц, равно как и самого сотрудника правоохранительного органа; динамичность и непредсказуемость развития ситуации; ограниченность времени на принятие решения)³. По мнению П.А. Береснева, причинение смерти возможно исключительно в отношении субъектов тяжких и особо тяжких преступлений и если есть реальная опасность продолжения преступной деятельности⁴. По мнению С.М. Старых, при соблюдении

¹ Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании (ст. 38 УК РФ) // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.А. Полякова. Новосибирск, 2014. С. 517.

² Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 46.

³ Моторин Л.В., Завьялов А.Н., Ковалев И.А. Современные подходы к формированию умений и навыков при задержании преступников // Современные подходы к подготовке кадров для органов внутренних дел: тез. VIII межвуз. науч.-метод. конф. Иркутск, 2003.

⁴ Береснев П.А. Основание причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 января 2007 г. М., 2007. С. 211.

требований ч. 2 ст. 38 УК РФ причинение смерти при задержании преступника находится в пределах правомерности¹.

Другие авторы, допуская причинение смерти, в целом считают подобный результат задержания не соответствующим самой его цели².

Резюмируя сказанное, заметим, что причинение вреда при задержании преступника, в отличие от необходимой обороны, реализуется на практике по завершении общественно опасного посягательства либо на стадии его пресечения. Причинение вреда является ненаказуемым исключительно в отношении задержания лица, совершившего преступление. Основаниями правомерности причинения вреда при задержании считаются условия, которые относятся к: 1) основанию причинения вреда: совершение преступления; оказываемое сопротивление законным действиям по задержанию; 2) причиняемому вреду: специальная цель – доставление органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений; вынужденный характер причинения вреда – иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным; отсутствие признака явного несоответствия характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда лицу без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред.

Правовая оценка правомерности причинения вреда при задержании должна осуществляться с учетом требований о применении специальных средств и оружия в отношении инвалидов и несовершеннолетних, установленных в ст. 18 закона «О полиции». Вместе с тем требование правовой определенности обуславливает закрепление указанных положений в

¹ Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18.

² Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в отечественном и зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009. № 2. С. 66.

ст. 38 УК РФ¹. В законе не указано на учет внезапности возникновения ситуации задержания, как это сделано в ст. 37 УК РФ, данный пробел нуждается в устранении путем внесения соответствующего дополнения в ст. 38 УК РФ.

Подчеркнем: задержание не связано с пределами сроков давности привлечения к уголовной ответственности².

Учитывая изложенное, предлагаем новую редакцию ст. 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление»:

1. Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

2. Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстоятельствам задержания, когда исходя из объективной характеристики ситуации задержания не возникало необходимости причинения вреда задерживаемому лицу. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

3. Не является превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, умышленное причинение ему явно чрезмерного вреда, если задерживающее его лицо вследствие внезапности принятия мер по задержанию лица, совершившего преступление, и (или) оказания им при

¹ Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 46.

² Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление // Молодые исследователи – современной науке: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (10 мая 2023 г.). Петрозаводск, 2023. С. 46.

задержании сопротивления не могло объективно оценить характер и степень общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления и обстановку задержания.

4. Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения.

5. Сотрудники органов внутренних дел и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, в том числе и при осуществлении негласных оперативно-розыскных мероприятий, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями настоящей статьи. Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением требований законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения, если при этом не было допущено нарушение требований настоящей статьи. При этом не исключаются иные виды ответственности таких лиц, предусмотренные за нарушение установленных действующим законодательством оснований и порядка применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

2.3 Правомерность применения крайней необходимости и последствия ее превышения в деятельности органов внутренних дел

В ст. 39 УК РФ закреплена регламентация такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как крайняя необходимость. Непреступность деяния, причиняющего вред в состоянии крайней необходимости, основывается как на объективном (сравнение вреда

причиненного с вредом предотвращенным), так и субъективном критерии (учет психологического состояния лица в момент причинения вреда и мнения лица, причинившего вред, о важности вреда причиненного и вреда предотвращенного)¹. При этом в литературе указывается на строго субсидиарный характер права на использование крайней необходимости².

В практике деятельности органов внутренних дел ситуации крайней необходимости возникают довольно часто. Однако их правовая оценка нередко затруднена из-за сложности ее отграничения от смежных обстоятельств, закрепленных в главе 8 УК РФ. В связи с этим очень важно исследование юридических признаков крайней необходимости в аспекте правоприменительной деятельности и специфики ее правовой регламентации³. В научных публикациях обоснованно отмечается, что социально-криминологическая обусловленность нормативной регламентации крайней необходимости в сфере уголовно-правовых отношений выражается в ситуации, при которой происходит столкновение двух охраняемых уголовным законом благ, когда для спасения большего вынужденно приносится в жертву меньшее⁴. В этом проявляется ее социальная полезность и поэтому возможна ее социальная допустимость⁵. Следует констатировать: деятельность сотрудника органов внутренних дел постоянно сопряжена с риском, а деятельность по поддержанию правопорядка и пресечению правонарушений

¹ См.: Винокуров В.В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 8; Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 146.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М., 2014. С. 296.

³ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 146.

⁴ Смирнов А.М. Крайняя необходимость и вопросы ее совершенствования в уголовном праве России // Закон и право. 2020. № 4. С. 92.

⁵ Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 84.

неизбежно вызывает противодействие со стороны правонарушителей. Особенно актуальна данная проблема в настоящее время в условиях распространения экстремизма, терроризма, организованных форм преступной деятельности и в целом значительного снижения уровня правосознания населения¹.

Легальная дефиниция крайней необходимости в российском законодательстве не представлена. В ч. 1 ст. 39 УК РФ законодатель прибегает к приему абстрактного описания правовой категории через указание на специфику целеполагания лица, действующего в состоянии крайней необходимости. Вряд ли подобная практика может быть признана оправданной².

В доктринальных источниках представлен ряд определений крайней необходимости. В целом подобные подходы сформировались уже в XIX в.³. Так, А. Лохвицкий, прибегая к казуальному толкованию, раскрывал сущность крайней необходимости через следующие примеры: само спасение путем сбрасывания другого едущего с саней на растерзание волкам; столкновение в воду с лодки также для самоспасения и т.п.⁴ Профессор Э.Ф. Побегайло в XX в., опираясь на формально-логическое описание уголовно-правовых категорий, считал, что «крайняя необходимость – такое состояние, когда лицо для отвращения опасности, угрожающей законным интересам данного лица или иных лиц, интересам общества и государства, причиняет вред интересам третьих (посторонних лиц) при условии, что грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами, и причиненный

¹ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 147.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Лохвицкий А. Курс уголовного права. СПб., 1871. С. 112.

вред менее значителен по сравнению с предотвращенным»¹. Современные отечественные авторы также опираются на законодательно определенные признаки крайней необходимости при создании формулировок понятия «крайняя необходимость»². Так, по мнению В.В. Шаповалова, крайняя необходимость – это такое положение лица, когда оно вынуждено для предотвращения значительного вреда одним охраняемым законом интересам причинить (в качестве крайней меры) менее значительный вред другим охраняемым законом интересам³. По сути, автор данного определения не продвинулся дальше формулировки, представленной самим законодателем⁴. С точки зрения Г.М. Гехфенбаума, крайняя необходимость представляет собой ситуацию правомерного причинения вреда охраняемым уголовно-правовым интересам третьих лиц, обусловленного наличной и реальной опасностью угрозы большего вреда⁵. В данном случае автор необоснованно ограничивает крайнюю необходимость лишь причинением вреда третьим лицам, однако вред может иметь место и в отношении самого причинителя вреда. В другом монографическом исследовании представлено следующее определение крайней необходимости: «правомерное, социально допустимое деяние, направленное на предотвращение опасности, создающей угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам»⁶. В данном случае вызывает сомнение применение категории «деяние», поскольку крайняя необходимость

¹ См.: Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права: в 11 т. СПб., 2007. Т. 7. С. 341; Побегайло Э.О. Пределах необходимой обороны // Уголовное право. 2008. № 2. С. 21–24.

² Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 147.

³ Шаповалов В.В. О понятии крайней необходимости в российском уголовном праве // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 3 (13). С. 158.

⁴ Краснов А.А. Указ. соч.

⁵ Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165.

⁶ Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 8.

представляет собой правовое явление, опосредуемое через действие или бездействие, совершаемые в определенных условиях. Деяние является характеристикой преступления.

В.Ф. Антонов в диссертационном исследовании крайнюю необходимость определяет как такое стечение обстоятельств, при котором у лица, сталкивающегося с опасностью, угрожающей его законным интересам, интересам общества, государства или иных лиц, в силу необходимости ее устранения возникает право на причинение вынужденного, целесообразно-необходимого вреда охраняемым законом интересам при условии, что грозящая опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами и причиненный вред менее значителен по сравнению с предотвращенным ¹. В данном случае, как представляется, автор необоснованно сужает круг источников опасности, ограничивая их лишь стечением обстоятельств.

По мнению В.Н. Внукова, ст. 39 УК РФ регламентирует две формы поведения, различные по механизму формирования и по содержанию: причинение вреда с целью устранения опасности собственным правам и интересам и причинение вреда с целью устранения опасности правам и интересам других лиц ². В данном определении также допущено необоснованное ограничение сущности крайней необходимости, поскольку она правомерна в целях защиты не только прав и интересов физических лиц, но также интересов общества и государства.

Юридическая природа крайней необходимости выражается в том, что на основе правовой парадигмы обеспечения охраны и защиты интересов и благ личности, общества и государства в современном обществе у субъекта реализации этого права возникает правомочие на причинение вреда в целях обеспечения защиты более значимого и ценного объекта правовой охраны в

¹ Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

² Винокуров В.В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1999. С. 6.

случае возникновения реальной опасности причинения вреда и невозможности устранить указанную опасность иными способами и средствами¹.

В этой связи под крайней необходимостью следует понимать уголовно-правовой подинститут, представляющий собой систему правовых установлений относительно правомочия на предотвращение вреда охраняемым интересам личности, общества и государства в ситуации возникновения реальной опасности причинения вреда более значимым охраняемым законом интересам личности, общества и государства при невозможности его предотвращения иным способом².

Для граждан реализация права на крайнюю необходимость субъективна и является вопросом их личного выбора. Правом на действия в состоянии крайней необходимости обладает любое лицо, кроме того, которое само спровоцировало эту опасность, чтобы воспользоваться ею для причинения вреда³. Для сотрудника органа внутренних дел это обязанность, вытекающая из профессионального статуса. Подобный подход традиционен для отечественной правоохранительной деятельности⁴. В своей ежедневной служебной деятельности сотрудники органов внутренних дел осуществляют осознанный выбор средств и способов противодействия правонарушениям, зачастую это вынужденно приводит к необходимости причинения вреда либо личности, либо имуществу в пользу предотвращения причинения более существенного вреда охраняемым общественным отношениям. Совершенно справедливо в этой связи высказывание В.Ю. Ларина о том, что в такой

¹ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 147.

² Там же.

³ Уголовное право. Общая часть: учеб. для вузов 40-е изд. / под ред. И.Я. Козаченко. М., 2008. С. 422.

⁴ Так, согласно ст. 24 «О милиции» от 18 апреля 1991 г. (утратил силу), установленные законодательством положения о крайней необходимости распространялись на сотрудников милиции без каких-либо изъятий. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59/ (дата обращения: 23.03.2024).

ситуации перед законодателем стоит задача обеспечения баланса между обязанностями, возложенными на сотрудников полиции, предоставленными им для их реализации правами, и их защитой в случае правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам¹. Действительно, эффективность охраны правопорядка напрямую зависит от четкого осознания сотрудником органа внутренних дел границ правомерности своих действий, понимания им предоставляемых государством гарантий правовой чистоты его профессиональной деятельности при соблюдении установленных законодательством требований.

В доктринальных источниках первой четверти XXI в. все более часто встречается идея о том, что по своей основной сути правоохранительная деятельность, непосредственно связанная с недопущением, предотвращением или пресечением правонарушений, относится к крайней необходимости². Действия сотрудников ОРД при получении сведений об указанных фактах приобретают характер крайней необходимости, поскольку последние создают непосредственную угрозу причинения вреда охраняемым интересам личности общества или государства. Подобный вывод поддерживается не всеми отечественными учеными³, а лишь частью⁴, что не делает его ошибочным, а, напротив, открывает новые возможности к правовому обеспечению деятельности сотрудников органов внутренних дел по пресечению правонарушений.

Правомерность крайней необходимости определялась через правовую оценку двух аспектов – угрожающей опасности и невозможности устранить

¹ Ларин В.Ю. Исполнение сотрудником полиции законных полномочий как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 18.

² См.: Никуленко А.В. Крайняя необходимость и её значение в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 108.

³ Борков В.Н. Уголовно-правовая оценка включённости участника оперативно-розыскного мероприятия в преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 98.

⁴ Антонов А.В. Крайняя необходимость в деятельности правоохранительных органов // Уголовное право. 2007. № 6. С. 5.

эту опасность иначе, как путем причинения вреда. Подавляющее большинство российских ученых условия правомерности крайней необходимости разбивают на две группы: относящиеся к опасности и относящиеся к действиям субъекта¹. Нам кажется более точным подход Е.В. Благова, к условиям правомерности он относит те условия, которые: 1) характеризуют угрожающую опасность; 2) относятся к мерам по устранению этой опасности 3) характеризуют причиненный вред².

Некоторые авторы полагают, что при оценке правомерности крайней необходимости следует учитывать: 1) своевременность причинение вреда; 2) невозможность устранения опасности другим способом (причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный; не должны быть превышены пределы крайней необходимости)³. Сходное понимание представлено и в диссертации А.М. Станкевич, однако в качестве ключевого аспекта рассматриваемого вопроса данный автор указывает то, что «...эти условия (признаки), обуславливающие состояние крайней необходимости и деяние, устраняющие опасность, имеются в совокупности»⁴.

Российская уголовно-правовая доктрина на протяжении длительного периода развивает концепт условий правомерности крайней необходимости. Традиционно выделяются пределы правомерности причинения допустимого вреда и временные пределы⁵.

¹ См.: Уголовное право. Общая часть. М., 1948. С. 380–381; Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 66; Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М., 2000. С. 53; Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165; Глушкова Е.М. Понятия «крайняя необходимость» и «превышение пределов крайней необходимости» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 101.

² Благов Е.В. Основы применения уголовного права. Ярославль, 1992. С. 40.

³ См.: Станкевич А.М., Дмитриенко А.П., Фоменко Е.В. Соотношение условий и пределов правомерности крайней необходимости // Вестник московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 142; Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1996. С. 324–329.

⁴ Станкевич А.М., Дмитренко А.П., Фоменко Е.В. Соотношение условий и пределов правомерности крайней необходимости // Вестник Московского университета МВД России. № 1. С. 141.

⁵ Там же. С. 142.

Рассмотрим условия правомерности крайней необходимости касательно основания ее реализации, а именно источника опасности. Отметим, что законодатель в ст. 39 УК РФ определил обстановку термином «состояние», т. е. состояние крайней необходимости – это такие объективные обстоятельства, которые создают опасность, непосредственно угрожающую личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства и субъективная оценка лицом возникшей опасности и мер по ее устранению¹. Объективные обстоятельства определяются характером и степенью опасности, интенсивностью развития опасного состояния (т.е. угрозы охраняемым законом общественным отношениям), временем (день или ночь) и местом, в котором оказывается лицо, а также иными факторами². Так, суд справедливо не признал факт наличия крайней необходимости в действиях К., отказавшегося от прохождения медицинского освидетельствования по требованию инспектора ДПС в силу того, что находившейся при К. собаке требовалась экстренная медицинская помощь либо ее жизнь была поставлена в опасность в случае согласия К. пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения³.

В монографических работах правомерность в отношении источника опасности детализируется через такие понятия, как: наличность, действительность, реальность угрозы причинения вреда охраняемым общественным отношениям⁴. Вместе с тем обращает на себя внимание более широкий перечень характеристик источника опасности, указываемый

¹ Никуленко В.А. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 74.

² Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа. 2023. С. 149.

³ Приговор Хабаровского районного суда по делу № 1-455/2019 1-66/2020 от 30.07.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r197r5ZUQQdZ/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁴ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962. С. 178–182; Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165; Антонов В. Крайняя необходимость в деятельности правоохранительных органов // Уголовное право. 2007. № 6. С. 5.

В.Ф. Антоновым, включающий неотвратимость (непреодолимость) и то, что опасность не должна исходить из требований закона¹. Интерес вызывает еще один критерий, указываемый данным автором: столкновение с опасностью не должно быть следствием выполнения профессиональных либо служебных обязанностей².

Основным признаком источника опасности подавляющее большинство ученых называют его наличность. Крайняя необходимость наличествует при возникновении угрозы законным интересам личности, общества или государства, а также в ходе столкновения интересов. Например, суд обоснованно не признал состояния крайней необходимости в действиях подсудимого, поскольку он умышленно, заведомо зная, что находится в состоянии алкогольного опьянения, сел за руль автомашины и передвигался на ней до задержания сотрудниками ГИБДД. При этом он не находился в состоянии крайней необходимости, также не было и ее превышения (ст. 39 УК РФ), поскольку подсудимый, другие лица не вызвали скорую помощь, супруга подсудимого не находилась в состоянии, непосредственно угрожающем ее жизни, поскольку, согласно выписке из медицинской карты, она поступила в больницу в удовлетворительном состоянии, физиологические параметры были в норме, она госпитализирована в отделение травматологии и ортопедии, а не в реанимацию, операция ей сделана, поставлен диагноз: «закрытый оскольчатый перелом средней трети обеих костей левой голени со смещением отломков»³.

Не поддерживает подобного подхода Н.Н. Паше-Озерский, считая, что это признак трудно установим на практике и существенно ограничивает

¹ См.: Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 276; Симагин М.А. Проблемы института «крайней необходимости» и пути совершенствования законодательства // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию святого благоверного князя Александра Невского): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Кострома, 2021. С. 310.

² Антонов В.Ф. Там же.

³ Приговор Новочебоксарского городского суда по делу № 1-273/2020 от 28.07.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QSnDNMjJoSagK/> (дата обращения: 26.03.2024).

свободу действий субъекта крайней необходимости. Согласиться с подобными аргументами нельзя. Рассматриваемый признак создает основу правомерности действий и непривлечения к уголовной ответственности¹. Раскрывая критерий правомерности крайней необходимости – «наличность» источника опасности, следует обратить внимание, что законодатель не очерчивает границы источников опасности при крайней необходимости. Условия правомерности крайней необходимости, которые относятся к грозящей опасности, определяются наличием источника опасности². Угроза причинения вреда лежит в основе «конфликта» интересов уголовно-правовой охраны, который, в свою очередь, преодолевается за счет причинения вреда менее ценному объекту (интересу)³. Ю.В. Баулин отмечает, что опасность сама по себе не может существовать, у нее всегда есть источник⁴. В законе отсутствует перечень источников опасности, порождающих крайнюю необходимость. Однако это не оплошность законодателя, а объективно существующая невозможность установления четких границ указанных обстоятельств. Этому уделено внимание в российской уголовно-правовой научной литературе⁵.

Обычно в качестве источника опасности в рассматриваемом аспекте выступают: действия человека, физиологические процессы, необходимость одновременного выполнения различных обязанностей; стихийные силы природы, действие источников опасности, неисправность различных

¹ См.: Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость. М., 1962. С. 45; Зайцева Т.С. Вопросы юридической оценки действий, совершенных в состоянии крайней необходимости // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 31 (113). С. 44.

² Станкевич А.М., Дмитренко А.П., Фоменко Е.В. Соотношение условий и пределов правомерности крайней необходимости // Вестник Московского университета МВД России. № 1. С. 141.

³ Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165.

⁴ Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника. Харьков, 1986. С. 302.

⁵ См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 458; Плешаков А.М., Шкабин Г.С. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве. М., 2006. С. 68.

механизмов, нападение животных и пр.¹ Профессор Н.С. Таганцев одним из первых осуществил классификацию источников опасности при крайней необходимости, выделив 5 основных групп: 1) стихийные силы природы – огонь, вода; 2) нападение; 3) физиологические, или биологические, процессы по признакам психического принуждения (голод) и при исключении признака физического принуждения; 4) действия лица, не находящегося в состоянии вменяемости, действия пьяного, умалишенного, находящегося в бессознательном состоянии, предполагая, что защита направляется против третьих лиц, а не против самого нападающего; 5) чьи-либо злоумышленные действия². Объективное содержание источника опасности дает основание для вывода о том, что он может как обладать общественной опасностью³, так и не обладать (например, физиологические процессы в организме человека)⁴.

В условиях нового времени к источникам опасности следует относить также и те или иные экономические процессы⁵. Пункт 18.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», разъясняет, что может быть признано крайней необходимостью в сфере экономической деятельности: временное осуществление предпринимательской деятельности без лицензии (лицензия не продлена в установленные сроки), если прекращение указанной деятельности может привести к дезорганизации работы объектов жизнеобеспечения

¹ См.: Поликарпов Е.В. Специальные нормы уголовного закона о превышении пределов крайней необходимости // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5(10). С. 346; Глушкова Е.М. Понятия «крайняя необходимость» и «превышение пределов крайней необходимости» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 101.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. СПб., 1902. С. 368.

³ См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. М., 2000. С. 128.

⁴ Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. М., 2003. С. 127.

⁵ Рабаданов А.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 210.

(прекращение водоочистки, водозабора, теплоснабжения жилья и социальных объектов населённого пункта, угроза техногенной аварии и т.д.)¹.

Стоит отметить, что не решен законодателем РФ вопрос о правовой оценке ситуации, когда источник опасности был создан самим лицом, его впоследствии предотвращающим. Если в подобном деянии отсутствуют признаки провокации, оно должно подлежать оценке по правилам крайней необходимости, при соблюдении общих условий ее правомерности. Подобный подход предлагался в ч. 2 ст. 52 Теоретической модели УК² и ряде зарубежных источников уголовного права. В свете сказанного заслуживает внимания ч. 2 ст. 31 Уголовного кодекса Литовской Республики, включающая в круг правовой оценки по правилам крайней необходимости создание лицом источника опасности по неосторожности с последующим его предотвращением.

Особо следует подчеркнуть, что крайняя необходимость относительно источника опасности в виде поведения человека возможна лишь при наличии признака общественной опасности его действий. Отсутствует признак правомерности крайней необходимости, применяемой в ответ на правомерные действия. Посредством поединститута крайней необходимости могут защищаться лишь правомерные интересы.

В свете темы диссертационного исследования особого внимания заслуживает вопрос о том, что нельзя оправдывать ситуацией крайней необходимости бездействие сотрудника органа внутренних дел в рамках его должностных полномочий. В силу своих служебных обязанностей сотрудник органа внутренних дел обязан реагировать на факты правонарушений и предпринимать все необходимые меры для их пресечения, предотвращения и недопущения, равно как и задержания правонарушителя. Причем, согласно п. 1 ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции», эта обязанность закреплена независимо от

¹ Российская газета. 2016. № 266. Ст. 1245.

² Сахаров А.Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 130.

замещаемой должности, места нахождения и времени суток. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 27 названного источника в обязанности сотрудника полиции входит: «...принять меры по спасению гражданина, предотвращению и (или) пресечению преступления, административного правонарушения, задержанию лиц, подозреваемых в их совершении, по охране места совершения преступления, административного правонарушения, места происшествия и сообщить об этом в ближайший территориальный орган или подразделение полиции». В случаях, когда акт крайней необходимости с целью защиты правоохраняемого интереса не был осуществлен должностным лицом, последнее может быть привлечено к уголовной ответственности за должностную халатность¹. К подобному выводу пришел в своем диссертационном исследовании и Г.М. Гехфенбаум, он указал, что источник угрожающей опасности (внешний фактор) может быть любым². К числу дискуссионных в современной уголовно-правовой науке относится вопрос о таком источнике опасности при крайней необходимости, как коллизия обязанностей. По мнению А.П. Дмитренко, такой источник опасности имеет место быть³. На наш взгляд, действительно не исключены ситуации, когда в силу противоречий нормативных предписаний или неурегулированности практического исполнения какой-либо обязанности возникнет необходимость действовать во избежание наступления более тяжких последствий. Яркий пример коллизии обязанностей – вызов одного врача одновременно к двум больным и т.п.

Источник опасности должен объективно существовать в условиях определенного места и времени. Опасность на момент крайней необходимости должна возникнуть и существовать. В ч. 1 ст. 39 УК РФ законодатель, характеризуя опасность, указывает на ее непосредственный характер.

¹ Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 9.

² Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165.

³ Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации: монография. М., 2010. С. 342.

Следовательно, не возникает правомерности при реализации крайней необходимости в отношении возможной в будущем опасности. В этой связи нельзя согласиться с предложением А.М. Станкевич о том, что наличие источника опасности сохраняется, когда опасность отпадает лишь на небольшой промежуток времени и ее возобновление может последовать немедленно, в самый ближайший момент¹. Думается, что при возобновлении действия источника опасности ситуация крайней необходимости вновь возникает, а не продолжает свое действие ранее прекратившая свое существование ситуация крайней необходимости. И при доктринальном толковании, и на практике не представляет сложности установить временные границы крайней необходимости, когда опасность реально существует и еще не миновала². Вместе с тем следует поддержать высказанную в научных источниках мысль о том, что наличие крайней необходимости может быть связана, с существованием реальной угрозы причинения вреда охраняемым общественным отношениям³.

С учетом сказанного в прикладном аспекте важно определить критерии начального момента возникновения источника опасности. Ученые единодушны в том, что это нужно делать на основе объективного и субъективного критериев⁴. По мнению А.М. Станкевич, к объективным относятся следующие: 1) сложилась обстановка, свидетельствующая о значительной степени вероятности возникновения опасности; 2) сложилась

¹ Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

² Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключающие преступность деяния в уголовном праве Российской Федерации. М., 2010. С. 278–279.

³ См.: Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1956. С. 33; Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. 1991. С. 305; Курс российского уголовного права. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 449; Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 131; Жовнир С.А., Спиндовская Л.С. Условия правомерности крайней необходимости, относящиеся к источнику опасности // Труды Оренбургского института (филиала) московской государственной юридической академии. 2021. № 4(50). С. 121.

⁴ См.: Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

обстановка, свидетельствующая о неизбежности возникновения опасности; 3) опасность возникла, но вред правоохранным интересам еще не причинен; 4) опасность возникла, и вред охраняемым отношениям уже причиняется¹. Субъективное восприятие ситуации как непосредственно угрожающей охраняемым интересам выступает в роли опосредованного звена. Вместе с тем следует поддержать утверждение о том, что излишнее акцентирование субъективного критерия способно породить расширительное толкование критериев правомерности крайней необходимости.

Момент прекращения существования источника опасности выражается в его ликвидации, нейтрализации и т.п.

Другой важный признак правомерности крайней необходимости – действительность опасности. Действительность раскрывается через такие признаки как реальность и объективность существования. Мнимая опасность, наличествующая исключительно в воображении человека, не может быть включена в систему условий правомерности крайней необходимости².

Однако при добросовестном заблуждении в наличии опасности охраняемым уголовным законом интересам возникает фактическая ошибка.

Общее правило квалификации при фактической ошибке состоит в том, что она влияет на квалификацию. В данном случае возникает ошибка в характере деяния – это неверное представление о социальной сущности и социальной значимости совершенного поступка. Очевидно, что тогда отсутствует умысел лица, действующего в соответствии с ошибочной оценкой в ситуации крайней необходимости. Следовательно, квалификация должна учитывать неосторожную форму вины. В ситуации, когда лицо не осознавало и не могло осознавать объективный характер ситуации крайней необходимости, ошибочно приняло ее как реальную опасность и в результате его действий был причинен тот или иной вред охраняемым общественным

¹ Там же.

² См.: Антонов В. Крайняя необходимость в деятельности правоохранительных органов // Уголовное право. 2007. № 6. С. 6.

отношениям, то в условии добросовестного заблуждения в полной мере применимы положения ст. 39 УК РФ.

В тех случаях, когда лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реальной общественной опасности, его действия подлежат квалификации в зависимости от установленной формы вины за наступившие общественно опасные последствия.

Ряд авторов выделяют еще один признак источник опасности – его реальность¹. Однако, на наш взгляд, он в полной мере коррелирует с уже рассмотренными признаками источника опасности: наличием и действительностью.

Такой критерий правомерности предотвращения вреда при крайней необходимости, как «невозможность устранения опасности без причинения вреда», или «неотвратимость опасности», выражается в императивном требовании оценки субъектом предотвращения вреда при крайней необходимости вариантов возможных действий по предотвращению вреда и лишь в качестве крайней меры – выбора деяния, причиняющего вред охраняемым уголовным законом интересам: «...если эта опасность не могла быть устранена иными средствами» (ч. 1 ст. 39 УК РФ). По своей социальной характеристике вред, причиняемый при крайней необходимости, является вынужденным². Профессор А.Ф. Кистяковский так определял указанный критерий правомерности крайней необходимости: «субъект, находясь под давлением настоящей, крайней, ничем другим, кроме правонарушения,

¹ См.: Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2002. С. 165; Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключющие преступность деяния в уголовном праве Российской Федерации. М., 2010. С. 258, 261.

² См.: Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 100; Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключющие преступность деяния. Харьков, 1991. С. 160; Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1: Учение о преступлении С. 483; Поликарпов Е.В. Специальные нормы уголовного закона о превышении пределов крайней необходимости // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5(10). С. 344; Зайцева Т.С. Вопросы юридической оценки действий, совершенных в состоянии крайней необходимости // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 31 (113). С. 46.

неотвратимой опасности, теряет в этом случае свободу самоопределения, в каком-то состоянии несвободы и совершает правонарушение»¹. Неотвратимость опасности означает, что отклонить опасность другим способом, кроме правонарушения, невозможно. Нарушение закона должно быть последним, единственным выходом из создавшейся ситуации². То есть причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам может иметь место лишь в том случае, когда предотвратить непосредственную угрозу личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства невозможно по-иному. То есть перед причинением вреда в ситуации крайней необходимости лицо обязано по закону осмыслить все возможные варианты поведения: возможность укрыться от опасности, убежать при непосредственной угрозе личности; возможность укрыть имущество, оградить его от опасности, применяя средства защиты и т.п. Квалификация действий в данном случае зависит от понимания лицом возможности предотвращения опасности иными средствами. Если лицо не осознавало и не могло в силу объективных причин осознавать возможность избрания иного способа устранения опасности, при этом был причинен меньший вред, нежели предотвращенный, то правомерность крайней необходимости не вызывает сомнений. Действия в данном случае подлежат квалификации как преступные на общих основаниях.

Тесным образом связан с рассматриваемым признаком другой не менее важный признак правомерности крайней необходимости – «меньший размер вреда». По мнению И.П. Портнова, «если у человека есть возможность предупредить наступление ущерба без причинения вреда источнику опасности, и он не воспользовался ею, то в таких случаях не может идти речи о состоянии крайней необходимости»³. Вопрос о том, какой вред следует

¹ Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. Киев, 1882. С. 186.

² Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. М., 2008. С. 33.

³ Портнов И.П. Крайняя необходимость в свете нового уголовного законодательства // Журнал российского права. 1998. № 4/5. С. 104.

считать более важным, а какой – менее, будет решаться в каждом конкретном случае в соответствии с обстоятельствами дела. В основу оценки причиненного и вреда предотвращенного должны быть положены как субъективный, так и объективный критерии, определяющим при этом является последний.

При всей очевидности содержания указанного признака именно он вызывает особые дискуссии как в теории, так и правоприменительной практике. Справедлив в данном случае вопрос, сформулированный Н.С. Таганцевым: «Можно ли сказать вперед, что право на телесную неприкосновенность выше права личной свободы, или что каждое из них в отдельности выше любого имущественного права?»¹. В законодательстве не представлен алгоритм принятия решения о значимости вреда. Не устраняет этой дилеммы и ориентир на содержание объекта правовой охраны. Зачастую причиняемый вред осуществляется в отношении равных либо сопоставимых по значимости благ и интересов. Анализ правоприменительной практики дает основание для вывода о том, что решение вопроса о ценности объекта охраны в ситуации крайней необходимости связано с оценкой конкретной ситуации и реальных обстоятельств дела. Должна быть осуществлена правовая оценка фактов, характеризующих их объективное и субъективное содержание. Субъективный критерий отталкивается о целеполагания и направленности действий лица, именно такой подход позволяет дать правильную квалификацию действиям в ситуации крайней необходимости. Так, когда лицо, устраняя действительную и наличную опасность, стремилось предотвратить больший вред путем причинения меньшего, но в итоге был причинен вред равный или больший, чем предотвращенный, деяние следует квалифицировать по субъективной стороне как правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости². Ответственность за причиненный

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. М., 2015.

² См.: Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости. Саратов, 1981. С. 113; Лысак Н.В. Крайняя необходимость // Следователь. 1998. № 6. С. 25–26;

вред в этом случае должна исключаться, если предотвратить вред не удалось, несмотря на все старания субъекта, когда у него были все основания полагать, что избранный им путь предотвращения являлся единственным и необходимым¹.

Сотрудник органа внутренних дел, реализуя свои обязанности по охране правопорядка и властно-распорядительные полномочия, также стоит перед проблемой сопоставления значимости предотвращаемого и причиняемого вреда в ситуации крайней необходимости. Отдельные аспекты отражены в специальных нормативных предписаниях отраслевого законодательства. Так, согласно п. 37 ч. 1 ст. 13 Закона «О полиции», сотруднику полиции предоставлено право для целей пресечения преступлений в ситуации, не терпящей отлагательства, использовать транспортные средства, принадлежащие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям (за исключением транспортных средств, принадлежащих дипломатическим представительствам и консульским учреждениям иностранных государств, представительствам международных организаций)...»². Данное законодательное предписание определяет шкалу значимости охраняемых интересов, ставя имущественные блага на ступень ниже, нежели публичные общественные и государственные интересы охраны правопорядка и пресечения преступления. Аналогичные правомочия установлены для ситуации пресечения преступлений, преследования лиц, совершивших преступление или подозреваемых в их совершении, для доставления в медицинские организации граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи, для отбуксировки с места происшествия поврежденных

Морозов В., Хаметдинов Г. Некоторые аспекты уголовной ответственности при превышении пределов крайней необходимости // Уголовное право. 2005. № 1. С. 55.

¹ Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 59.

² Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 148.

транспортных средств, для проезда к месту совершения преступления, административного правонарушения, к месту происшествия. Никаких исключений в отношении какой-либо категории транспортных средств не делается¹. «Лишь крайняя необходимость может выступать законным основанием для проведения таких мероприятий, как проверочная закупка; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи; оперативное внедрение; контролируемая поставка; оперативный эксперимент; получение компьютерной информации»².

Вместе с тем оценка значимости охраняемых общественных отношений должна осуществляться на основе всестороннего анализа объективных и субъективных характеристик возникшей ситуации. Объективные критерии основываются на оценке места, времени, источника опасности, возможных вариантов предотвращения вреда. Субъективный критерий основывается на внутреннем осознании ситуации с учетом профессиональных знаний, навыков и опыта. Необходимо осознание сотрудником органов внутренних дел значимости ситуации как вынужденной, непосредственной и невозможной к разрешению без причинения вреда охраняемым отношениям.

В соответствии с ч. 3 ст. 19 закона «О полиции», сотрудник полиции должен поступать с учётом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, а также характера и силы оказываемого ими сопротивления.

Как крайняя необходимость должны подлежать оценке акты неповиновения законным требованиям сотрудника органа внутренних дел (игнорирование требования об остановке по требованию сотрудника

¹ Там же, С. 149.

² Никуленко А.В. Современные возможности крайней необходимости // Вестник казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11, № 4 (42). С. 484.

Госавтоинспекции РФ; отказ участников несанкционированного митинга разойтись и т.п.). В последнее время организовывался ряд провокаций с привлечением несовершеннолетних к участию в несанкционированных митингах; известна попытка захвата аэропорта в Махачкале под лозунгами антисемитизма. Указанные действия должны быть пресечены правоохранительными органами. В данном случае выбор меньшего из зол является очевидным: интенсивность неповиновения влечет повышение уровня принятия мер для его пресечения. В приведенных примерах право одного лица противопоставляется интересам государства или круга лиц, что недопустимо, и в случае создания реальной опасности причинения вреда третьим лицам возникает ситуация крайней необходимости. Вместе с тем правомерность действий сотрудника органа внутренних дел должна оцениваться сквозь призму реальной опасности предотвращаемого вреда, интенсивности и степени выраженности неповиновения законным требованиям, принятия иных ненасильственных мер разрешения конфликтной ситуации.

Следует отметить, что в законе не закреплено правило об учете фактора экстремальности возникающей ситуации как это, в частности, осуществлено в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ¹. Человеку, который находится в чрезвычайных условиях и вынужден принимать быстрые решения, иной раз очень трудно выявить наиболее рациональный способ реагирования на опасность². Считаем подобное упущение законодателя пробелом, не позволяющим должным образом квалифицировать действия лиц в ситуации крайней необходимости³.

Не требует дополнительных аргументов утверждение о том, что неожиданное появление источника опасности для лица может и, как правило,

¹ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 149.

² Абрамов М.В., Рожков С.А. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключаящее преступность деяния // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Studis historica juvenum. 2010. № 1 (6). С. 112.

³ Краснов А.А. Указ. соч.

сопровождается ярко выраженным негативно-эмоциональным фоном, что существенным образом меняет не только привычный процесс принятия решения, но и в целом мотивационный процесс, делая его усеченным под влиянием факторов стресса, фрустрации и т.п. В законе не закреплено правило об учете фактора экстремальности возникающей ситуации, как это осуществлено в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ¹. Относительно причиняемого вреда законодатель не устанавливает требования о причинении наименьшего вреда из всех возможных. Вместе с тем в теории уголовно-правовой науки присутствует дискуссия по данному вопросу. В частности, ряд авторов выдвигают гипотезу об обязательности причинения наименьшего из всех возможных вариантов вреда². В.Ф. Кириченко обращает внимание на то, что из имеющихся вариантов лицо должно избрать тот, который ведет к причинению наименьшего вреда³. Другие ученые придерживаются иной позиции, считая, что вред должен быть минимальным, однако не наименьшим⁴. Данный вывод вытекает из буквального толкования ч. 2 ст. 39 УК РФ, где определено, что причинение вреда равного или более значительного, чем предотвращенный, является одним из критериев превышения пределов крайней необходимости.

В указанных условиях квалификация должна отталкиваться от внутренней оценки происходящего со стороны лица, действующего в крайней необходимости. Таким образом, при осознании указанным лицом общественной опасности совершаемых им действий, предвидении общественно опасных последствий и желании их наступления – налицо

¹ Там же.

² См.: Кириченко В. Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1955; Шаповалов В.В. О крайней необходимости как обстоятельстве, исключающем уголовную ответственность // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек и общество, 2016. № 4; Эркенов Х.А. Проблема ответственности при крайней необходимости // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1, № 5 (19). С. 98; Рабаданов А.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 211.

³ Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву. М., 1955.

⁴ Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955; Слущкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. Л., 1956.

прямой умысел. В данном случае должна применяться квалификация по фактически наступившим последствиям. Аналогичная правовая оценка должна иметь место и при причинении вреда равного или превышающего при установлении косвенного умысла¹. Причинение же указанного вреда по небрежности или легкомыслию оставляет действия лица в рамках правомерности крайней необходимости. Вместе с тем не поддается логическому объяснению установление законодателем ответственности на равных основаниях при причинении вреда, равного предотвращенному, особенно в условиях отсутствия четких критериев сопоставления степени значимости вреда. Думается, ответственность при причинении равного вреда может наступать лишь при явном несоответствии предотвращенного и причиненного вреда.

В то же время в свете рассматриваемого вопроса считаем отсутствие в УК РФ привилегированных составов, устанавливающих ответственность за деяния, совершенные в состоянии крайней необходимости, существенным пробелом, требующим незамедлительного устранения. Нельзя согласиться с предложением о квалификации подобных деяний в рамках соответствующих статей Особенной части УК РФ со ссылкой на ст. 39 УК РФ². В данном случае прикладное значение указанной квалификации будет ничтожным, поскольку не может быть достигнута главная цель – дифференциация уголовной ответственности.

Принцип справедливости привлечения к уголовной ответственности, реализуемый через ее дифференциацию в уголовном законе обосновывает, необходимость закрепления ответственности за превышение пределов крайней необходимости, как это осуществлено в ситуации необходимой

¹ Гарбатович Д.А. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2016. Т.16, № 3. С. 54.

² См.: Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. М., 2001. Т. 2: Особенная часть С. 239–240.

обороны и задержания лица, совершившего преступление, в отдельной норме, закрепляющей привилегированный состав преступления.

Хотя, как отмечает Г.Г. Белоконь, вопрос о конструировании указанных составов относится к числу дискуссионных, предложение подобного рода оправдано¹. Вместе с тем нельзя согласиться с предложением В. Морозова и Р. Шарапова включить указание о превышении крайней необходимости в состав преступлений против жизни и здоровья личности; имущественных и экологических преступлений². По справедливому выводу В.В. Орехова, в Особенной части УК РФ невозможно предусмотреть все случаи совершения преступлений, связанных с умышленным превышением пределов крайней необходимости³. Все же, на наш взгляд, регламентация ответственности за превышение крайней необходимости в ситуации причинения вреда жизни и здоровью необходима в рамках привилегированных составов.

При анализе вопроса о допустимой степени причиняемого вреда в ситуации крайней необходимости к числу остро дискуссионных, особенно касательно деятельности сотрудников органов внутренних дел, относится вопрос о причинении смерти. Классик российского уголовного права Н.С. Таганцев уже в начале XX в. с уверенностью констатировал: «Я, бесспорно, могу лишить жизни другого, спасая себя»⁴. Думается, что подобный подход справедлив, поскольку основывается на естественном праве на жизнь. Вместе с тем он противоречит морально-этическим нормам цивилизованного общества. По общему правилу, безусловно, признаками преступного будет обладать спасение своей жизни за счет убийства другого

¹ Белоконь Г.Г. Дифференциация уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии крайней необходимости и при превышении ее пределов // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2009. № 2 (7). С. 375.

² См.: Морозов В., Шарапов Р. О понятии превышения пределов крайней необходимости. Человек: преступление и наказание // Вестник Рязан. ин-та права и экономики МВД России. 1995. № 4. С. 27–30.

³ Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003. С. 137.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции. М., 2015.

человека¹. Однако объективная оценка обстоятельств должна отталкиваться от степени безысходности ситуации, от объективно существующей возможности спасения.

На наш взгляд, нельзя требовать от человека самопожертвования ради спасения жизни другого человека. Никаких объективных оснований для ограничения права на жизнь в данном случае нет. Напротив, ситуация крайней необходимости дает почву для признания действий лица, спасшегося ценою спасения другого человека, хотя и осознанными, но не обладающими признаками преступного деяния. Некоторые авторы вводят специальный термин для обозначения рассматриваемой ситуации – «извинительная правомерность крайней необходимости»². Подобная категория используется в зарубежном законодательстве (п. 1 ч. 1 § 11; ч. I предл. 1 § 35 УК Германии). Отличительные признаки «извинительной правомерности крайней необходимости»: 1) причинитель вреда вынужден делать выбор между равнозначными благами; 2) противоправность действий по предотвращению вреда в ситуации крайней необходимости; 3) вред причиняется для защиты себя, родственников и близких; 4) круг конкурирующих благ ограничен – жизнь человека. Думается, что в указанных условиях крайней необходимости должно признаваться ненаказуемым спасение жизни ценою жизни другого человека.

Подобный подход воспринимается отечественной правовой доктриной и практикой крайне осторожно. В монографических источниках предлагаются иные критерии признания правомерности лишения жизни в условиях крайней необходимости. Так, по мнению Г.Ф. Хаметдиновой, причинение смерти в рассматриваемых условиях допустимо лишь тогда, когда: 1) опасность угрожала последствиями, связанными с гибелью двух и более лиц; 2) гибель

¹ См.: Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1964. С. 166–167; Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 514; Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 450–451 и т.д.

² Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М., 2006.

человека была неизбежна в любом случае¹.

Иной подход предлагает в своем диссертационном исследовании Э.Р. Гафурова, считающая, что в данном случае происходит перерастание крайней необходимости в необходимую оборону. Так, по ее мнению, лишение жизни, например, в ситуации захвата заложников допустимо исходя из того, что, когда возможности крайней необходимости исчерпаны, попытка сотрудников правоохранительных органов разрешить ситуацию не принесла желаемого результата – освобождения заложников, применяется норма о необходимой обороне².

Особого внимания заслуживает ситуация вынужденного причинения вреда охраняемым законом интересам, возникающая при реализации сотрудником внутренних дел оперативно-розыскных мероприятий. Как указывалось в параграфе 1.2 диссертации, ФЗ об ОРД в ч. 4 ст. 16 лишь в общих чертах говорит о таком вреде, однако не детализирует ни его рамки, ни условия причинения. При этом на основании ч. 9 ст. 5 ФЗ по ОРД в случае нарушения должностным лицом государства или его властным органом, который реализует ОРД, интересов и законных прав некоторых лиц (физических и юридических) вышестоящим прокурором, судьей или другим должностным лицом или властным органом должны быть реализованы меры по немедленной защите и последующему восстановлению этих интересов и прав на основании действующего законодательства Российской Федерации.

В научных источниках отмечается проблема несформированности института восстановления нарушенных прав в результате осуществления оперативно-розыскных действий³, что создает правовую неопределенность как относительно правовых последствий причинения вреда в указанных

¹ Хаметдинова Г. Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2007. С. 9.

² Гафурова Э.Р. Применение крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, при освобождении заложников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

³ См.: Азаров В.А., Супрун С.В. Охрана имущественных интересов личности в сферах оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Омск, 2001. С. 78.

ситуациях для сотрудников органов внутренних дел, так и для пострадавших. В этой связи целесообразно включить в УК РФ нормы, прямо разрешающие вопросы причинения вреда служащего, действующего в рамках своих должностных полномочий и компетенции в соответствии с требованиями законодательства в рамках реализации им оперативно-розыскных действий.

Представляется, что, поскольку действующие нормы главы 8 УК применимы не ко всем случаям, которые могут возникнуть в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, и с учетом недопустимости нарушения принципа законности наиболее правильным решением станет включение в главу 8 новой статьи, устанавливающей условия и пределы причинения вреда в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Третий критерий правомерности причиненного вреда при реализации крайней необходимости – цель действий лица, выбравшего из двух зол меньшее. Цель действий, по мнению Н.Г. Кадниковой, – устранение опасности, угрожающей охраняемым интересам¹. При крайней необходимости исходная цель действий лица не менее благородна – устранение опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц².

В отечественном законодательстве не урегулирован вопрос о правовой оценке действий лица, не достигшего цели предотвращения вреда в ситуации крайней необходимости. На наш взгляд, лицо не должно подлежать уголовной ответственности в случае недостижения цели крайней необходимости под влиянием объективных причин. Именно целеполагание позволяет отграничивать крайнюю необходимость от ее провокации. Если цель крайней необходимости – устранение опасности, то цель провокации крайней необходимости – причинение вреда третьим лицам.

Провокацией крайней необходимости является искусственное создание

¹ Кадников Н.Г. *Обстоятельства, исключаящие преступность деяния*. М., 1998. С. 24.

² Эркенов Х.А. *Проблема ответственности при крайней необходимости* // Отечественная юриспруденция. 2017. Т.1. № 5 (19), С. 99.

опасности для того, чтобы в будущем устранить ее посредством причинения вреда третьим лицам¹. Под провокацией крайней необходимости следует понимать умышленные действия, направленные на создание опасности (либо на ее имитацию), повлекшие причинения вреда правоохраняемым интересам при ее устранении. В литературе высказывалось мнение, что лицо, спровоцировавшее причинение вреда, в данном случае должно нести уголовную ответственность на общих основаниях².

Большинство ученых полагают, что квалификация действий лица, когда имеет место провокация крайней необходимости, должна быть без ссылки на крайнюю необходимость либо превышение ее пределов. Такая ссылка возможна лишь в том случае, когда опасность была создана им невиновно³.

Кроме того, квалифицируя действия при провокации крайней необходимости, мы выделяем два варианта провокации: неосторожную и умышленную.

Если опасность причинения вреда каким-либо интересам была создана по неосторожности, то причинение вреда в рамках крайней необходимости правомерно.

В ситуации крайне необходимости причиняемый вред не всегда направлен на третьих лиц. Это имеет место быть лишь в том случае, если действия лица направлены на спасение интересов лиц (включая государственные и общественные интересы), не связанных с опасностью⁴.

Подводя итог исследованию юридических признаков крайней необходимости, остановимся на наиболее значимых аспектах теории уголовного права.

¹ Суан Чьонг Чинь Цель – устранение опасности как условие правомерности крайней необходимости в уголовном праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам // Закон и право. 2018. № 2. С. 146.

² Курс уголовного права. Общая часть. / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1: Учение о преступлении С. 482–483.

³ См.: Вавилин. Е.В. Самозащита гражданских прав // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 5–7.

⁴ Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 14.

Легальная дефиниция крайней необходимости в российском законодательстве не представлена. В ч. 1 ст. 39 УК РФ законодатель прибегает к приему абстрактного описания правовой категории через указание на специфику целеполагания лица, действующего в состоянии крайней необходимости. Вряд ли подобная практика может быть признана оправданной¹.

Правовая природа крайней необходимости выражается в том, что на основе правовой парадигмы обеспечения охраны и защиты интересов и благ личности, общества и государства в современном обществе у субъекта реализации этого права возникает правомочие на причинение вреда в целях обеспечения защиты более значимого и ценного объекта правовой охраны в случае возникновения реальной опасности причинения вреда и невозможности устранить указанную опасность иными способами и средствами².

В этой связи под крайней необходимостью следует понимать уголовно-правовой подинститут, представляющий собой систему правовых установлений относительно правомочия на причинение вреда охраняемым интересам личности, общества и государства в ситуации возникновения реальной опасности причинения вреда более значимым охраняемым законом интересам личности, общества и государства при невозможности его предотвращения иным способом.

Для сотрудника органа внутренних дел это обязанность, вытекающая из профессионального статуса. В случаях, когда акт крайней необходимости с целью защиты правоохраняемого интереса не был осуществлен должностным лицом, последний может быть привлечен к уголовной ответственности за должностную халатность³.

¹ Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2023. С. 147.

² Там же.

³ Там же. С. 149.

В научных источниках правомерность крайней необходимости определялась через правовую оценку двух аспектов – угрожающей опасности и невозможности устранить эту опасность иначе, чем путем причинения вреда. В качестве основного признака источника опасности подавляющее большинство ученых называют его наличие. Считаем, что несмотря на научные дискуссии, крайняя необходимость наличествует и при возникновении угрозы законным интересам личности, общества или государства, а также в ходе столкновения интересов. Однако подобная угроза должна отвечать критериям реальности.

Объективное содержание источника опасности дает основание для вывода о том, что он может как обладать общественной опасностью, так и не обладать (например, физиологические процессы в организме человека). Говоря о правоприменительной деятельности органов внутренних дел, источниками опасности следует признавать также действия лиц, направленные на приготовление, совершение или сокрытие противоправного деяния; равно как и действия по организации преступной деятельности. Не решен законодателем РФ вопрос о правовой оценке ситуации, когда источник опасности был создан самим лицом, его впоследствии предотвращающим. Если в подобном деянии отсутствуют признаки провокации, оно должно подлежать оценке по правилам крайней необходимости, при соблюдении общих условий ее правомерности. Особо следует подчеркнуть, что крайняя необходимость относительно источника опасности в виде поведения человека возможна лишь при наличии признака общественной опасности его действий.

Опасность должна быть не мнимой, а действительной, т.е. реально существующей для лица. Мнимая опасность, имеющая место лишь в воображении лица, не будет создавать состояние крайней необходимости.

Условиями правомерности, относящимися к защите являются: своевременность; невозможность устранения опасности без причинения вреда; меньший размер вреда и причинение его третьим лицам; совершение акта

крайней необходимости для защиты любого, своего или чужого, индивидуального или коллективного интереса.

Вместе с тем в законе не закреплено правило учета фактора экстремальности возникающей ситуации, как в ч. 2¹ ст. 37 УК РФ. Считаем подобное упущение законодателя пробелом, не позволяющим правильно квалифицировать действия лиц в ситуации крайней необходимости. В силу сказанного считаем необходимым дополнить ст. 39 УК РФ указанием на учет фактора неожиданности возникновения опасности, исключаящим ответственность лица, причинившего вред для ее устранения, если лицо не имело времени и возможности оценить характер и степень опасности этой угрозы.

Также следует дополнить ст. 108 УК РФ частью 3 («Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости») и ст. 114 ч. 3 («Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов крайней необходимости»).

На основании представленных аргументов предлагается новая редакция ст. 39 УК РФ «Крайняя необходимость»:

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т. е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред больший, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случаях умышленного причинения вреда.

3. Не является превышением пределов крайней необходимости

умышленное причинение равного или более значительного вреда, чем предотвращенный вред, если вследствие неожиданности возникновения опасности устраняющее ее лицо не может объективно оценить характер и степень угрожавшей опасности и обстоятельства, при которых опасность устранялась.

4. Сотрудники органов внутренних дел и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, в том числе и при осуществлении негласных оперативно-розыскных мероприятий, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями настоящей статьи. Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением требований законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения, если при этом не было допущено нарушение требований настоящей статьи. При этом не исключаются иные виды ответственности таких лиц, предусмотренные за нарушение установленных действующим законодательством оснований и порядка применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

2.4 Исполнение приказа или распоряжения в деятельности органов внутренних дел

Уголовное законодательство России в систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, включает «исполнение приказа или распоряжения» (ст. 42 УК РФ). В деятельности сотрудников органов внутренних дел указанное обстоятельство имеет особое значение, гарантируя защищенность от ответственности за ошибочные решения руководства.

Вместе с тем в отечественной уголовно-правовой доктрине присутствует точка зрения, согласно которой исполнение приказа и правовая оценка его последствий не входят в сферу регламентации уголовного права. Несмотря на очевидную бланкетность положений ст. 42 УК РФ, согласиться с представленной точкой зрения нельзя, поскольку причинение вреда объектам, включенным согласно, ст. 2 УК РФ, в общий объект уголовно-правовой охраны, должно получить правовую оценку с точки зрения уголовно-правовой квалификации содеянного. Помимо этого, в ситуации выхода за рамки правомерности исполнения приказа и распоряжения действия виновного влекут наступление уголовной ответственности. В монографических источниках предлагается ввести более широкое по объему обстоятельство, исключающее преступность деяния, – «Причинение вреда, в результате исполнения закона»¹. В обоснование подобной новеллы приводится аргумент, согласно которому правомерные, т.е. основанные на законе, действия сотрудника органа внутренних дел, да и любого должного лица или лица, наделённого властными полномочиями, могут повлечь причинение вреда в силу ситуации конкуренции публичного и частного интересов. На наш взгляд, его появление в системе обстоятельств, исключающих преступность деяния, создаст лишь дополнительную почву для конкуренции указанных обстоятельств. Согласно здравому смыслу, если уполномоченное лицо действует исключительно на основании закона, то в его действиях ни при каких условиях не может усматриваться противоправность, необходимая для привлечения к юридической ответственности. Учитывая сказанное, исполнение закона по своей юридической природе не может быть отнесено к обстоятельствам, исключающим преступность деяния².

¹ Цыганков А.Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 7.

² Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Уфа, 2023. С. 115.

Для уголовного закона России это достаточно новый правовой подинститут, введенный лишь в УК РФ 1996 г. Юридическая природа рассматриваемого обстоятельства проявляется в том, что для таких структур, как правоохранительная, крайне важно обеспечение строгой дисциплины и подчинения приказам высшего руководства. В противном случае будет нарушен основополагающий принцип субординации и единства действий подразделений правоохранительных органов. По справедливому утверждению А.А. Арямова: «Надлежащее исполнение приказа в любом случае должно “переводить” ответственность с исполнителя на начальника, отдавшего приказ»¹. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел в части предотвращения, пресечения и недопущения преступлений и правонарушений всегда осуществляется в ситуации противодействия со стороны правонарушителя. В этой связи наличие рассматриваемого нормативного положения, исключающего преступность деяния, ставит действия сотрудника органа внутренних дел под правовую защиту исполненного им приказа или распоряжения.

Вместе с тем рассматриваемая профессиональная деятельность зачастую определяется требованиями соблюдения субординации на службе и, соответственно, угрозой привлечения к ответственности за неисполнение приказа с гипотетической надеждой на признание посредственного причинения при отсутствии факта осознания незаконного характера исполненного приказа или распоряжения или угрозы стать соучастником преступления, организованного его непосредственным руководителем по службе. Справедлив вывод М.И. Ковалева о том, исполнение приказа или распоряжения являет собой яркий пример «посредственного причинения»², особенно в строго иерархически выстроенной системе органов внутренних дел, где неповиновение распоряжению руководителя недопустимо. Кроме того, в

¹ Арямов Л.Л. Правомерное причинение вреда. Челябинск, 2004. С. 39.

² Ковалев М.М. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. Красноярск, 1991. С. 36.

условиях экстремальной работы органов внутренних дел неисполнение приказа или распоряжения может быть связано с незамедлительными и неминуемыми неблагоприятными последствиями для подчиненных.

Так, суды не усматривают наличие условий освобождения от уголовной ответственности по ст. 42 УК РФ, если действия подсудимых лежали в плоскости их должностных полномочий и компетенции и они действовали не во исполнение конкретного приказа на совершение тех или иных действий, а на основе общего не детализированного приказа руководителя о необходимости осуществления определенной деятельности¹.

В силу приведенных аргументов возникает вопрос об условиях правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения.

Причинение вреда при исполнении приказа или распоряжения характеризуется условиями правомерности: 1) относящимися к приказу: обязательность приказа для субъекта причинения вреда; отсутствие заведомой незаконности приказа или распоряжения; 2) относящимися к деянию: наличие отношений подчиненности по службе (для исполнителя приказа или распоряжения лицо, отдавшее приказ, является вышестоящим должностным лицом непосредственного подчинения); соразмерность причиненного вреда целеполаганию, заложенному в законном обязательном приказе или распоряжении².

Рассмотрим названные условия правомерности причинения вреда охраняемым законом интересам при исполнении приказа или распоряжения.

Первым условием правомерности рассматриваемого обстоятельства, исключающего преступность деяния, выступает обязательность приказа для

¹ См.: Ухтинский городской суд, Приговор от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-149/2018 URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I8P5S59QQvUW/> (дата обращения: 20.03.2024); Приговор Абазинского районного суда № 1-37/2019 от 18.07.2019 по делу № 1-37/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xDvMYtCzL6dW/> (дата обращения: 20.03.2024) и др.

² Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Уфа, 2023. С. 116.

субъекта причинения вреда.

Приказ или распоряжение означают «официальное указание, подлежащее неукоснительному исполнению»¹.

В научной среде активно обсуждается вопрос о том, что упоминание законодателем и приказа, и распоряжения излишне². Данная дискуссия объективно имеет под собой почву. Кроме того, в ст. 42 УК РФ есть несогласованность с положениями ст. 332 УК РФ, в которой предусмотрена ответственность только за неисполнение приказа. Кроме того, если говорить о взаимодействии внутри подразделений ОВД РФ, то в ведомственных актах упоминается обязательность приказов начальников подразделений. В силу сказанного следует поддержать предложения об исключении категории «распоряжение» из диспозиции ст. 42 УК РФ³.

В соответствии с п. 10 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации⁴ приказ руководителя (начальника) – это служебное требование руководителя (начальника), обращенное к подчиненным сотрудникам, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения. Согласно пп. «в» п. 4. этого же документа, служебная дисциплина в органах внутренних дел обеспечивается неукоснительным исполнением сотрудником приказов и

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 299.

² См.: Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (в деятельности органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 131; Старостина Ю.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 37–39; Талаев И.В. Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправление профессиональных функций в условиях военной службы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 55.

³ Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Уфа, 2023. С. 116.

⁴ О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 (ред. от 22.12.2021) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

распоряжений руководителя (начальника), отданных в установленном порядке и не противоречащих федеральным законам. Пп. «б» п. 5 обязывает сотрудника органов внутренних дел выполнять приказы и распоряжения руководителей (начальников), отданные в установленном порядке и не противоречащие федеральным законам. Наконец, п. 12: приказ, отдаваемый руководителем (начальником), обязателен для исполнения подчиненными, за исключением заведомо незаконного приказа. При получении приказа, явно противоречащего закону, сотрудник обязан руководствоваться законом, при этом обязан уведомить руководителя (начальника), отдавшего заведомо незаконный приказ, или вышестоящего руководителя (начальника) о неисполнении незаконного приказа.

Лицо, исполняющее приказ или распоряжение, действует в интересах службы, а если указания начальника основаны на законе, то и во имя закона.

Что касается понятий законности и незаконности приказа, то и в данном случае нет единого мнения¹. В действующей редакции Федерального закона «О полиции» в ч. 4 ст. 6 указано, что сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства. В составе подразделения (группы) сотрудник полиции применяет физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в соответствии с федеральным законом, руководствуясь приказами и распоряжениями руководителя этого подразделения (группы) (ч. 9 ст. 19). Таким образом, в случае, когда лицо причинило вред охраняемым уголовным законом

¹ См.: Григенча В.Я. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 131; Веденин Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 176; Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (в деятельности органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 131; Старостина Ю.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2001. С. 138.

интересам во исполнение обязательного для него законного приказа (распоряжения), основания привлечения лица к уголовной ответственности отсутствуют, в действиях лица констатируются признаки правомерного причинения вреда во исполнение приказа (распоряжения)¹.

Ряд авторов сформулировали критерии законности приказа. К таковым отнесены: издание компетентным органом; он не противоречит закону; приказ соответствует положенной форме и содержанию; соблюдена процедура его издания². Сходные критерии называет и другой автор, Д.В. Веденин, с единственным уточнением о том, что «действие (бездействие), предписываемое законодателем утвердительного требования, должно находиться в нормативно закреплённой компетенции потенциального исполнителя»³. Те же критерии учитывает и судебная практика при правовой оценке ситуации исполнения приказа, прежде всего обращая внимание на законность изданного приказа вышестоящего руководителя⁴.

Вместе с тем законность приказа – категория не абстрактная, а конкретная и реальная. Применительно к каждой ситуации причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения сотрудником органов внутренних дел вопрос о законности приказа будет входить в обязательный предмет доказывания согласно, ст. 73 УПК РФ.

Исходя из ч. 2 ст. 30 ФЗ «О полиции», сотрудник при выполнении служебных обязанностей подчиняется только непосредственному и другому прямому начальнику. Никто не имеет права вмешиваться в законную деятельность сотрудника полиции, кроме лиц, прямо уполномоченных на то федеральным законом. Согласно п. 14 гл. 4 «Обязательность исполнения

¹ Гарбатович Д.А. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключющее преступность деяния: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 19.

² См.: Слущкий М.М. Обстоятельства, исключющие уголовную ответственность. Л., 1956. С. 332.

³ Веденин Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключющее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 8.

⁴ См.: Приговор Гулькевичского районного суда по делу № 1-1/2016 1-156/2015 от 06.07.2016. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r6pSP3dmKXgC/> (дата обращения: 14.03.2024).

приказа руководителя (начальника)» Дисциплинарного устава, прямыми руководителями (начальниками) сотрудника являются те, которым он подчинен по службе, в том числе временно; из них ближайший к сотруднику – это его непосредственный руководитель (начальник). Во всех случаях требование начальника должно находиться в рамках его полномочий.

Если лицо причинило вред охраняемым уголовным законом интересам во исполнение обязательного для него незаконного приказа (распоряжения), не осознавая противоправный характер отданных ему приказа или распоряжения, основания привлечения лица к уголовной ответственности отсутствуют, в действиях лица констатируются признаки состава правомерного причинения вреда во исполнение приказа (распоряжения)¹.

Второй признак правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения – отсутствие заведомой незаконности приказа или распоряжения².

Правовая оценка убийства, совершенного должностным лицом в ходе исполнения незаконного приказа или распоряжения либо в результате осуществления деятельности, выходящей за рамки его полномочий, вопреки интересам службы, должно квалифицироваться по совокупности как убийство либо в зависимости от конкретной ситуации как превышение должностных полномочий. Вместе с тем, поскольку законодатель не раскрывает понятия «заведомость», в научной среде идет дискуссия относительно его содержания. Так, с точки зрения И.Г. Соломоненко, во исполнение незаконного приказа возможно совершение только умышленного деяния, неосторожность в данном случае исключается³. Подобный вывод представляется обоснованным. Помимо этого, следует поддержать мнение И.Г. Соломоненко о том, что, если

¹ Гарбатович Д.А. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 20.

² См.: Приговор Ухтинского городского суда (Республика Коми) от 11.02.2020 по делу № 1-149/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I8P5S59QQvUW/> (дата обращения 22.03.2024).

³ Энциклопедия уголовного права: в 11 т. Т. 7. СПб., 2007. С. 515–517.

во время исполнения противозаконного приказа или распоряжения, т. е. в процессе, у исполнителя возникнет понимание о его незаконном характере, он должен прекратить его исполнение, в противном случае для него будет наступать уголовная ответственность на общих основаниях. Однако нет практической целесообразности в предлагаемой этим же автором замене формулировки «заведомо незаконные приказ или распоряжение» на «явно незаконные».

Если, исходя из объективного содержания ситуации причинения вреда, в результате исполнения незаконного приказа или распоряжения будет установлен факт добросовестного заблуждения исполнителя в законности выполняемых им указаний, но при этом деяние выйдет за рамки полномочий указанного исполнителя, то исключается уголовная ответственность за злоупотребление либо превышение должностных полномочий. Привлечение к уголовной ответственности возможно только при явном превышении должностных полномочий. В ситуации причинения вреда в ходе исполнения приказа или распоряжения, отданного в установленном законом порядке, уголовная ответственность для исполнителя также не наступает. Руководитель исполнителя будет подлежать уголовной ответственности при условии отдачи заведомо незаконного приказа или распоряжения. Его действия будут подпадать под признаки состава преступления, криминализованного в ст. 285 или 201 УК РФ.

Так, в постановлении суда района имени Лазо Хабаровского края указывается, что «должностные лица полиции, исполняющие приказ, должны нести ответственность по ст.ст. 40, 42 УК РФ. Ответственность также должны нести и все участники, нарушающие конституционные права граждан, и помнить об ответственности по ст.ст. 303, 305, 306, 307 УК РФ, это относится и к приобщённой к делу, “якобы законной экспертизы” геральдического совета»¹.

¹ Постановление суда района имени Лазо (Хабаровский край) от 15.04.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6s0dKmU0peQT/> (дата обращения 22.03.2024).

В случае, когда лицом было совершено умышленное преступление во исполнение заведомо незаконных приказа или распоряжения, в действиях лица констатируются признаки состава преступления, лицо привлекается к уголовной ответственности на общих основаниях¹.

Условием правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения выступает также соразмерность причиненного вреда целеполаганию, заложенному в законном обязательном приказе или распоряжении.

Лицо, исполняющее приказ или распоряжение, обязано действовать исключительно в рамках своих должностных полномочий и компетенции и не выходить за пределы предписаний приказа или распоряжения. При выходе за обозначенные рамки возникает правовая ситуация превышения пределов необходимости исполнения приказа или распоряжения.

Причинение вреда охраняемым уголовным общественным отношениям и благам в данном случае образует состав преступления и квалифицируется в зависимости от наступивших последствий. Однако при индивидуализации наказания ситуация исполнения приказа или распоряжения подлежит учету в качестве смягчающего наказание обстоятельства (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК).

Нельзя не обратить внимание на то, что ни законодатель, ни судебная практика не выработали унифицированного понимания критериев превышения пределов необходимости исполнения приказа или распоряжения, что неизбежно создает проблемы правоприменения и установления признаков правомерности действий лица, исполняющего приказ или распоряжение. В ст. 42 УК РФ указывается, что превышение образуют действия, которые явно не соответствовали содержанию приказа, однако более четких ориентиров для правоприменителя в данной норме не представлено. Считаем необходимым дать разъяснения на этот счет на уровне постановления Пленума Верховного

¹ Гарбатович Д.А. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключющее преступность деяния: алгоритм квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2017. Т. 17, № 2.

Суда РФ. Полагаем, что к явному превышению мер, необходимых для исполнения приказа или распоряжения, следует отнести: выходящие за рамки содержания приказа или распоряжения действия; применение во исполнение приказа или распоряжения недопустимых мер; действие с явно чрезмерным, не обусловленным объективной ситуацией применением насилия или причинением вреда имуществу.

Следовательно, если был дан приказ на осуществление определенных действий в отношении лица, совершившего тяжкое или особо тяжкое преступление, преследуемого должностными лицами, оперативными сотрудниками органов внутренних дел, то этот приказ должен быть основан на каком-то из обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона; задержание лица, совершившего преступление; состояние крайней необходимости).

Таким образом, юридическая природа исполнения приказа или распоряжения проявляется в том, что для таких структур как правоохранительная крайне важна строгая дисциплина и подчинение приказам высшего руководства. В противном случае будет нарушен основополагающий принцип субординации и единства действий подразделений МВД РФ. Рассматриваемое нормативное положение ставит действия сотрудника органа внутренних дел под правовую защиту исполненного им приказа или распоряжения¹. Правомерность причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения обусловлена целью предотвращения преступлений.

Причинение вреда при исполнении приказа или распоряжения характеризуется условиями правомерности, это условия: 1) относящиеся к приказу: обязательность приказа для субъекта причинения вреда; отсутствие

¹ Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Уфа, 2023. С. 119.

заведомой незаконности приказа или распоряжения; 2) относящиеся к деянию: наличие отношений подчиненности по службе (для исполнителя приказа или распоряжения лицо, отдавшее приказ, является вышестоящим должностным лицом непосредственного подчинения); соразмерность причиненного вреда целеполаганию, заложенному в законном обязательном приказе или распоряжении.

В силу сказанного следует поддержать предложения об исключении категории «распоряжение» из диспозиции ст. 42 УК РФ.

Силовое противодействие практически неизбежно влечет разрушения и жертвы и среди участников контртеррористической операции, и среди участников незаконных вооруженных формирований, а также среди мирного населения. Следует признать, что поединститут причинения вреда здоровью и жизни при исполнении приказа или распоряжения в большей мере нацелен не на лиц, причастных к преступлению, а на третьих лиц. В отношении фигурантов преступлений в полной мере действуют положения ст. 37–41 УК РФ. Условием правомерности причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения выступает также соразмерность причиненного вреда целеполаганию, заложенному в законном обязательном приказе или распоряжении¹.

Подводя итог, сформируем предложения, направленные на совершенствование законодательного описания исполнения приказа.

Считаем целесообразным ст. 42 УК РФ «Исполнение приказа» изложить следующим образом:

1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение

¹ Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических условиях: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Уфа, 2023. С. 119.

обязательного для него приказа. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ.

2. Лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение заведомо незаконного приказа, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконного приказа исключает уголовную ответственность.

3. Под превышением пределов необходимости исполнения законного приказа понимается совершение действий, явно не соответствующих содержанию приказа, которые привели к нарушению охраняемых законом интересов граждан, общества и государства.

4. Сотрудники органов внутренних дел и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, в том числе и при осуществлении негласных оперативно-розыскных мероприятий, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями настоящей статьи. Не может признаваться преступлением причинение вреда таким лицом, применившим оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением требований законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок их применения, если при этом не было допущено нарушение требований настоящей статьи. При этом не исключаются иные виды ответственности таких лиц, предусмотренные за нарушение установленных действующим законодательством оснований и порядка применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обстоятельства, исключают преступность деяния, получили изначально правовую регламентацию как сакральное право на самозащиту, следовательно, в основе объединяющего их современного института уголовного права лежат положения о необходимой обороне. Доктрина развивалась по пути уточнения их правовой природы и отграничения друг от друга, в частности, необходимой обороны от причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Благодаря научному осмыслению законодательные положения об обстоятельствах, исключают преступность деяния, приобрели формализованные очертания и перспективу дальнейшего поступательного развития, были систематизированы в уголовном законе.

В период с X в. по начало XX в. нашли легальное отражение нормы о необходимой обороне и задержании преступника (ст. 38, 40 Русской Правды). В последующем положения об обстоятельствах, исключают преступность деяния, закреплялись в Псковской судной грамоте (1467 г.), Судебнике 1550 г., Соборном уложении 1649 г., Артикуле воинском. Легальная дефиниция необходимой обороны впервые была зафиксирована в ст. 107 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем же осуществлена систематизация обстоятельств, исключают преступность деяния. Согласно ст. 98-109 отд. 2 гл. 3 Уложения 1845 г., к подобным обстоятельствам отнесены: невинность, малолетство, безумие, ошибка, принуждение от превосходящей непреодолимой силы; необходимая оборона и др. Советское законодательство не привнесло в развитие указанного института значительного обновления. Вплоть до УК РФ 1996 г. он регламентировался достаточно ограниченно.

Следует признать, что вопрос о специфике реализации указанных обстоятельств в деятельности органов внутренних дел на всем протяжении

становления российского уголовного законодательства регламентировался фрагментарно. Сохраняется указанный подход и в УК РФ.

Генезис обстоятельств, исключających преступность деяния, применительно к их реализации в деятельности органов внутренних дел включает следующие этапы:

1) отграничение в законе общественной и государственной функции по задержанию и привлечению к ответственности лиц, совершивших преступление, что нашло отражение в Псковской судной грамоте (1467 г.);

2) закрепление правовых оснований задержания преступника (в Соборном уложении 1649 г.);

3) выделение в законе специальных норм о правомерности действий сотрудников полиции и стражей по задержанию преступника, что нашло отражение в Уложении 1845 г. и Уставе уголовного судопроизводства 1864 г.;

4) распространение положений об обстоятельствах, исключających преступность деяния, без каких-либо существенных изменений относительно правоприменительной деятельности органов внутренних дел (XX в. – УК РФ 1996 г.).

Выделение в самостоятельную главу УК РФ обстоятельств, исключających преступность деяния, обоснованно с социальной и правовой точек зрения. Прежде всего это отвечает таким принципам как общественная значимость уголовно-правовой регламентации; уголовно-политическая адекватность; системно-правовая непротиворечивость; беспробельность и избыточность правового урегулирования; определенность и единство терминологии.

Каждому из обстоятельств, исключających преступность деяния, посвящена отдельная статья главы 8 УК РФ, что свидетельствует о достаточно высоком уровне юридической техники и концептуальном подходе законодателя к их регламентации. Вместе с тем бланкетный характер диспозиций указанных норм формирует определенные коллизии отдельных условий правомерности того или иного обстоятельства, исключającego

преступность деяния. В этой связи к наиболее злободневным проблемам реализации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, относится вопрос согласования положений большого числа специализированных законов и подзаконных актов, регламентирующих условия правомерности вынужденного причинения вреда. Особенно это актуально для деятельности органов внутренних дел в части применения ими оружия и специальных средств.

Под обстоятельствами, исключающими преступность деяния, следует понимать объективно существующие обстоятельства, формирующие отсутствие признаков противоправности в действиях субъекта причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, и влекущие ненаказуемость такого причинения вреда при соблюдении условий его правомерности.

В законодательстве зарубежных государств отсутствуют унифицированные подходы к систематизации и структурированию, нет и единой терминологии относительно обстоятельств, исключающих преступность деяния. Вместе с тем можно констатировать, что к таковым преимущественно относятся: крайняя необходимость; необходимая оборона; исполнение закона или приказа; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; ошибка в правомерности действий.

Именно необходимая оборона получила в законе наиболее детальную регламентацию (УК Австралии, Аргентины, Беларуси, Германии, Испании, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, Нидерландов, Норвегии, США, Узбекистана, Франции, Эстонии и др.). Объединяющими концептами выступают правовая природа вынужденного характера необходимой обороны и ее цель – самозащита либо защита третьих лиц.

Уголовные законы Австрии, Германии, Испании, Нидерландов, Польши, Франции, Швейцарии, Эстонии не закрепляют самостоятельные положения о причинении вреда при задержании. Наибольшую детализацию вопрос

правовой оценки причинения вреда при задержании или аресте получил в государствах семьи общего права (Великобритании, Канаде, США).

В зарубежном уголовном праве нашла отражение и крайняя необходимость (УК Германии, Франции, Швейцарии, стран ближнего зарубежья). В ряде уголовных законов содержатся обстоятельства, исключаящие преступность деяния, не известные отечественному законодательству: ошибка в запрете, фактическая ошибка (УК Германии, Испании, Франции); провокация преступления (УК штата Нью-Йорк). Отсутствие подобной регламентации в УК РФ является пробелом, требующим восполнения.

В деятельности сотрудника органа внутренних дел в части пресечения противоправного посягательства в отношении третьих лиц субъективное право на необходимую оборону трансформируется в публичное право реализации властных полномочий от имени государства. В этой связи в деятельности сотрудника органов внутренних дел следует разграничивать эти два явления. В первом случае никаких изъятий из ст. 37 УК РФ применяться не может. В ходе исследования установлено, что нуждается в уточнении п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», который предлагается изложить в следующей редакции: «применяемые сотрудниками органов внутренних дел меры пресечения преступлений, в том числе и сопряженные с применением в отношении правонарушителя физической силы, специальных средств и оружия, не образуют для последнего ситуацию необходимой обороны». Кроме того, подлежит исключению и п. 28 указанного постановления Пленума, поскольку он противоречит положениям ст. 37 УК РФ.

Защита при необходимой обороне может осуществляться и от посягательства, связанного с насилием, и от иных посягательств. При этом допустима защита как от умышленных посягательств, так и от совершенных по неосторожности. Исходя из понятия нападения, следует рассматривать эту

категорию лишь в аспекте посягательства на физическое лицо. Поэтому не подлежат применению положения ч. 2¹ ст. 37 УК РФ при неожиданном посягательстве на имущество юридического лица.

Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, в отличие от необходимой обороны, реализуется на практике по завершении общественно опасного посягательства либо на стадии его пресечения. Причинение вреда является ненаказуемым исключительно в отношении задержания лица, совершившего преступление.

Правовая оценка правомерности причинения вреда при задержании должна осуществляться с учетом требований о применении специальных средств и оружия в отношении инвалидов и несовершеннолетних, установленных в ст. 18 закона «О полиции». Вместе с тем требование правовой определенности обуславливает закрепление этих положений в ст. 38 УК РФ. Кроме того, в указанной норме отсутствует указание об учете внезапности возникновения ситуации задержания. Подобный пробел нуждается в устранении, поскольку не позволяет дать правовую оценку действий задерживающего, соответствующую объективному содержанию ситуации задержания.

Под крайней необходимостью следует понимать уголовно-правовой подинститут, представляющий собой систему правовых установлений относительно правомочия на причинение вреда охраняемым интересам личности, общества и государства в ситуации возникновения реальной опасности причинения вреда более значимым охраняемым законом интересам личности, общества и государства, при невозможности его предотвращения иным способом.

Для сотрудника органа внутренних дел речь идет об обязанности, вытекающей из профессионального статуса. В случаях, когда акт крайней необходимости с целью защиты правоохраняемого интереса не был осуществлен должностным лицом, последнее может быть привлечено к уголовной ответственности за халатность. Применительно к деятельности

органов внутренних дел источниками опасности следует признавать действия лиц, направленные на приготовление, совершение или сокрытие противоправного деяния; равно как и действия по организации преступной деятельности (ст. 7 ФЗ «Об ОРД», ч. 9 ст. 18 ФЗ «О полиции»).

В научных источниках правомерность крайней необходимости определялась через правовую оценку двух аспектов – угрожающей опасности и невозможности устранить эту опасность иначе, как путем причинения вреда. Основным признаком источника опасности подавляющее большинство ученых называют его наличность. В УК РФ отсутствует регламентация правовой оценки ситуации создания источника опасности лицом, впоследствии его же и предотвращающим. При отсутствии провокации подлежат применению правила крайней необходимости (при соблюдении общих условий ее правомерности). В УК РФ также не закреплено правило об учете фактора экстремальности возникающей ситуации, подобный пробел подлежит устранению. Сформулировано предложение о дополнении ст. 108 УК РФ ч. 3 – «Убийство, совершенное при превышении пределов крайней необходимости» и ст. 114 частью 3 «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов крайней необходимости».

Юридическая природа исполнения приказа или распоряжения проявляется в том, что для таких структур, как ОВД РФ, крайне важно обеспечение строгой дисциплины и подчинения приказам высшего руководства. В противном случае будет нарушен основополагающий принцип субординации и единства действий подразделений органов внутренних дел. Соответствующее нормативное положение, исключая преступность деяния, ставит действия сотрудника органа внутренних дел под правовую защиту исполненного им приказа или распоряжения. Правомерность причинения вреда при исполнении приказа или распоряжения обусловлена целью предотвращения преступлений.

В ст. 42 УК РФ указывается, что превышение образуют действия, которые явно не соответствовали содержанию приказа, однако более четких ориентиров для правоприменителя в данной норме не представлено. В этой

связи целесообразно дать разъяснения на указанный счет на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Полагаем, что к явному превышению мер, необходимых для исполнения приказа или распоряжения, следует отнести выходящие за рамки содержания приказа или распоряжения действия; применение во исполнение приказа или распоряжения недопустимых мер; действие с явно чрезмерным, не обусловленным объективной ситуацией применением насилия или причинением вреда имуществу.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос об исключении уголовной ответственности в случае причинения вреда при исполнении профессиональных обязанностей. Имеются в виду специфические виды мер противодействия преступности при реализации оперативно-розыскных мероприятий. Именно эта деятельность отличается высокой степенью профессиональных рисков как для самого сотрудника органов внутренних дел, так и для фигурантов, в отношении которых осуществляются указанные мероприятия. Особенно актуальны подобные вопросы в сфере противодействия терроризму, экстремизму, организованным формам преступной деятельности (наркобизнесу, торговле людьми и т.п.). В силу приведенных аргументов считаем необходимым обособить причинение вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий в структуре главы 8 УК РФ как самостоятельное общее обстоятельство, исключаящее преступность деяния.

С учетом итогов диссертационного исследования разработаны новые редакции ст. 37, 38, 39 и 42 УК РФ, а также обоснована необходимость совершенствования системных связей между предписаниями УК РФ и положениями нормативных правовых актов различной юридической силы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (ред. от 06.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

4. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2016 г. № 27 (часть I). Ст. 4159.

5. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 13.03.2024).

6. О Федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 15. Ст. 1269.

7. Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

8. Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161195/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 07.03.2024).

9. Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

10. Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: Постановление ВС РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 (ред. от 05.02.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_956/2a0192e75c531fb7b28a609d14f1b8be7e02e2fe/.

11. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/0d2dfcf9300981d72193624d56319367ace6193c/ (дата обращения: 20.03.2024).

12. О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 г. № 1377 (ред. от 22 декабря 2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 43. Ст. 5808.

2 Нормативные правовые акты и иные официальные материалы, утратившие силу

13. Артикул Воинский. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 20.03.2024).

14. Морской устав 13 Января 1720 года. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/piter-1/piter-1-doc-3485.html#/overview> (дата обращения: 20.03.2024).

15. Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г. : с прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. СПб., 1903.

16. О красном терроре: Постановление СНК РСФСР от 05.09.1918. URL: https://bessmertnybarak.ru/article/postanovlenie_o_krasnom_terrore/ (дата обращения: 07.03.2024).
17. О недостатках судебной практики по делам, связанным с применением законодательства о необходимой обороне: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1956 г. № 8 // Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР. 1958.
18. О применении законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасного посягательства: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 (утратил силу). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 07.03.2024).
19. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.
20. Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик: (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 205.
21. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. М.: Зерцало, 1997.
22. Русская Правда (краткая редакция) / подготовка текста, перевод и комментарии М.Б. Свердлова. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/biblioteka-literatury-drevnej-rusi-tom-4/13.
23. Русская Правда (пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 07.03.2024).
24. Соборное уложение 1649 года. М., 1961.
25. Судебник 1497 г. URL: https://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073675_17929_sudebnik_1497_goda.pdf.

26. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О.И. Чистякова; отв. ред. тома А.Д. Горский. М., 1985.
27. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. СПб., 1866.
28. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
29. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
30. Уголовный кодекс РСФСР утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 года // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. С. 591.
31. Указ Екатерины I «О подметных письмах» 1726 г. // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1987. Т. 5.
32. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство»; постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984. URL <https://docs.cntd.ru/document/9007313>
33. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. 15 августа // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1988. Т. 6.
34. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustavugolsud1864> (дата обращения: 20.03.2024).

2 Зарубежное законодательство

35. Примерный уголовный кодекс (США) / пер. с англ. А. С. Никифорова; под ред. и с предисл. Б. С. Никифорова. М.: Прогресс, 1969.
36. Уголовный кодекс Алжира (обнародован приказом № 66-156 от 18 Сафар 1386 от 08.06.1966 (с изменениями, внесенными в соответствии с

Законом № 14-01 от 04.02.2014). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/19199> (дата обращения: 20.03.2024).

37. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / The Criminal code act 1995 of Australia: Принят Федер. парламентом в марте 1995 г.; общ. часть вступила в действие 15.12.2001 / науч. ред. и предисл. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз; пер. с англ. Е.Н. Трикоз. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2002.

38. Уголовный кодекс Австрии / пер. и предисл. А.В. Серебренникова. М.: Зерцало-М, 2001.

39. Уголовный кодекс Австрии. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2003.

40. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утв. Законом Азербайджанской Республики от 30.12.1999 № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 08.07.2022). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 20.03.2024).

41. Уголовный кодекс Аргентины. СПб., 2003.

42. Уголовное законодательство Норвегии. СПб., 2003.

43. Уголовный кодекс Бельгии / науч. ред. и предисл. Н. И. Мацнева; пер. с фр. Г. И. Мачковского. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2004.

44. Уголовный кодекс Гватемалы от 27.07.1973. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2013>. (дата обращения: 06.03.2024).

45. Уголовный кодекс Голландии / науч. ред. В.Б. Волженкин, пер. с англ. И.В. Мироновой. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2001.

46. Уголовный кодекс Гондураса. URL: https://vk.com/@gonduras_dailymain-ugolovnyi-kodeks-gondurasa.

47. Уголовный кодекс Греческой Республики / науч. ред. и предисл. С.И. Карибова; пер. с греч. С.И. Карибова, В.И. Карибова. М., 2011.

48. Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=241> (дата обращения: 20.03.2024).

49. Уголовный кодекс Дании = The Danish Penal Code / науч. ред. С. С. Беляев; пер. с дат. С.С. Беляева и А.Н. Рычевой. СПб.: Юридический

центр – Пресс, 2001.

50. Уголовный кодекс Индии / пер. с англ. А. С. Михлина; под ред. и с предисл. Б.С. Никифорова. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006210335> (дата обращения: 12.03.2024).

51. Уголовный кодекс Исландии (Закон № 19/1940 от 12.02.1940). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2437> (дата обращения: 13.03.2024).

52. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и Ф. М. Решетникова; пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. М.: Зерцало, 1998.

53. Уголовный кодекс Колумбии (Закон № 599 от 24.07.2000). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7305> (дата обращения: 12.03.2024).

54. Уголовный кодекс Кыргызской республики от 28.10.2021 № 127 (введен в действие Законом КР от 28.10.2021 № 126) (в ред. законов КР от 18.01.2022 №4, 01.04.2022 № 22, 16.06.2022 № 45, 30.06.2022 № 51). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309> (дата обращения: 12.03.2024).

55. Уголовный кодекс Латвийской Республики. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2001.

56. Уголовный кодекс Литовской Республики: утв. законом № VIII-1968 г. 26.09.2000 / науч. ред. В. Павилонис; предисл. Н. И. Мацнева; пер. с лит. В.П. Казанскене. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2003.

57. Уголовный кодекс Марокко № 1-59-413 от 28 джумада II 1382 (26.11.1962 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7323> (дата обращения: 12.03.2024).

58. Уголовное законодательство Норвегии / науч. ред. и вступ. ст. Ю.В. Голика; пер. с норв. А.В. Жмени. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2003.

59. Уголовный кодекс Перу (Законодательный указ № 635). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/6548> (дата обращения: 18.03.2024).

60. Уголовный кодекс Польши = The Polish penal code: с изм. и доп. на

01.08.2001 / науч. ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой; пер. с пол. Д.А. Барилевич. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2001.

61. Уголовный кодекс Португалии. URL: <https://www.docsiy.com/ru/ugolovnyy-kodeks-portugalii/5504070/> (дата обращения: 18.03.2024).

62. Уголовный Кодекс Республики Беларусь. URL: https://kodeksy-by.com/ugolovnyj_kodeks_rb.htm (дата обращения: 18.03.2024).

63. Уголовный кодекс Республики Казахстан (с изм. и доп. по состоянию на 12.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0 (дата обращения: 12.03.2024).

64. Уголовный кодекс Республики Корея. СПб., 2004.

65. Уголовный кодекс Республики Молдова от 18.04.2002 № 985-XV (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2022). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=6;-142 (дата обращения: 12.03.2024).

66. Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Народной Республики Албании / пер. с алб. В. А. Андреева; под ред. и с предисл. В. Ф. Кириченко. М.: Издательство иностранной литературы, 1954.

67. Уголовный кодекс Республики Панама (введен в действие законом № 14 от 18.05.2007 (с изм. и доп., внесёнными законом № 26 2008 г.). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7203> (дата обращения: 12.03.2024).

68. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. СПб., 2002.

69. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с изм. и доп. по сост. на 19.07.2022). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 12.03.2024).

70. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утв. Законом Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-XII) (с изм. и доп. по сост. на 02.09.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения:

12.03.2024).

71. Уголовный кодекс Сингапура. URL: [\(https://ru.knowledgr.com/03504979/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81\(%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80\)](https://ru.knowledgr.com/03504979/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81(%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80)) (дата обращения: 12.03.2024).

72. Уголовный кодекс Туркменистана от 12.06.1997 № 222-I (с изм. и доп. по состоянию на 25.11.2023). URL: [\(https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286\)](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286) (дата обращения: 12.03.2024).

73. Уголовный кодекс Турции (Закон № 5237 от 26.09.2004 с изм., внесёнными Законом № 6217 от 31.03.2011). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11135> (дата обращения: 26.03.2024).

74. Уголовный кодекс Украины от 05.04.2001 № 2341-III (с изм. и доп. по сост. на 28.07.2022). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418109 (дата обращения: 26.03.2024).

75. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия / под ред. П.В. Головненков. URL: https://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/lshellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 26.03.2024).

76. Уголовный кодекс Франции: принят в 1992 г.; вступил в силу с 01.03.1994 (с изм. и доп. на 01.01.2002 / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крыловой; пер. с фр. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2002).

77. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, С. С. Беляев; пер. С. С. Беляева. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2001.

78. Уголовный кодекс штата Техас = Texas penal code: принят Законодат. собр. штата Техас: 63-я законодат. сессия Законодат. собр. штата Техас;

вступил в силу с 01.01.1974 (с изм. и доп. на 01.07.2003 / науч. ред. и предисл. И. Д. Козочкина; пер. с англ. Д. Г. Осипова, И. Д. Козочкина. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2006.

79. Уголовный кодекс Эквадора. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1223> (дата обращения: 26.03.2024).

80. Уголовный кодекс Эстонской Республики. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-estonskoj-respubliki_be025ddee1.html?page=1 (дата обращения: 11.03.2024).

81. Уголовный кодекс Южного Судана 2008 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/11413> (дата обращения: 26.03.2024).

4 Судебная практика

82. Апелляционное определение Алтайского краевого суда по уголовному делу № 22-3972/2015 от 20 августа 2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-altajskij-kraevoj-sud-altajskij-kraj-s/act-497876107/> (дата обращения: 26.03.2024).

83. Действия сотрудника милиции признаны совершенными в состоянии необходимой обороны // Информация с сайта Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/files/11506/?ysclid=ltbigifu6e179848246> (дата обращения: 03.03.2024).

84. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.05.2022 № 11 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418018/ (дата обращения: 26.03.2024).

85. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 07.03.2024).

86. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

87. Постановление от 15 апреля 2013 г. Суд района имени Лазо (Хабаровский край). URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cdjt74r4so1a/> / (дата обращения: 26.03.2024).

88. Приговор Абазинского районного суда № 1-37/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-37/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xDvMYtCzL6dW/> (дата обращения: 26.03.2024).

89. Приговор Гулькевичского районного суда по делу № 1-1/2016 1-156/2015 от 6 июля 2016 г. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/r6pSP3dmKXgC/> (дата обращения: 04.03.2024).

90. Приговор Ленинского районного суда (Город Санкт-Петербург) от 21 сентября 2017 г. по делу № 1-169/2017. URL: sudact.ru/regular/doc/EM9GbGKRK0re/ (дата обращения: 26.03.2024).

91. Приговор Московского районного суда г. Казани (Республика Татарстан) от 10 августа 2012 г. по делу № 1-226/2012. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/aI8o38jDpGQq/> (дата обращения: 16.03.2024).

92. Приговор Новочебоксарского городского суда по делу № 1-273/2020 от 28 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QSnDNMjoSagK/> (дата обращения: 04.03.2024).

93. Приговор Первомайского районного суда г. Омска (Омская область) от 30 октября 2013 г. по делу № 1-490/2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LHa7776EUhW1/> (дата обращения: 26.03.2024).

94. Приговор Приаргунского районного суда Забайкальского края от 27 мая 2020 г. по делу № 1-213/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tSCC7RXSS761/?ysclid=luikeqncy6594035683> (дата обращения: 02.04.2024).

95. Приговор Советского районного суда г. Красноярск от 11 декабря 2017 г. по делу № 1-654/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HDFmYRbSzwDR/> (дата обращения: 26.03.2024).

96. Приговор Ухтинского городского суда (Республика Коми) от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-149/2018 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/I8P5S59QQvUW/> (дата обращения: 16.03.2024).

97. Приговор Ухтинского городского суда от 11 февраля 2020 г. по делу № 1-149/2018. URL // <https://sudact.ru/regular/doc/I8P5S59QQvUW/> (дата обращения: 19.03.2024).

98. Приговор Хабаровского районного суда по делу № 1-455/2019 1-66/2020 от 30 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rl97r5ZUQQdZ/> (дата обращения: 26.03.2024).

5 Монографии, учебники, учебные пособия

99. Актуальные проблемы уголовного права: курс лекций / П.В. Агапов [и др.]; под ред. О.С. Капинус; рук. авт. кол. К.В. Ображиев; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2016. С. 483.

100. Арямов А.А. Правомерное причинение вреда: монография / А.А. Арямов. Челябинск: Изд-во Т. Лурье, 2004. С. 340.

101. Ахметшин Х.М. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния: Лекции 1 и 2 / Х.М. Ахметшин / Воен.-полит. ордена Ленина Краснознам. акад. им. В.И. Ленина. М.: Б. и., 1958. С. 40.

102. Басова Т.Б. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / Т.Б. Басова [и др.]; под ред. А.И. Чучаева. М.: Контракт ИИФРА-М, 2013. С. 703.

103. Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / Ю.В. Баулин. Харьков: Основа, 1991. С. 359.
104. Баулин Ю.В. Право граждан на задержание преступника / Ю.В. Баулин. Харьков: Вища школа, 1986. С. 156.
105. Белогриц-Котляревский Л.С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части / Л.С. Белогриц-Котляревский. Киев: Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. С. 618.
106. Берлин А.А. О необходимой обороне / А.А. Берлин. Ярославль: Тип. Губерн. Правл., 1911. С. 106.
107. Блинников В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, в уголовном праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 212.
108. Борисов С.В. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника (правовая оценка действий сотрудников полиции) / С.В. Борисов, А.П. Дмитренко, Е.А. Русскевич, М.М. Дайшутов. М.: Юриспруденция, 2012. С. 189.
109. Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Я.Е. Иванова. М.: Российская академия правосудия, 2010. С. 792.
110. Бушуев Г.В. Социальная и уголовно-правовая оценка причинения вреда преступнику при задержании / Г.В. Бушуев. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. С. 87.
111. Владимиров В.А. Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. М.: Юридическая литература, 1986. С. 221.
112. Владимиров В.А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов. М.: МВД СССР, 1970. С. 110.
113. Волженкин Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. М.: Юристъ, 2000. С. 367.
114. Волков Б.С. Проблема воли и уголовная ответственность /

Б.С. Волков. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. С. 136.

115. Гельфанд И.А. Необходимая оборона по советскому уголовному праву / И.А. Гельфанд, Н.Т. Куц. Киев: Высшая школа МВД УССР, 1962. С. 46.

116. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая: учеб. пособие / А.А. Герцензон. М.: РИО ВЮА КА, 1948. С. 325.

117. Голик Ю.В. Поощрительные нормы в проекте Основ уголовного законодательства / Ю.В. Голик // Новый уголовный закон. Кемерово: Б. и., 1989. С.146.

118. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого органами внутренних дел: учебное пособие / В.Н. Григорьев. Ташкент: ТВШ МВД СССР, 1980. С. 120.

119. Гринберг М.С. Проблема производственного риска в уголовном праве / М.С. Гринберг. М.: Госюриздат, 1963. С. 132.

120. Дмитренко А.П. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния в уголовном праве Российской Федерации / А.П. Дмитренко. М.: Илекса, 2010. С. 342.

121. Домахин С.А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву / С.А. Домахин. М.: Госюриздат, 1955. С. 80.

122. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность / Д.А. Дорогин. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 618.

123. Дорогин Д.А. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность: правовые позиции судебных органов / Д.А. Дорогин. М.: РГУП, 2017. С. 232.

124. Елеонский В.А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел / В.А. Елеонский. Хабаровск: ХВШ МВД СССР, 1984. С. 108.

125. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. М.: ТК Вел- би; Изд-во Проспект, 2006. С. 560.

126. Исаев М.М. Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР / М.М. Исаев. М.: ВЮА, 1948. С. 120.
127. Кадари Х.Х. Вопросы необходимой обороны / Х.Х. Кадари. М., 1963. С. 88.
128. Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключают преступность деяния / Н.Г. Кадников. М.: Закон и право, 1998. С. 47.
129. Калугин В.В. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве / В. В. Калугин. Ставрополь., 2001. С. 28.
130. Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности / О.С. Капинус. М.: Буквовед, 2008. С. 314.
131. Кириченко В.Ф. Значение ошибки по советскому уголовному праву / В.Ф. Кириченко. М.: Академия наук СССР, 1955. С. 94.
132. Кириченко В.Ф. Основные вопросы учения о необходимой обороне в советском уголовном праве / В.Ф. Кириченко. М.; Л.: Академия наук СССР, 1948. С. 108.
133. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая / А.Ф. Кистяковский. Киев: Б. и., 1882. С. 413.
134. Кобзева Е.В. Обстоятельства, исключают преступность деяния / Е.В. Кобзева, И.А. Попов // Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2011. С. 169.
135. Ковалев М.М. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления / М.М. Ковалев. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1991. С. 173.
136. Козак В.Н. Вопросы теории и практики крайней необходимости / В.Н. Козак. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 154.
137. Козак В.Н. Право граждан на необходимую оборону / В.Н. Козак. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 162.

138. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / И.Я. Козаченко, Г.П. Новоселов. М.: Юрайт, 2014. С. 479.
139. Козлов Ю.М. Административное право: учебник / Ю.М. Козлов, Д.М. Овсянко, Л.Л. Попов. М.: Юристъ, 2005. С. 697.
140. Колоколов Г.Е. Новое Уголовное уложение: Толкование и критический разбор / Е.Г. Колоколов. М.: Типо-лит. Ю. Венер преемн. О. Фальк, 1904. С. 44.
141. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Наумов. М.: Юристъ, 1996. С. 863.
142. Кони А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. М.: Университетская типография, 1996. С. 112.
143. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права / В.П. Коняхин. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 346.
144. Коржанский Н.И. Энциклопедия уголовного права: состав преступления. / Н.И. Коржанский [и др.]. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2005. С. 796.
145. Кригер Г.А. Квалификация хищений социалистического имущества / Г.А. Кригер. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1974. С. 336.
146. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность / Н.Ф. Кузнецова. М.: МГУ, 1960. С. 232.
147. Курбанов Г.С. Обстоятельства, устраняющие общественную опасность и противоправность деяния / Г.С. Курбанов. Баку: Гянджлик, 1991. С. 121.
148. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спартак, 2001. С. 767.
149. Курс советского уголовного права. Часть Общая / под ред. Н.А. Беляева, М.Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 646.

150. Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л.: Издательство ЛГУ, 1968. Т. 1. С. 646.
151. Курс советского уголовного права: в 6 т. / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина. В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 311.
152. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. Т. 1. С. 611.
153. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. М., 1999. С. 387.
154. Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 1. С. 611.
155. Лохвицкий, А. Курс уголовного права / А. Лохвицкий. СПб.: Скоропечатня Ю.О. Шредера, 1871. С. 704.
156. Максимов С.В. Обстоятельства, исключают преступность деяния / С.В. Максимов // Уголовное право РФ. Общая часть: учебник. М.: Российский университет дружбы народов, 1996. С. 169.
157. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны / В.В. Меркурьев. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 214.
158. Милюков С.Ф. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты / С.Ф. Милюков, Л.А. Сиятскова. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2005. С. 144.
159. Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключают общественную опасность деяния / С.Ф. Милюков. СПб.: Знание, 1998. С. 51.
160. Милюков С.Ф. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко. СПб.: Юридический центр, 2015. С. 560.
161. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. СПб.: Знание, 2000. С. 276.
162. Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций / Г.В. Назаренко. М.: Осъ-89, 2000. С. 253.

163. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. М.: Бек, 1996. С. 781.
164. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. М.: Бек, 2000. С. 550.
165. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: научно-практическое пособие / А.В. Никуленко. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2018. С. 87.
166. Никулин С.И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / С.И. Никулин // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. 6-е изд. М.: Проспект, 2008. С. 895.
167. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 512.
168. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2003. С. 230.
169. Орешкина Т.Ю. Общая характеристика обстоятельств, исключающих преступность деяния / Т.Ю. Орешкина // Российский ежегодник уголовного права. СПб.: Проспект, 2008. С. 171.
170. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. СПб.: Юридический центр пресс, 2004. С. 320.
171. Пархоменко С.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: исторический обзор / С.В. Пархоменко // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. 10. С. 42.
172. Паше-Озерский Н.Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву / Н.Н. Паше-Озерский. М.: Госюриздат, 1962. С. 181.

173. Перцев Д.В. Уголовно-правовые и криминологические проблемы необходимой обороны: монография / Д.В. Перцев. Калининград: Изд-во РГУ, 2009. С. 222.
174. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. М.: Госюриздат, 1961. С. 666.
175. Пионтковский А.А. Курс советского уголовного права: в 6 т. / А.А. Пионтковский. М.: Наука, 1970. Т. 2. С. 311.
176. Плешаков А.М. Институт крайней необходимости в российском уголовном праве / А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 236.
177. Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона и задержание преступника в деятельности органов внутренних дел / Э.Ф. Побегайло, В. П. Ревин. М.: Академия МВД СССР, 1987. С. 53.
178. Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права / С.В. Познышев. 2-е изд. М.: А.А. Карцев, 1912. С. 653.
179. Попов А.Н. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / А.Н. Попов. СПб.: С.-Петербург. юрид. ин-т, 1998. С. 39.
180. Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах / А.Н. Попов. СПб.: Юридический центр – пресс, 2001. С. 463.
181. Пусторослев П.П. Понятие о незаменимой саморасправе как учреждении уголовного права / П.П. Пусторослев. М.: Университетская типография, 1890. С. 182.
182. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. М.П. Журавлева. М.: ЩИТ-М, 1999. С. 279.
183. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: КОНТРАКТ, 2014. С. 559.
184. Санталов А.И. Обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния / А.И. Санталов // Курс советского

уголовного права. Часть Общая. Т. 1 / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: ЛГУ, 1968. С. 648.

185. Сахаров А.Б. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / А.Б. Сахаров. М.: Наука, 1987. С. 278.

186. Ситникова А.И. Исключительные обстоятельства в уголовном праве: доктринальные модели и законодательные конструкции / А.И. Ситникова. М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. С. 119.

187. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института обстоятельств, исключающих преступность деяния: монография / А.И. Ситникова. Орёл: ОрелГТУ, 2009. С.92.

188. Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность / И.И. Слуцкий; отв. ред. М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1956. С. 118.

189. Смирнов А.М. Уголовно-правовая безнаказанность / А.М. Смирнов. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 462.

190. Советское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.А. Беляева, М. И. Ковалева. М.: Юридическая литература, 1977. С. 542.

191. Советское уголовное право. Часть Общая. М.: Юридическая литература, 1964. С. 445.

192. Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908) / А.С. Суворин. М.: Алгоритм, 2005. С. 749.

193. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: в 2 т. / Н.С. Таганцев. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 419.

194. Тишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника / И.С. Тишкевич. Минск: БГУ, 1974. С. 112.

195. Тишкевич И.С. Условия и пределы необходимой обороны / И.С. Тишкевич. М.: Юридическая литература, 1969. С. 191.

196. Ткачевский Ю.М. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: курс уголовного права / Ю.М. Ткачевский. М., 1999. Т. 1. С. 64.

197. Ткаченко В.И. Необходимая оборона по уголовному праву / В.И. Ткаченко. М.: Юридическая литература, 1979. С. 119.
198. Тяжкова И.М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / И.М. Тяжкова // Российское уголовное право: учебник: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. 2-е изд. М.: МГУ, 2009. Т. 1. С. 169.
199. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии): сборник законодательных материалов / под ред. И.Д. Козочкина. М.: Зерцало, 2001. С. 346.
200. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1996. С. 508.
201. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов. / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. М.: НОРМА, 2001. С. 589.
202. Уголовное право России. Часть Общая: учебник / отв. ред. Л.Л. Крутиков. М.: Бек, 1999. С. 559.
203. Уголовное право России: практический курс. 4-е изд., перераб. и доп. / под науч. ред. А.В. Наумова. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 713.
204. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М.: НОРМА-ИНФРА, 2001. Т. 2. С. 624.
205. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М.: Юристъ, 1999. С. 508.
206. Уголовное право Российской Федерации: учебник / под общ. ред. И.А. Бобракова. Брянск: БГУ, 2008. С. 312.
207. Уголовное право РСФСР. Часть Общая. М.: Госиздат, 1924. С. 235.
208. Уголовное право РФ. Курс лекций. Общая часть / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 2001. С. 415.
209. Уголовное право. Общая часть. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 576.
210. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. 10. С. 711.

211. Уголовное право. Часть общая / под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой. М.: Юрайт, 1997. С. 503.
212. Уголовное право: академический курс: в 10 т. / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. Т. 10. С. 711.
213. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М.: Наука, 1987. С. 278.
214. Фельдштейн Г.С. О необходимой обороне и её отношении к так называемому «правомерному самоуправству» / Г.С. Фельдштейн. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1899. С. 53.
215. Чубинский М. Курс уголовной политики / М. Чубинский. СПб.: типография товарищества «Общественная польза», 1912. С. 426.
216. Шаргородский М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский. М.: Юридический центр – Пресс, 2004. С. 850.
217. Шувгалидзе Т.Г. Необходимая оборона / Т.Г. Шувгалидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1966. С. 158.
218. Энциклопедия уголовного права. СПб.: Изд-во проф. Малинина, 2007. С. 847.
219. Якубович М.И. Необходимая оборона и задержание преступника / М.И. Якубович. М.: Знание, 1976. С. 80.
220. Якубович М.И. Вопросы теории и практики необходимой обороны / М.И. Якубович. М.: Б.и., 1961. С. 227.
221. Lavalley H. de. A Statement of the Laws of Peru in Matters Affecting Business. 4th ed., revised and enlarged. Washington, 1973. P. 234.
222. Valderama D.M. Law and Legal Literature of Peru: A Revised Guide. Washington, 1976. P. 113.

6 Диссертации и авторефераты диссертаций

223. Алиев М.К. Разбой: уголовно-правовые и криминологические аспекты: по материалам судебной практики Карачаево-Черкесской

Республики и Ставропольского края: дис. ... канд. юрид. наук / М.К. Алиев. Ставрополь, 2008. С. 29.

224. Антонов В.Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ф. Антонов. М., 2000. С. 24.

225. Берестовой А.Н. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Берестовой. СПб., 1999. С. 193.

226. Веденин Д.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук / Д.В. Веденин. Екатеринбург, 1999. С. 167.

227. Винокуров В.Н. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Н. Винокуров. Рязань, 1999. С. 25.

228. Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Вольдимарова. М., 2003. С. 179.

229. Гафурова Э.Р. Применение крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, при освобождении заложников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Р. Гафурова. М., 2006. С. 26.

230. Гехфенбаум Г.М. Крайняя необходимость в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук / Г.М. Гехфенбаум. Ставрополь, 2002. С. 166.

231. Голубых Н.В. Применение положений уголовного законодательства о необходимой обороне в деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Голубых. Екатеринбург, 1997. С. 26.

232. Григенча В.Я. Уголовно-правовые проблемы исполнения приказа: дис. ... канд. юрид. наук / В.Я. Григенча. Екатеринбург, 1997. С. 156.

233. Жихорева Р.Е. Реализация правоохранительной функции государства в сфере экономики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Е. Жихорева. М., 2017. С. 26.
234. Загидуллин Р.И. Правоохранительная функция современного российского государства: Вопросы теории и практики: дис. канд. юрид. наук / Р.И. Загидуллин. Казань, 2004. С. 182.
235. Иванов А.Б. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Б. Иванов. М., 1998. С. 27.
236. Кондрашова О.В. Уголовно-правовая оценка причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное посягательство: дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Кондрашова. Тюмень, 2004. С. 189.
237. Нагаева Т.И. Уголовно-правовая оценка нападения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Нагаева. М., 2005. С. 26.
238. Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Никуленко. СПб., 2011. С. 172.
239. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации: дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Никуленко. СПб., 2019. С.512.
240. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / С.В. Пархоменко. Иркутск, 2004. С.28.
241. Петровский А.В. Институционально-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Петровский. Краснодар, 2023. С. 31.
242. Прохоров А.Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Прохоров. Краснодар, 2015. С. 25.

243. Пушкарев С.А. Правовые ценности в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Пушкарев. Ростов н/Д, 2009. С. 26.
244. Савинов А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Савинов. М., 2002. С. 198.
245. Смирнов М.А. Превышение пределов необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции и Росгвардии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Смирнов. СПб., 2022. С. 24.
246. Смирнов А.М. Внесудебные формы защиты прав и свобод личности: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Смирнов. М., 2019. С. 26.
247. Соломоненко И.Г. Исполнение приказа и его уголовно-правовое значение (в деятельности органов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук / И.Г. Соломоненко. М., 1999. С. 188.
248. Станкевич А.М. Пределы правомерности крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Станкевич. М., 2011. С. 24.
249. Старостина Ю.В. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Старостина. Рязань, 2001. С. 187.
250. Старых С.М. Ответственность за убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.М. Старых. М., 2003. С. 24.
251. Талаев И.В. Обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения и отправление профессиональных функций в условиях военной службы: дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Талаев. М., 2015. С.165.
252. Трахов А.И. Уголовный закон в теории и судебной практике: дис. ... д-ра юрид. наук / А.И. Трахов. Майкоп, 2001. С. 370.
253. Усенко С.П. Субинституты российского уголовного права: автореф. дис ... канд юрид. наук / С.П. Усенко. Краснодар, 2023. С. 25.

254. Федосова Е.Ю. Необходимая оборона в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Федосова. М., 2006. С. 24.
255. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Ф. Хаметдинова. Тюмень, 2007. С. 25.
256. Цыганков А.Ю. Уголовно-правовая характеристика деяний, причиняющих вред при исполнении закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ю. Цыганков. М., 2011. С. 24.
257. Чинь Суань Чыонг. Обстоятельства, исключают преступность деяния, в уголовном праве Российской Федерации и Социалистической Республики Вьетнам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Чинь Суань Чыонг. М., 2019. С. 27.
258. Щелконогова Е.В. Обстоятельства, исключают преступность деяния: природа, система, квалификация: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Щелконогова. Екатеринбург, 2014. С. 24.
259. Якунина С.А. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Якунина. Ростов н/Д., 2005. С. 167.

7 Научные статьи

260. Абдуллаев Э.М. Ликвидация террористов – причинение вреда при задержании либо применение исключительной меры уголовного наказания «Без суда и следствия» / Э.М. Абдуллаев // Юристъ-правоведь. 2011. № 4 (47). С. 34.
261. Абрамов М.В. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключает преступность деяния / М.В. Абрамов, С.А. Рожков // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. Studis historica juvenum. 2010. № 1 (6). С. 57.

262. Абубакиров, Ф.М. Понятие нападения с применением насилия при совершении разбоя (ст. 162 УК РФ) / Ф.М. Абубакиров // Интеллектуальный и научный потенциал XXI века: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 ч. Казань: Аэтерна, 2016. С. 62.

263. Агапов П. Уголовно-правовая характеристика нападения при бандитизме / П. Агапов // Уголовное право. 2005. № 6. С. 53.

264. Агафонов В.В. Инновационное совершенствование правовых положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление / В.В. Агафонов // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 71.

265. Антонов А.В. Крайняя необходимость в деятельности правоохранительных органов / А.В. Антонов // Уголовное право. 2007. № 6. С. 61.

266. Асеев С.В. Юридическая природа причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / С.В. Асеев // Правовестник. 2019. № 7 (18). С. 75.

267. Бабурин В.В. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года № 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны / В.В. Бабурин, Н.А. Черемнова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2 (28). С. 83.

268. Бабурин В.В. Уголовно-правовая оценка действий сотрудников правоохранительных органов, причинивших вред лицу, совершившему захват заложника, при его задержании / В.В. Бабурин, А.Н. Хоменко, Н.А. Черемнова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 69.

269. Бажанов В.О. К вопросу о необходимой обороне в административно-деликтном законодательстве Российской Федерации / В.О. Бажанов // Вестник РГГУ. Сер. Экономика. Управление. Право. 2010. № 14 (57). С. 92.

270. Батютина Т.Ю. Генезис уголовно-правовой категории «общественная опасность» в периоды становления советского и современного российского государства / Т.Ю. Батютина // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 55.

271. Белоконь Г.Г. Дифференциация уголовной ответственности за вред, причиненный в состоянии крайней необходимости и при превышении ее пределов / Г.Г. Белоконь // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2009. № 2 (7). С. 69.

272. Береснев П.А. Основание причинения вреда лицу, совершившему общественно опасное деяние, при его задержании / П.А. Береснев // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 января 2007 г. М.: Велби, 2007. С. 90.

273. Блинников В.А. Понятие и юридическая природа обстоятельств, исключающих преступность деяния // Энциклопедический курс уголовного права России / В.А. Блинников. Ставрополь, 2001. С. 88.

274. Борков В.Н. Уголовно-правовая оценка включённости участника оперативно-розыскного мероприятия в преступление / В. Н. Борков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 3. С. 59.

275. Вавилин Е.В. Самозащита гражданских прав / Е.В. Вавилин // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 80.

276. Вельтмандер А.Т. Методологические основы изучения обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.Т. Вельтмандер // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 77.

277. Вершинина С.И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления / С.И. Вершинина // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4. С. 82.

278. Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы теории и судебной практики / К.А. Волков // Российский судья. 2013. № 4. С. 52.

279. Воробьева Д.Ю. О некоторых проблемных аспектах квалификации убийства при задержании лица, совершившего преступление / Д.Ю. Воробьева, В.В. Гарбар // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. Материалы II Междунар. науч. конф. М., 2018. С. 101.

280. Гарбатович Д.А. Необходимая оборона: алгоритм квалификации / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2016. Т. 16, № 4. С. 82.

281. Гарбатович Д.А. Исполнение приказа или распоряжения как обстоятельство, исключающее преступность деяния: алгоритм квалификации / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2017. Т. 17, № 2. С. 59.

282. Гарбатович Д.А. Причинение вреда в состоянии крайней необходимости: алгоритм квалификации / Д.А. Гарбатович // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. 2016. Т. 16, № 3. С. 84.

283. Герасимова Е.В. К вопросу об условиях правомерности необходимой обороны / Е.В. Герасимова // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 2. С. 86.

284. Глушкова Е.М. Понятия «крайняя необходимость» и «превышение пределов крайней необходимости» / Е.М. Глушкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 3. С. 78.

285. Гончар В.В. Некоторые аспекты реализации права на необходимую оборону / В.В. Гончар // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 8. С. 92.

286. Гончар В.В. Особенности реализации права на необходимую оборону сотрудниками правоохранительных органов / В.В. Гончар // Современная наука. 2014. № 3. С. 86.

287. Гребенкин Ф.Б. Проблемы установления превышения пределов необходимой обороны и мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, сотрудниками правоохранительных органов /

Ф.Б. Гребенкин // Общество. Наука. Инновации (НПК-2018): сб. ст. XVIII Всерос. науч.-практ. конф.: в 3 т. Киров: ВятГУ, 2018. С. 104.

288. Десятова О.В. Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран / О.В. Десятова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 90. С. 78.

289. Дмитриева А.С. К понятию обстоятельств, исключающих преступность деяния / А.С. Дмитриева // Молодой ученый. 2021. № 51 (393).

290. Евтушенко Е.А. О развитии института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве России / Е.А. Евтушенко // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2016. № 1. С. 110.

291. Журавлев М.П. К вопросу о юридической природе обстоятельств, исключающих преступность деяния / М.П. Журавлев, Е.М. Журавлева // Уголовное право. 2012. №1. С. 73.

292. Загородников Н.И. Направление изучения советского уголовного права / Н.И. Загородников, Н.А. Стручков // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 59.

293. Зайцева Т.С. Вопросы юридической оценки действий, совершенных в состоянии крайней необходимости / Т.С. Зайцева // Проблемы современной науки и образования. 2017. № 31 (113). С. 80.

294. Зеленов А.В. Современный институт обстоятельств, исключающих преступность деяния: проблемы законодательного закрепления и перспективы развития / А.В. Зеленов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 90.

295. Зенкин А.Н. Провокация преступления как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.Н. Зенкин // Законность. 2015. № 6. С. 89.

296. Золотарев А.С. Меры процессуального и не процессуального обеспечения производства по уголовным делам по уставам уголовного судопроизводства 1864 г. Розыск преступника. Задержание / А.С. Золотарев // Закон и порядок: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. (31 января 2011 г.): сб. науч. тр. М.: Спутник+, 2011. С. 143.
297. Иванцова Н. Разбой – насильственное хищение чужого имущества / Н. Иванцова // Уголовное право. 2003. № 2. С. 80.
298. Келина С.Г. Обстоятельства, исключают преступность деяния / С.Г. Келина // Уголовное право. 1999. № 3. С. 76.
299. Княжев, В.Б. Борьба с терроризмом и права человека / В.Б. Княжев, М.П. Киреев // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 90.
300. Кобзева Е.И. Сущность и содержание правоохранительной функции государства / Е.И. Кобзева, О.И. Мамина // Вестник Академии права и управления. 2018. № 3(52). С. 85.
301. Козочкин И.Д. Реформа американского уголовного права / И.Д. Козочкин // Государство и право. 1993. № 9. С. 80.
302. Кононкова Н.В. К вопросу о допустимости необходимой обороны при защите от посягательства, имеющего признаки административного правонарушения / Н.В. Кононкова, Т.Г. Залунина // Вестник Амурского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2018. № 82. С. 90.
303. Корецкий Д. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью / Д. Корецкий, С. Милюков // Уголовное право. 2004. № 1. С. 50.
304. Краснов А.А. Генезис института обстоятельств, исключают преступность деяния, в источниках русского права X-XIX вв. / А.А. Краснов // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 7. С. 57-62. С.130.
305. Краснов А.А. Исполнение приказа или распоряжения: особенности правоприменения сотрудниками правоохранительных органов и уголовное преследование при неисполнении / А.А. Краснов // Технологии, модели и алгоритмы модернизации науки в современных геополитических

условиях: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Волгоград). Уфа: Аэтерна, 2023. С. 115-119. С. 150.

306. Краснов А.А. Крайняя необходимость: теоретические и законодательные предписания для применения в деятельности сотрудников правоохранительных органов / А.А. Краснов // Цифровизация в глобальном научном пространстве: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Самара). Уфа: Аэтерна, 2023. С. 146-151. С. 172.

307. Краснов А.А. Необходимая оборона и ответственность за превышение ее пределов в правоохранительной деятельности / А.А. Краснов // Наука. Технологии. Инновации. 2023: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конференции. Петрозаводск: Новая наука, 2023. С. 114-120.

308. Краснов А.А. Правовая природа необходимой обороны в зарубежном законодательстве / А.А. Краснов, А.М. Васильев // Второй Ярославский юридический форум: сб. науч. ст. по вопросам противодействия преступности. Ярославль, 2023. С. 174-179.

309. Краснов А.А. Причинение вреда при задержании лица: концептуальные основы установления лица, совершившего преступление / А.А. Краснов // Наука и инновации – современные концепции: сб. науч. ст. по итогам работы Междунар. науч. форума. М.: Инфинити, 2023. С. 32-39.

310. Краснов А.А. Становление уголовно-правовых норм, регламентирующих обстоятельства, исключющие преступность деяния в России / А.А. Краснов // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 91-3. С. 122-126.

311. Крысанов О.О. Необходимая оборона: теория и практика применения / О.О. Крысанов // Следователь. 1997. №2. С. 77.

312. Куличенко А.А. Нападение на лиц, которые пользуются международной защитой / А.А. Куличенко // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4 (359). С. 86.

313. Кучерова О.А. Объективная сторона разбоя: проблемный аспект / О.А. Кучерова, Т.В. Васильева // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2020. № 10-10 (62). С. 80.
314. Ларин В.Ю. Исполнение сотрудником полиции законных полномочий как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В.Ю. Ларин // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 3. С. 97.
315. Лысак Н. В. Крайняя необходимость / Н. В. Лысак // Следователь. 1998. № 6. С. 52.
316. Милюков С.Ф. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него / С.Ф. Милюков, А.В. Никуленко // Актуальные проблемы экономики и права. 2016 № 10. С. 49.
317. Михайлов В. Выполнение профессиональных функций как обстоятельство, исключающее преступность деяния / В. Михайлов // Уголовное право. 2002. № 2. С. 70.
318. Михайлов В.И. О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда / В.И. Михайлов // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. М.: МГУ, 2013. С. 83.
319. Михайлов В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния / В.И. Михайлов // Государство и право. 1995. № 12. С. 74.
320. Моллаев Э.К. Дискуссионные вопросы обстоятельств, исключающих преступность деяния / Э.К. Моллаев // Евразийский юридический журнал. 2019. № 6 (133). С. 95.
321. Морозов В. Некоторые аспекты уголовной ответственности при превышении пределов крайней необходимости / В. Морозов, Г. Хаметдинов // Уголовное право. 2005. № 1. С. 40.

322. Морозов В. О понятии превышения пределов крайней необходимости. Человек: преступление и наказание / В. Морозов, Р. Шарапов // Вестник Рязан. ин-та права и экономики МВД России. 1995. № 4. С. 90.

323. Моторин Л.В. Современные подходы к формированию умений и навыков при задержании преступников / Л.В. Моторин, А.Н. Завьялов, И.А. Ковалев // Современные подходы к подготовке кадров для органов внутренних дел: тез. докл. VIII межвуз. науч.-метод. конф. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД РФ, 2003. С. 165.

324. Николаенко А.С. Особенности объективных признаков разбоя / А.С. Николаенко // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. №7 (59). С. 102.

325. Никуленко А.В. Роль обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в современных реалиях противодействия преступности / А.В. Никуленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 72.

326. Никуленко А.В. Современные возможности крайней необходимости / А.В. Никуленко // Вестник казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. №. 4 (42). С. 57.

327. Никуленко А.В. Условия правомерности причинения вреда при задержании (ст. 38 УК РФ) / А.В. Никуленко // Проблемы правового обеспечения безопасности личности, общества и государства: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. С.А. Полякова. Новосибирск: НГТУ, 2014. С. 127.

328. Никуленко В.А. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление / А.В. Никуленко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4 (48). С. 38.

329. Объяснение главного редактора газеты «Черновик». Гражданская позиция // Черновик. 2009. 8 мая. С.13.

330. Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования / Т.Ю. Орешкина // Lex Russica. 2017. № 6. С. 87.
331. Павлов К.С. К вопросу о соответствии защиты, характеру и степени опасности посягательства / К.С. Павлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 12. С. 96.
332. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается уголовным законом (в аспекте критического анализа понятия обстоятельств, исключающих преступность деяния) / С.В. Пархоменко // Уголовное право. 2003. № 4. С. 32.
333. Петровский А.В. Организация предупреждения преступлений полицейскими подразделениями с участием населения в Центральной Европе (на примере Австрии, Венгрии, Германии, Хорватии, Чехии) / А.В. Петровский // Очерки новейшей камералистики. 2023. № 2. С. 87.
334. Питецкий В.В. Субъективное отношение к причинению вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ) / В.В. Питецкий // Russian journal of legal studies. 2018. № 4 (17). С. 91.
335. Плэмэдялэ И.Г. Актуальные проблемы статьи 38 УК РФ «Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление» / И.Г. Плэмэдялэ // Российский следователь. 2021. № 5. С. 17.
336. Побегайло Э. О пределах необходимой обороны / Э. Побегайло // Уголовное право. 2008. № 2. С. 58.
337. Побегайло Э.Ф. Памяти учителя (к 110-летию со дня рождения профессора Николая Николаевича Паше-Озерского) / Э.Ф. Побегайло // Публичное и частное право. 2010. № 2 (6). С. 76.
338. Поликарпов Е.В. Специальные нормы уголовного закона о превышении пределов крайней необходимости / Е.В. Поликарпов // Таврический научный обозреватель. 2016. № 5(10). С. 94.
339. Попов К.И. Обстоятельства правомерного причинения вреда / К.И. Попов // Российский следователь. 2010. № 1. С. 42.

340. Попрядухина И.В. Ужесточение уголовной ответственности по Судебнику 1497 года / И.В. Попрядухина // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2 (78). С. 65.
341. Портнов И.П. Крайняя необходимость в свете нового уголовного законодательства / И.П. Портнов // Журнал российского права. 1998. № 4/5. С. 58.
342. Рабаданов А.С. Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния / А.С. Рабаданов // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 1. С. 88.
343. Разгильдеев Б. Общественно полезные деяния, предусмотренные УК / Б. Разгильдеев // Законность. 1993. № 12. С. 76.
344. Рарог А.И. Нападение как вид преступного деяния / А.И. Рарог, Т.И. Нагаева // Lex Russica (Русский закон). 2012. Т. 71, № 2. С. 81.
345. Рарог А.И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы / А.И. Рарог // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. 27–28 января 2011 г. М.: МГЮА, 2011. С. 122.
346. Рожнов А.П. Глава 8 УК РФ: влияние логичности содержания на эффективность предупреждения преступности / А.П. Рожнов // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 97.
347. Савинский А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, в формате общей теории права / А.В. Савинский // Lex Russica (Русский закон). 2020. № 11. С. 76.
348. Серегина Е.В. Сложности реализации права граждан на необходимую оборону / Е.В. Серегина // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 43.
349. Сидоров Б.В. Исполнение приказа или распоряжения: социально-правовая природа, вопросы ответственности, наказания и совершенствования уголовного закона за деяния, совершаемые во исполнение приказа или

распоряжения / Б.В. Сидоров, И.А. Гумеров // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 7. С. 39.

350. Симагин М.А. Проблемы института «крайней необходимости» и пути совершенствования законодательства / М.А. Симагин // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности (к 800-летию святого благоверного князя Александра Невского): материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: Костромской государственный университет, 2021. С. 80.

351. Смирнов А.М. Отражение общественной опасности деяния в российском уголовном законодательстве / А. М. Смирнов // Дневник науки. 2018. № 10 (22). С. 100.

352. Смирнов А.М. Крайняя необходимость и вопросы ее совершенствования в уголовном праве России / А.М. Смирнов // Закон и право. 2020. № 4. С.75.

353. Смирнова Л.Н. Уголовная ответственность при нарушении условий правомерности необходимой обороны / Л.Н. Смирнова // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 6 (98). С. 85.

354. Соколянский П.Г., Куфлева, В.Н. Компаративистское исследование института крайней необходимости: внутригосударственный и зарубежный аспекты / П.Г. Соколянский, В.Н. Куфлева // Теоретические и практические проблемы современной науки. материалы V Международной научно-практической студенческой конференции, посвященной 75-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских оккупантов. Краснодар: Кубанский социально-экономический институт, 2018. С. 190.

355. Станкевич А.М. Определение пределов правомерности действий сотрудников полиции в состоянии крайней необходимости / А.М. Станкевич, В.В. Наумов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 95.

356. Суан Чыонг Чинь. Цель – устранение опасности как условие правомерности крайней необходимости в уголовном праве Российской

Федерации и Социалистической Республики Вьетнам / Суан Чьонг Чинь // Закон и право. 2018. № 2. С. 75.

357. Сушков О.Э. Юридическая и социальная природа обстоятельств, исключающих преступность / О.Э. Сушков // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 70.

358. Ткаченко В.И. Ответственность за вред, причиненный при задержании / В.И. Ткаченко // Социалистическая законность. 1970. № 8. С. 85.

359. Тогулев В.М. Уголовно-правовое задержание преступника // Новый уголовный закон: тез. докл. науч.-практ. конф. / В.М. Тогулев. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т, 1989. С. 101.

360. Упоров И.В. Признаки нападения в составе разбоя как насильственного преступления против собственности / И.В. Упоров // Современные проблемы управления и регулирования: теория, методология, практика: сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и просвещение, 2017. С. 153.

361. Фильченко А. Уголовная противоправность деяния и обстоятельства, ее исключающие / А. Фильченко // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Право. 2014. № 1. С. 78.

362. Финько Я.О. Понятие нападения в конструкции состава разбоя в статье 162 Уголовного кодекса Российской Федерации / Я.О. Финько // Молодой ученый. 2017. № 4 (138). С. 130.

363. Хрокова М.С. Правомерность действий сотрудника полиции в случаях крайней необходимости / М.С. Хрокова, И.И. Чараева // Аллея науки. 2021. № 5 (56). С. 122.

364. Честнов И.Л. Правоохранительная функция современного государства / И.Л. Честнов // Криминалист. 2011. №1. С. 60.

365. Чудиновских А.О. К вопросу об особенностях доказывания по делам о превышении пределов необходимой обороны / А.О. Чудиновских, С.Д. Игнатов // Российский следователь. 2011. № 23. С. 70.

366. Чумаров С.А. О проблеме вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / С.А. Чумаров // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД. Ответственный редактор Ю.А. Матвейчев. Могилев, 2018. С. 116-120.
367. Шаповалов В.В. О крайней необходимости как обстоятельстве, исключающем уголовную ответственность / В.В. Шаповалов // Вестник Российского нового университета. Сер. Человек и общество. 2016. № 4. С. 95.
368. Шаповалов В.В. О понятии крайней необходимости в российском уголовном праве / В.В. Шаповалов // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2016. № 3 (13). С. 106.
369. Шишкина Ю. А. Общественная опасность как категория уголовного права / Ю. А. Шишкина // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 150.
370. Шкаредёнок Е.А. К вопросу о понятии «общественно опасного посягательства» как основания для применения необходимой обороны / Е.А. Шкаредёнок // Е-SCIO. 2019. № 10 (37). С. 135.
371. Эркенов Х.А. Проблема ответственности при крайней необходимости / Х. А. Эркенов // Отечественная юриспруденция. 2017. Т. 1, № 5 (19). С. 132.
372. Яни П.С. Вопросы квалификации разбоя / П.С. Яни // Законность. 2015. № 9. С. 88.
373. Konyakhin V.P., Batyutina T.Yu., Aslanyan R.G. Liability for Crimes of Extremism within the Context of the Federal Law “on Operational Search Activities” / V.P. Konyakhin, T.Yu. Batyutina, R.G. Aslanyan // Proceedings of the VII International Scientific-Practical Conference “Criminal Law and Operative Search Activities: Problems of Legislation, Science and Practice” CLOSA, Moscow, 2021, Vol. 1. SciTePress, INSTICC. P. 378-382.

Опросный лист
(опрос проводится с целью выявления компетентного мнения
относительно значения обстоятельств, исключающих преступность
деяния, в деятельности сотрудников органов внутренних дел)

Всего в опросе приняло участие 84 действующих сотрудника органов
внутренних дел, имеющие стаж работы не более 5 лет

№	Вопрос	Ответ
1	Считаете ли Вы социально обоснованным выделение в Общей части УК РФ самостоятельной главы «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» (гл. 8)?	Да – 100 %
2	Часто ли Вы в своей профессиональной деятельности сталкиваетесь с ситуацией вынужденного причинения вреда?	Да – 94 % Нет – 6 %
3	Какое из обстоятельств, исключающих преступность деяния, наиболее часто применимо в практике деятельности органов внутренних дел?	Исполнение приказа – 70,2 % Задержание лица, совершившего преступление – 17,9 %
4	Достаточной ли, на Ваш взгляд, является правовая регламентация необходимой обороны, причинения вреда при задержании преступника, крайней необходимости и исполнения приказа или распоряжения?	Нет – 86,9 %
5	Считаете ли Вы обоснованным включение в гл.8 УК РФ еще одного обстоятельства, исключающего преступность деяния - «Причинение вреда в результате оперативно-розыскных мероприятий»?	Да – 95,23%
6	Допустимо ли, на Ваш взгляд, широкое применение в ст. 37, 38, 39 и 42 УК РФ оценочных категорий?	Нет – 61,9%
7	Необходимо ли, на Ваш взгляд, закрепить в УК РФ требования, предъявляемые к применению физической силы, специальных средств и оружия в деятельности органов внутренних дел?	Да – 63, 1%
8	Считаете ли Вы допустимым установление изъятий из общего правового режима обстоятельств, исключающих преступность	Нет – 97,6%

	деяния, как это сделано в ст. 22 ФЗ «О противодействии терроризму»?	
9	Следует ли предусмотреть по примеру ст. 37 УК РФ учет ситуации неожиданности при крайней необходимости в ст. 39 УК РФ?	Да – 98,8 %
10	Необходимо ли установить ответственность за причинение смерти при превышении крайней необходимости в ст. 108 УК РФ?	Да – 80,9 %
11	Создают ли уголовно-правовые нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, основу для укрепления Вашей решимости в противодействии преступности?	Нет – 100 %
12	Вопрос применения оружия в ситуации необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление, и исполнения приказа не вызывает у Вас сомнений и опасений о последующей правовой оценке правомерности Ваших действий?	Вызывает – 97,6 %
13	Как Вы оцениваете перспективу переименования гл. 8 на «Ненаказуемые виды причинения вреда»?	Да – 77,4 %
14	Следует ли расширить правовые рамки правомерности применения физической силы, специальных средств и оружия в деятельности сотрудника правоохранительного органа?	Нет – 84,5 %